
ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 2 (84) 2024

Редакционный совет

1. **Бараненков Вячеслав Вячеславович**, доктор юридических наук, профессор

2. **Глухов Евгений Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры ФГКВУ ВО «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии»

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Землин Александр Игоревич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права ФГВКУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

5. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права ФГВКУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

6. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право», профессор кафедры криминалистики Военного университета

7. **Свининых Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

8. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

9. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

10. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

11. **Шестак Виктор Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права ФГВКУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему Российско-
го индекса научного цитирования
(РИНЦ)

Решением президиума Высшей аттеста-
ционной комиссии при Минобрнауки
России от 26 апреля 2019 г. издание
с 7 мая 2019 г. по 28 февраля 2023 г. было
включено в **Перечень
рецензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссер-
таций на соискание ученой степени
кандидата наук, ученой степени докто-
ра наук по группе научных специаль-
ностей 20.00.00 — Военные науки
С 4 сентября 2023 г. издание включено
в указанный Перечень по группе
научных специальностей 6.0.0 — Воен-
ные науки (№ 882 Перечня по состоя-
нию на 20.02.2024)**

Главный редактор —
**КОРЯКИН
Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
**ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна**

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	5
----------------------------	---

Правовое обеспечение национальной безопасности

1. Зелененький И.А.	
Лингводидактические тренажеры в системе профессиональной подготовки военных кадров в интересах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	7
2. Колесников Н.В.	
Правовое обеспечение организации технического прикрытия путей сообщения в интересах обороны Российской Федерации	14

Военно-административное право

3. Глухов Е.А.	
Организационно-правовые проблемы оптимального построения иерархии воинских формирований	22
4. Демедюк К.В.	
Роль правосознания военнослужащих Росгвардии в противодействии провокациям ...	31
5. Корякин В.М.	
Правовое положение органов государственной власти и управления на территориях, где введено военное положение и (или) прилегающих к зоне вооруженного конфликта	38
6. Минтягов С.А.	
Принцип централизации или децентрализации в деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации	48

Военная служба. Статус военнослужащих

7. Вотченко И.А.	
О некоторых особенностях исполнения военнослужащими и сотрудниками правоохранительных органов обязанностей в области противодействия коррупции в период проведения специальной военной операции	56

Военные аспекты гражданского права

8. Юринцына Ю.К.	
Проблематика передачи технологий двойного применения для поддержки развития предприятий оборонно-промышленного комплекса в Российской Федерации	62

Судебная деятельность

9. Аулов В.К.	
Военная уголовная юстиция России vs США: компаративистика судоустройства и судопроизводства особого правового режима военного положения	69
10. Бараников М.М., Харитонов С.С.	
Материальная ответственность военнослужащих: компенсация ущерба военной организации (военно-судебная практика)	78

Уголовное право, криминология, уголовный процесс и криминалистика

11. Гирько С.И., Харченко С.А.	
Некоторые вопросы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений	86

12. Ермолович Я.Н.	
К вопросу о признании международного общественного движения ЛГБТ экстремистской организацией	92
13. Жиленкова Т.С.	
Юридическая сущность военно-уставных экспертиз в уголовном судопроизводстве	100
14. Заказнова А.Н.	
К понятию о «насильственном преступлении против военной службы»	105
15. Закомолдин Р.В., Данилов П.С.	
О специальной уголовной ответственности участников добровольческих формирований за преступления против военной службы	114
16. Зюбанов Ю.А., Харитонов С.С.	
О праве государства на уголовное наказание по материалам военно-судебной практики	120
17. Кириченко Н.С., Александрова Н.Г.	
Об ужесточении уголовной ответственности за преступления против безопасности Российской Федерации	126
18. Попов К.И.	
Правомерное причинение вреда при осуществлении законного права	131
19. Сотникова В.В., Кондрашин Г.К.	
К вопросу о незаконном изготовлении и обороте порнографических материалов или предметов (практика военных судов)	136
20. Тищенко А.О.	
Некоторые аспекты квалификации убийства в условиях проведения специальной военной операции	141
Военные проблемы международного права. Зарубежное военное законодательство	
21. Белый П.Ф.	
Статус комбатантов в современных вооруженных конфликтах	146
22. Милехин В.А.	
Законодательное регулирование статуса внутренних войск в Азербайджанской Республике	151
23. Редкоус В.М.	
Правовое регулирование прохождения военной службы по законодательству Азербайджанской Республики	163
24. Шестак В.А., Рожкова Е.В.	
О современном международно-правовом статусе незаконных комбатантов	174

Указатель сокращений

абз. — абзац

АзР — Азербайджанская Республика

БРДМ — бронированная разведывательно-дозорная машина

БТР — бронетранспортер

ВАИ — военная автомобильная инспекция

ВВ — Внутренние войска

ВМФ — Военно-Морской Флот

ВСУ — Вооруженные силы Украины

гл. — глава

ГУВП — Главное управление военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

ЛГБТ — аббревиатура для обозначения лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендерных людей

ЛНР — Луганская Народная Республика

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МИД России — Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИИ — научно-исследовательский институт

НИОКР — научно-исследовательской и опытно-конструкторские работы

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКЮ — Народный комиссариат юстиции

ОВД — органы внутренних дел

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью.

ОРД — оперативно-розыскная деятельность

ОРО — оперативно-розыскное обеспечение

п. — пункт

подп. — подпункт

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Роскомнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Росстандарт — Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

СВО — специальная военная операция

СВР России — Служба внешней разведки Российской Федерации

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СНГ — Содружество Независимых Государств

СНК — Совет Народных Комиссаров

СПС — справочная правовая система

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

тыс. — тысяча

УВП ВС РФ — Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УГиКС ВС РФ — Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФГБУН — федеральное государственное бюджетное учреждение науки

ФГБОУ ВО — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКУ — федеральное государственное казенное учреждение

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации

ФСКН России — Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков

ФСО России — Федеральная служба охраны Российской Федерации

ФТС России — Федеральная таможенная служба

Правовое обеспечение национальной безопасности

Лингводидактические тренажеры в системе профессиональной подготовки военных кадров в интересах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

© Зелененький Илья Андреевич,
преподаватель, ФГБОУ ВО «Военный университет радиоэлектроники»; адъюнкт, ФГКВОУ «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В данной статье дается определение лингводидактических тренажеров и определяются преимущества их использования при обучении специализированным иностранным дисциплинам выпускников военных вузов, относящихся к кадрам обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Научная новизна работы заключается в том, что в ней рассматривается практическое применение данных учебных средств в военно-педагогическом процессе.

Ключевые слова: специализированная языковая подготовка, лингводидактический тренажер, военные кадры, национальная безопасность, профессиональная подготовка.

Linguodidactic simulators in the system of professional training of military personnel in the interests of ensuring the national security of the Russian Federation

© Zelenenky I.A.,
Lecturer, Military University of Radioelectronics;
Associate Professor, Prince Alexander Nevsky
Military University of the Ministry of Defense of the
Russian Federation

Abstract. This article gives a definition of a linguodidactic simulator and determines the advantages of using these simulators when teaching a foreign language to graduates of military universities belonging to personnel ensuring the national security of the Russian Federation. The scientific novelty of the work lies in the fact that it examines the practical application of linguodidactic simulators in the military pedagogical process.

Keywords: specialized language training, linguodidactic simulator, military personnel, national security, professional training.

Сложившаяся на настоящий момент времени напряженная внешнеполитическая обстановка вокруг Российской Федерации требует от выпускников военных вузов, которые в дальнейшем будут выполнять задачи по обеспечению национальной безопасности, высоко сформиро-

ванных знаний, умений и навыков не только по специальным дисциплинам, но и в области иностранного языка. При этом с каждым годом проблема повышения качества языковой подготовки курсантов военных вузов по соответствующим специальностям становится всё более актуальной

ввиду ужесточения требований к уровню языкового владения таких специалистов.

На сегодняшний день в России при изучении иностранного языка среди множества задач выделяется наиболее значимая — обучение функциональной стороне языка и применение его на практике: во внеучебной ситуации, в ситуациях, приближенных к реальной жизни¹. Изменения в мире и их динамика сопровождаются военными конфликтами разной интенсивности, неконтролируемым ростом сепаратизма, экстремизма и неонацизма, разрастанием и распространением международного терроризма. В свою очередь со стороны США осуществляется насильственное воздействие на «неугодные» государства не только путем открытого применения военной силы, но и с применением комплексных мер непрямого воздействия при неявном (скрытом) использовании национальных (коалиционных) вооруженных сил². Кроме того, активное использование протестного потенциала «пятой колонны» для дестабилизации обстановки в различных государствах как часть стратегии избирательных действий уже давно стало «визитной карточкой» тех, кого раньше было принято называть нашими «западными партнерами»³. В сложившихся условиях основной целью языковой подготовки в военных вузах является достижение данными выпускниками компетенций и квалификационных требований, которое им позволит успешно выполнять следующие задачи для выявления и своевременного анализа угроз национальной безопасности:

— письменный перевод текстов различных стилей с сохранением их специфики при передаче информации;

— свободное восприятие содержания сообщений средств массовой информации с учетом особенностей местных диалектов, сленга и языковых культур;

— осуществление устной коммуникации (последовательный и синхронный перевод) в рамках лингвистического обеспечения военной деятельности с носителями языка, с учетом их этнических и культурных особенностей;

— составление отчетов и докладов, информационно-аналитических документов в сфере национальной безопасности.

Следует отметить, что на настоящий момент времени выпускникам военных вузов достаточно сложно достичь требуемого уровня языковой компетенции ввиду несоответствия существующих учебных средств современным образовательным технологиям и преобладания теоретического аспекта над практическим из-за невозможности его адекватного обеспечения. В интересах подготовки специалистов, отвечающих за обеспечение национальной безопасности, в обязательном порядке должно быть обеспечено практическое и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам с целью недопущения разрыва между теорией и практикой⁴. Под профессионально-ориентированным понимается обучение, основанное на учете потребностей обучающихся в изучении иностранного языка, диктуемого особенностями будущей профессии или специальности⁵. Профессиональная направленность деятельности специалистов в сфере государственной безопасности, во-первых, требует интеграции дисциплины «иностранный язык» с профилирующими дисциплинами; во-вторых, ставит перед преподавателем иностранного языка задачу научить будущего специалиста на основе межпредметных связей ис-

¹ Коптюг Н.М. Интернет-уроки как вспомогательный материал для учителя английского языка // Иностранные языки в школе. 2010. № 4. С. 54—59.

² Корякин В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Военное право. 2022. № 2 (72). С. 31.

³ Холиков И.В. Правовые аспекты обеспечения военной безопасности России: динамика подходов и концептуальные перспективы // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 22

⁴ Шемет Г.И. Совершенствование обучения иностранному языку курсантов военных вузов на основе оптимизации лексической компоненты : дис. ... канд. пед. наук. М., 2011.

⁵ Образцов П.И., Иванова О.Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов. Орел: ОГУ, 2005. С. 114.

пользовать иностранный язык как средство систематического пополнения своих профессиональных знаний, а также как средство формирования профессиональных умений и навыков; в-третьих, предполагает использование форм и методов обучения, способных обеспечить формирование необходимых профессиональных умений и навыков будущего специалиста¹.

В общем основные характеристики процесса профессионально ориентированного иноязычного обучения военных специалистов в сфере государственной безопасности включают²:

— овладение профессиональной терминологией на иностранном языке;

— чтение и перевод иноязычных источников по профилю подготовки извлечения профессионально-значимой информации;

— изучение профессионально значимой информации, представленной, как правило, в виде тематических блоков;

— решение профессионально ориентированных задач посредством иностранного языка;

— межкультурную коммуникацию в профессиональной деятельности, учитывающую социокультурный контекст;

— всестороннее развитие и саморазвитие личности, формирование универсальных компетенций и гибких навыков посредством обучения профессионально ориентированному иностранному языку.

В качестве одного из вариантов повышения эффективности подготовки специалистов, составляющих военные кадры, обеспечивающие национальную безопасность Российской Федерации, может рассматриваться применение тренажерных средств или лингводидактических трена-

жеров в ходе изучения иностранных языков.

Необходимо отметить, что процесс повышения эффективности военно-педагогического процесса за счет внедрения тренажерных средств в Российской Федерации начал реализовываться с конца 2019 г. после принятия Министерством обороны Российской Федерации «Концепции развития учебно-тренировочных средств (тренажеров) до 2027 года»³. В рамках данного направления уделяется значительное внимание внедрению тренажерных средств обучения в Вооруженных Силах Российской Федерации, но вместе с тем исследования по разработке компьютерных лингводидактических средств обучения в интересах повышения изучения иностранных языков в военных вузах фактически не проводилось. В частности, в ходе проведения ежегодных мероприятий оборонного ведомства, связанных с конгрессно-выставочной деятельностью, данное направление также остается недостаточно охваченным. Так, на тематических выставках «Военное образование» международного военно-технического форума «Армия-2022/2023» из представленных 29 экспонатов только два были непосредственно связаны с лингводидактическими средствами («Виртуальный языковой 3D-тренажер» Военного университета радиотехники и «Электронный интерактивный учебник арабского языка» Военного университета Минобороны России)⁴.

На основе научно-педагогических трудов ученых, занимавшихся проблемой компьютерного обучения, компьютерному тренажеру могут быть даны следующие определения — это:

¹ См.: Зиннурова Ф.М. Формирование профессионально-языковой компетентности студентов ССУЗ в полиэтничном регионе (на примере строительных специальностей): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2006. С. 25.

² См.: Ванягина М.Р. Моделирование профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2021. № 2(839). С. 147—159.

³ См.: «Концепция развития учебно-тренировочных средств (тренажеров) до 2027 года» // Сайт Министерства обороны РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stat.mil.ru/milps/news/more.htm?print=true&id=12270007%40egNews> (дата обращения: 15.01.2024).

⁴ См.: Зелененький И.А., Алехин И.А., Авуза А.А. Анализ современной практики лингво-тренажерного обучения курсантов военных вузов // Мир образования — образование в мире. 2022. № 3. С. 88—95

1) программа, предназначенная для выработки у обучающихся устойчивых навыков действий, и обеспечивающая выполнение необходимых для этого функций преподавателя¹;

2) компьютерное средство обучения для выработки умений и навыков определенной деятельности, а также развития связанных с ней способностей²,

3) специальная программа, которая можно устанавливать как на персональный компьютер, так и на смартфон (а также использовать в режиме online), служащие для повышения знаний и умений по различным аспектам иностранного языка³.

На сегодняшний день лингводидактические компьютерные тренажеры становятся не только значимым дополнением к применяемым на занятиях по иностранному языку традиционным средствам обучения, но и легко интегрируются с новейшими форматами представления иноязычного материала.

Применение компьютерных средств обучения, в том числе лингводидактических тренажеров в военных вузах, основывается на следующих нормативно-правовых актах:

— Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»;

— приказ Министра обороны Российской Федерации от 22 мая 2022 г. № 308 «Об организации образовательной деятельности в федеральных государственных организациях, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации»;

¹ См.: Стариченко Б.Е. Компьютерные технологии в образовании: Инструментальные системы педагогического назначения : учеб. пособие. Екатеринбург, 1997.

² См.: Башмаков А.И., Башмаков И.А. Разработка компьютерных учебников и обучающих систем. М.: Информ.издат. дом «Филинь», 2003.

³ См.: Королева Н.В. Электронные тренажеры как инновационная форма обучения английскому языку в вузе // Российская наука: актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики : сб. науч. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2021.

— приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации от 5 августа 2020 г. № 882/391 «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ».

При этом использование лингводидактических тренажеров в учебном курсе «должно быть нацелено на предоставление обучающимся возможности объединять различные аспекты обучения — как дистанционные, так и технологии самостоятельного изучения отдельных разделов курса»⁴.

Применение лингводидактических тренажеров в военно-педагогическом процессе позволяет достичь ряда преимуществ, а именно:

— увеличения качества обучения за счет появления у курсантов интереса к учебному процессу — у обучающихся значительно повышается уровень мотивации;

— уменьшения времени на поиск информации — информация подается уже в готовом виде, ее не нужно искать среди других источников для нахождения ответа;

— процесс обучения становится неординарным — у преподавателей появляется возможность применять иные методы и формы обучения параллельно с традиционными;

— реализация индивидуального подхода к обучению обучающихся — организация индивидуального обучения, где обещающийся выполняет задания в своем, удобном только ему, ритме;

— обеспечение наглядности материала — применение в заданиях рисунков, таблиц, схем, диаграмм, подсказок в виде ребусов и т.д., что обеспечивает более глубокое запоминание материала;

— электронное обучение не только повышает продуктивность занятий будущих офицеров, но и способствует мотивации обучения курсантов, то есть делает

⁴ Королева Н.В. Электронные тренажеры как современное средство обучения английскому языку в вузах // За качественное образование : мат. IV Всеросс. форума (с международным участием) (г. Саратов, 15—18 апреля 2019 г.). Саратов, 2019.

конкурентоспособным выпускника военного вуза¹.

Преимущества лингводидактических тренажеров можно разделить на несколько направлений: психологическое, методическое, технологическое, образовательное².

С точки зрения психологии вид такого обучения способствует индивидуализации обучения посредством личных особенностей восприятия информации обучающимися. Это происходит следующим образом: обучающийся по запросу преподавателя должен дать ответ на вопрос, для этого ему необходимо найти соответствующую информацию в виде различного рода образов: зрительных, слуховых или кинестетических. Поиск информации осуществляется на уровне подсознания, а ее извлечение уже на сознательном уровне. При употреблении обучающих программ в процессе обучения иностранного языка все способы получения информации реализуются на практике, учитывая при этом способности конкретного обучающегося а также его сильные стороны³. Таким же образом организуется принцип индивидуального обучения, при котором также возможно создание скрытности обучения, когда обучающийся может не бояться допускать ошибки в процессе обучения, что влияет на стабильную психологическую атмосферу в учебном коллективе.

С точки зрения методической направленности преимущества электронных учебных программ заключаются в наличии обратной связи, которое проявляется в виде немедленной демонстрации ошибок обучающегося, с указанием области их опущения и подсказки, как их исправить⁴.

Таким образом обучающиеся могут видеть результаты своей работы в процессе обучения. Преподаватель же в данном процессе оценивает деятельность всех курсантов, а также одновременно и выбирает соответствующие методы и формы обучения.

При помощи современных технологий и лингводидактических тренажеров обучение становится более эффективным и понятным, так как обучающимся не нужно слушать по несколько раз объяснения одного и того же материала, если они не усвоили его с первого раза. Компьютерные тренажеры указывают на ошибки индивидуально, работают над их коррекцией. При работе с информацией с помощью данных программ у курсантов появляется больше возможностей для ее закрепления то, есть программы предоставляют задания на повторение лексических и грамматических единиц большое количество раз с изменением условий их применения.

На сегодняшний день существует ряд лингводидактических программ, которые по своим функциям могут быть отнесены к лингвотренажерным средствам. Рассмотрим некоторые из них.

Электронные обучающие программы. Данные программы имеют ряд преимуществ в психологическом, методическом, технологическом и образовательном плане, что оказывает огромное влияние на повышение мотивации курсантов при организации процесса обучения. А существующие недостатки в данной области носят временный характер и будут преодолены посредством обучения грамотности в данной сфере педагогов, методистов. Примерами электронных обучающих программ являются: Moodle, ILIAS iSpring Learn, GetCourse и другие.

Электронные словари. Данные средства обучения со встроенными адаптированными словарными базами и встроенными средствами контроля предназначены для практико-ориентированного освоения специализированной военной лексики. В военных вузах наибольшее распростране-

¹ Мещангина Е.И. Информатизация военного образования в системе профессиональной подготовки военных кадров // Военное право. 2022. № 3 (73). С. 65

² Шибзухов Т.А. Сравнительный анализ русских и английских фразеологизмов // Юный ученый. 2019. № 2 (22). С. 15—18.

³ Полат Е.С. Некоторые концептуальные положения организации дистанционного обучения иностранному языку на базе компьютерных телекоммуникаций // Иностранные языки в школе. 2015. № 4. С. 6—11.

⁴ Сайков Б.П. Организация информационного про-

странства образовательного учреждения: практическое руководство. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015.

ние получило приложение «Лингво Тьютор». Программа содержит расширенный комплекс заданий, с помощью которых может осуществляться овладение специализированной лексикой на всех этапах ее изучения, а также алгоритм обеспечения обратной связи для отслеживания прогресса обучения. Компьютерный тренажер позволяет реализовать формирование произносительных навыков с помощью прикрепленных аудиофайлов; отображение связанных с лексическими единицами форм и примеров; отслеживание прогресса обучения с последующей его коррекцией; обеспечение индивидуального подхода к каждому обучающемуся за счет возможности самостоятельного определения уровня усвоения материала. В ходе обучения для изучения и закрепления лексики используются пять тестовых упражнений открытого и закрытого типов.

Программы компьютерного тестирования. Программы компьютерного тестирования позволяют обеспечить индивидуализацию обучения при использовании компьютера также связана с интерактивным характером работы с компьютером и наличием компьютеров на рабочих местах: каждый обучающийся может сам выбирать темп обучения, делать в работе паузы¹. В военных вузах в основном применяется программа компьютерного тестирования «Диалог Нибелунг», входящая в состав программного обеспечения лингафонных кабинетов, позволяющая интегрировать в контрольные задания элементы мультимедиа (графика, видео и аудио) с конечной визуализацией результатов. Компьютерные тестирования с помощью программы проводятся с целью контроля формирования лексических и грамматических навыков, а также восприятия информации на слух. Также одной из распространенных является программа HotPotatoes, которая является гипертекстовой оболочкой для свободного некоммерческого использования. Программа позволяет создавать пять типов интерактивных упражнений. В наш

лингводидактический тренажер вошли 4 типа упражнений: JQuiz (задание-викторина), JMatch (задание-сопоставление), JCross (кроссворд), JClose (задание-вставка пропущенного слова)².

Авторские учебные программы. В качестве основы для разработки лингводидактических тренажеров в военных вузах в некоторых случаях также используются программы Microsoft Office такие, как Powerpoint и Word, где с помощью элементов базового программирования предусмотрено добавление к теоретическому материалу контрольных тестовых заданий. Например, в Военном университете Министерства обороны на кафедре романских языков преподавателями на базе Powerpoint была разработана компьютерная программа по визуализации изучения специальной лексики на испанском языке по разделу «Бронетанковая техника» в рамках дисциплины «Практический курс военного перевода». При использовании данного тренажера в ходе занятий курсанты получили возможность параллельно воспринимать элементы военной техники и обозначающие их иноязычные термины за счет визуализации информации.

Таким образом, можно констатировать, что использование лингводидактических тренажеров в рамках системы профессиональной подготовки военных кадров, обеспечивающих национальную безопасность Российской Федерации, является достаточно эффективным в виду обеспечения высокой практической ориентированности в ходе военно-педагогического процесса. Внедрение в военно-педагогический процесс военных вузов лингводидактических средств повысит мотивацию и интерес курсантов к изучению языков за счет создания реалистичной среды обучения. Однако, обзор научных статей по методике преподавания иностранных языков в военных вузах показал,

¹ Могилева В.Н. Психофизиологические особенности детей младшего школьного возраста и их учет в работе с компьютером. М.: Академия, 2007.

² См.: Немченко Ю.Н. Мультимедийный лингводидактический тренажер как основа формирования коммуникативной и межкультурной компетенций в обучении финских учащихся русскому языку как иностранному // Молодой учёный. 2012. № 4 (39). С. 441—445.

что данное направление имеет значительные резервы для развития и совершенствования. На сегодняшний день в ходе практических занятий не используются инновационные лингводидактические тренажеры из-за отсутствия соответствующих аналогов в российском высшем образовании, частично и бессистемно применяются лишь простые компьютерные тренажеры.

Библиография

1. Башмаков, А.И. Разработка компьютерных учебников и обучающих систем / А.И. Башмаков, И.А. Башмаков. — М.: Информиздат, дом «Филинь», 2003. — 616 с.
2. Ванягина, М.Р. Моделирование профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе / М.Р. Ванягина // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. — 2021. — № 2(839). — С. 147—159.
3. Зелененький, И.А. Анализ современной практики лингво-тренажерного обучения курсантов военных вузов / И.А. Зелененький, И.А. Алехин, А.А. Авуза // Мир образования — образование в мире. — 2022. — № 3. — С. 88—95
4. Зиннурова, Ф.М. Формирование профессионально-языковой компетентности студентов ССУЗ в полиэтничном регионе (на примере строительных специальностей) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ф.М. Зиннурова. — Йошкар-Ола, 2006.
5. Коптюг, Н.М. Интернет-уроки как вспомогательный материал для учителя английского языка / Н.М. Коптюг // Иностранные языки в школе. — 2010. — № 4. — С. 54—59.
6. Корякин, В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / В.М. Корякин // Военное право. — 2022. — № 2 (72). — С. 30—34.
7. Королева, Н.В. Электронные тренажеры как инновационная форма обучения английскому языку в вузе / Н.В. Королева // Российская наука: актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики : сб. науч. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. — Самара, 2021.
8. Королева, Н.В. Электронные тренажеры как современное средство обучения английскому языку в вузах / Н.В. Королева // За качественное образование : мат. IV Всеросс. форума (с международным участием) (г. Саратов, 15—18 апреля 2019 г.). — Саратов, 2019. — 75 с.
9. Мещангина, Е.И. Информатизация военного образования в системе профессиональной подготовки военных кадров / Е.И. Мещангина // Военное право. — 2022. — № 3 (73). — С. 64—68.
10. Могилева, В.Н. Психофизиологические особенности детей младшего школьного возраста и их учет в работе с компьютером : учеб. пособие для студ. образоват. учреждений сред. проф. образования / В.Н. Могилева. — М.: Академия, 2007. — 265 с.
11. Немченко, Ю.Н. Мультимедийный лингводидактический тренажер как основа формирования коммуникативной и межкультурной компетенций в обучении финских учащихся русскому языку как иностранному / Ю.Н. Немченко // Молодой учёный. — 2012. — № 4 (39). — С.441—445.
12. Образцов, П.И. Профессионально ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов / П.И. Образцов, О.Ю. Иванова. — Орел: ОГУ, 2005.
13. Полат, Е.С. Некоторые концептуальные положения организации дистанционного обучения иностранному языку на базе компьютерных телекоммуникаций / Е.С. Полат // Иностранные языки в школе. — 2015. — № 4. — С. 6—11.
14. Сайков, Б.П. Организация информационного пространства образовательного учреждения: практическое руководство / Б.П. Сайков. — М.: БИНОМ; Лаборатория знаний, 2015. — 406 с.
15. Стариченко, Б.Е. Компьютерные технологии в образовании: Инструментальные системы педагогического назначения : учеб. пособие. — Екатеринбург, 1997. — 108 с.
16. Холиков, И.В. Правовые аспекты обеспечения военной безопасности России: динамика подходов и концептуальные перспективы / И.В. Холиков // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 22—27.
17. Шемет, Г.И. Совершенствование обучения иностранному языку курсантов военных вузов на основе оптимизации лексической компоненты : дис. ... канд. пед. наук / Г.И. Шемет. — М., 2011. — 249 с.
18. Шибзухов, Т.А. Сравнительный анализ русских и английских фразеологизмов / Т.А. Шибзухов // Юный ученый. — 2019. — № 2 (22). — С. 15—18.

Правовое обеспечение организации технического прикрытия путей сообщения в интересах обороны Российской Федерации

© Колесников Николай Владиславович,
эксперт научно-исследовательского центра экспертиз на транспорте Российского университета транспорта (МИИТ)

Аннотация. Статья содержит результаты исследования проблем правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе обеспечения технического прикрытия объектов инфраструктуры транспортного комплекса. На основе результатов, полученных в ходе ранее проведенных исследований, отмечается, что недостаточная степень правового регулирования является значимым фактором, препятствующим развитию системы управления техническим прикрытием путей сообщения. Полученные по результатам критического осмысления различных научных подходов выводы о наиболее эффективных направлениях совершенствования правовой терминологии и устранения пробелов и коллизий, закрепления правового статуса участников правоотношений, свидетельствуют о необходимости учета рисков, возникающих в процессе обеспечения технического прикрытия объектов инфраструктуры транспортного комплекса. Исходя из цели исследования, при написании статьи решался ряд частных научных задач. В частности, с использованием методик системно-правового анализа обосновывается вывод о том, что выявление, дифференциация, мониторинг рисков, детерминированных выходом из строя критически важных объектов инфраструктуры при нанесении вероятным противником ударов по ним различными видами поражения, является необходимым условием для выработки научно обоснованной системы правовых мер общей и частной превенции, включающей меры ответственности различных органов исполнительной власти за соответствующие решения, основанных на категорировании рисков и угроз при обеспечении технического прикрытия объектов инфраструктуры транспортного комплекса. Предложены концептуальные основы системы управления рисками для обеспечения провозной способности объектов инфраструктуры транспорта в интересах обороны страны.

Ключевые слова: техническое прикрытие путей сообщения; восстановление движения; объекты транспортной инфраструктуры; правила, силы и средства технического прикрытия; пути сообщения; функционирование транспортного комплекса; транспортное обеспечение обороны страны.

Legal support for the organization of technical coverage of communication routes in the interests of ensuring the security of the Russian Federation

© Kolesnikov N.V.,
expert at the ex-pertiz Research Center for Transport
at the Russian University of Transport (MIIT)

Annotation. The article contains the results of a study of the problems of legal regulation of public relations arising in the process of providing technical cover for the infrastructure of the transport complex. Based on the results obtained in the course of previous studies, it is noted that an insufficient degree of legal regulation is a significant factor hindering the development of a management system for the technical cover of communication routes. The conclusions obtained from the results of a critical understanding of various scientific approaches on the most effective ways to improve legal terminology and eliminate gaps and conflicts, consolidate the legal status of participants in legal relations, indicate the need to take into account the risks arising in the process of providing technical cover for transport complex infrastructure facilities. Based on the purpose of the study, a number of private scientific tasks were solved when writing the article. In particular, using the methods of systemic legal analysis, the conclusion is substantiated that the identification, differentiation, monitoring of risks determined by the failure of critical infrastructure facilities when a probable enemy strikes them with various types of damage is a necessary condition for developing a

scientifically sound system of legal measures of general and private prevention, including measures of responsibility of various executive authorities for relevant decisions, Based on the categorization of risks and threats while providing technical cover for the infrastructure of the transport complex, the conceptual foundations of a risk management system are proposed to ensure the carrying capacity of the infrastructure of the seaport in the interests of national defense.

Keywords: technical cover of communication routes; restoration of traffic; transport infrastructure facilities; rules, forces and means of technical cover; communication routes; functioning of the transport complex; transport support of the country's infrastructure.

Основной целью данной научной работы является доведение до сведения научной общественности и практических работников, а также критическое осмысление результатов фундаментального научного исследования правовых средств обеспечения технического прикрытия объектов инфраструктуры путей сообщения Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели определены задачи, требующие решения:

— определение наиболее эффективных направлений совершенствования транспортного законодательства в целях устранения пробелов и коллизий, систематизации правовой терминологии, при использовании современных методов автоматизации процессов обеспечения технического прикрытия путей сообщения;

— выработка подходов к определению и предложений по закреплению правового статуса участников правоотношений, возникающих в процессе обеспечения технического прикрытия путей сообщения;

— формирование мировоззренческих основ и методологических подходов по вопросам необходимости и целесообразности учета рисков, возникающих в процессе обеспечения технического прикрытия путей сообщения в целях принятия правовых актов управления и управленческих решений, направленных на их минимизацию;

— критическое осмысление результатов классификации рисков и угроз нарушения обязательных требований к силам и средствам, привлекаемым к обеспечению технического прикрытия путей сообщения, устанавливаемых в целях обеспечения пропускной способности транспортного комплекса и организации подготовительных процедур.

Актуальность поставленных целей и задач определяется первостепенным зна-

чением бесперебойности осуществления движения по путям сообщения для обеспечения устойчивости экономики страны, своевременной передислокации войск, доставки грузов для всестороннего обеспечения боевых действий.

Для рационального планирования мероприятий технического прикрытия в мирное и военное время важное значение имеет точность определения ожидаемых объемов разрушения, а также заблаговременная разработка технических решений по восстановлению прерванного движения, создание и эшелонирование запасов сил и средств для технического прикрытия и восстановления транспортных объектов.

При этом следует учитывать многообразие объектов транспортной инфраструктуры, их разнохарактерный функционал работы, неоднородную систему управления, а также значительную пространственную разобщенность объектов.

В связи с этим, по нашему мнению, в Российской Федерации необходимы конкретные правила, которые будут устанавливать порядок организации, разработки и реализации мероприятий по подготовке технического прикрытия и восстановления движения на путях сообщения, а также устанавливать цели, задачи и принципы организации технического прикрытия. Определяют организацию и руководство, а также привлекаемые силы и средства. Для более детального анализа рассмотрим каждый элемент в отдельности.

Целью осуществления технического прикрытия в Российской Федерации является повышения живучести транспортных коммуникаций и обеспечения устойчивого и бесперебойного выполнения воинских перевозок, перевозок в интересах удовлетворения потребностей государства и нужд населения в периоды нарастания военной

угрозы, военного положения, мобилизации, в военное время и восстановления прерванного сообщения в кратчайшие сроки.

Задачами технического прикрытия путей сообщения являются:

1) организация, непрерывное руководство и всестороннее обеспечение;

2) определение перечня направлений, которые подлежат техническому прикрытию на выбранных коммуникационных направлениях;

3) заблаговременная подготовка транспортных коммуникаций к устойчивому функционированию в периоды нарастания военной угрозы, военного положения, мобилизации и в военное время;

4) выделение и расстановка по направлениям технического прикрытия сил и средств, привлекаемых к техническому прикрытию;

5) подготовка сил и средств технического прикрытия к выполнению работ по восстановлению прерванного движения, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, техногенных катастроф, террористических актов и актов диверсий, воздействия противника;

6) создание запасов материальных средств для обеспечения работ по восстановлению прерванного движения, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, техногенных катастроф, террористических актов и актов диверсий и иного воздействия противника.

К принципам организации технического прикрытия путей сообщения в Российской Федерации можно отнести:

— единство целей и централизация руководства;

— обоснованность и согласованность планов;

— единство правовых и организационных основ планирования.

Для бесперебойного руководства техническим прикрытием, в Российской Федерации, необходимо создание определенной иерархии и четкой структуры органов власти.

В указанную структуру необходимо включить:

1) Министерство транспорта Российской Федерации¹:

— организует техническоекрытие инфраструктуры транспорта;

— запрашивает и получает в установленном порядке необходимые материалы и информацию по вопросам технического прикрытия путей сообщения, от федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, при необходимости для осуществления отдельных работ привлекает специалистов иных федеральных органов исполнительной власти и организаций;

— разрабатывает и утверждает цели, задачи и исходные данные для организации технического прикрытия инфраструктуры автомобильного, воздушного, железнодорожного, морского и внутреннего речного транспорта;

— определяет перечень объектов технического прикрытия на инфраструктуре автомобильного, воздушного, железнодорожного, морского и внутреннего речного транспорта;

— определяет головных исполнителей работ по техническому прикрытию транспортных коммуникаций, выдает им мобилизационные задания и заключает с ними государственные контракты на их выполнение;

— разрабатывает и устанавливает своими нормативными правовыми актами и технической документацией обязательные требования в области технического прикрытия путей сообщения, а также к процессам проектно-изыскательских работ, строительства, восстановления и эксплуатации объектов технического прикрытия;

— осуществляет координацию и методическое руководство деятельностью федеральных агентств и субъектов Российской Федерации по вопросам организации технического прикрытия и восстановления нарушенного движения автомобильного,

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июля 2004 г. № 395 «Об утверждении Положения о Министерстве транспорта Российской Федерации».

воздушного, железнодорожного, морского и внутреннего речного транспорта;

— координирует и контролирует взаимодействие федеральных агентств с Минобороны России, МЧС России, с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, головными исполнителями и организациями;

— вносит предложения по определению источников финансирования мероприятий технического прикрытия и восстановления инфраструктуры автомобильного, воздушного, железнодорожного, морского и внутреннего речного транспорта;

— обеспечивает разработку федеральными агентствами разделов плана технического прикрытия путей сообщения;

— организует проверки мобилизационной подготовки головных исполнителей и организаций, предназначенных для выполнения технического прикрытия путей сообщения;

2) Министерство обороны Российской Федерации¹:

— организует в пределах своих полномочий подготовку транспортных коммуникаций в целях обороны;

— определяет приоритетные коммуникационные направления и перечень объектов технического прикрытия на транспортных коммуникациях, используемых при организации воинских, снабженческих и эвакуационных перевозок;

— прогнозирует характер и степень разрушений на территориях, объектах экономики и транспорта от воздействия противника;

— выделяет силы и средства для разминирования и разграждения объектов на транспортных коммуникациях;

— участвует в согласовании планов технического прикрытия путей сообщения;

— согласовывает положения, штаты и табеля к штатам специальных формирова-

ний, предназначенных для передачи Вооруженным Силам Российской Федерации;

— разрабатывает и утверждает план наведения и эксплуатации наплавных железнодорожных мостов;

— проводит опытно-конструкторские и научно-исследовательские работы, направленные на повышение темпов восстановления движения на объектах транспортной инфраструктуры;

— участвует в проверках мобилизационной подготовки головных исполнителей и специальных формирований, предназначенных для выполнения технического прикрытия путей сообщения;

3) Министерство по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Российской Федерации²:

— прогнозирует последствия разрушений критически важных объектов инфраструктуры страны в условиях чрезвычайных ситуаций, техногенных катастроф, воздействия противника и их влияние на функционирование путей сообщения;

— выделяет силы и средства для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также воздействия противника на путях сообщения;

— выделяет силы и средства для разминирования и разграждения объектов на путях сообщения;

— участвует в согласовании планов технического прикрытия путей сообщения;

4) федеральные агентства (воздушного, железнодорожного, автомобильного, морского и речного транспорта):

— участвуют в разработке исходных данных для планирования технического прикрытия путей сообщения;

— разрабатывают разделы плана технического прикрытия инфраструктуры автомобильного, воздушного, железнодорожного, морского и внутреннего речного транспорта;

¹ Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий».

— осуществляют руководство техническим прикрытием и восстановлением функционирования инфраструктуры транспорта;

— определяют, при какой степени разрушения осуществляется восстановление объектов инфраструктуры транспорта;

— устанавливают технические нормы с использованием типовых конструктивных и технологических решений, обеспечивающие достижение требуемых эксплуатационных показателей при восстановлении прерванного движения на транспортных коммуникациях, а также требования к видам восстановления движения;

— осуществляют методическое руководство деятельностью головных исполнителей и организаций по вопросам технического прикрытия инфраструктуры транспорта;

— разрабатывает в установленном порядке номенклатуру и нормы накопления материальных ценностей мобилизационного резерва;

— организуют мобилизационную подготовку головных исполнителей и организаций;

— организуют проверки мобилизационной готовности специальных формирований, а также головных исполнителей и организаций;

— взаимодействуют по вопросам технического прикрытия инфраструктуры транспорта с Минобороны России, МЧС России, с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления;

5) органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации:

— определяют перечень организаций и порядок их привлечения к мероприятиям технического прикрытия путей сообщения в границах субъекта Российской Федерации (муниципального района, муниципального округа, городского округа, поселения);

— участвуют в разработке планов технического прикрытия путей сообщения, в части, касающейся объектов регионального значения (местного значения);

— определяют источники и объемы накопления (заготовки) ресурсов для выполнения мероприятий технического прикрытия путей сообщения;

— привлекают трудоспособное население для оказания помощи головным исполнителям;

— организуют установленным порядком выделение земель для обеспечения мероприятий технического прикрытия.

Данная структура позволит осуществлять все необходимые мероприятия по обеспечению технического прикрытия путей сообщения своевременно, также позволит существенно уменьшить возможные риски невыполнения конкретных целей и задач.

Важно отметить, что к обеспечению технического прикрытия транспортных коммуникаций также привлекаются силы и средства головных исполнителей независимо от форм собственности и ведомственной принадлежности, организации, определяемые органами исполнительной власти субъектов и местного самоуправления, а также Вооруженных Сил Российской Федерации и МЧС России.

Для детального рассмотрения вопроса необходимо, в том числе, определить этапность проведения технического прикрытия путей сообщения и необходимые для проведения мероприятия.

Можно выделить следующие этапы проведения технического прикрытия:

— *в мирное время* — при подготовке к выполнению перевозок, спланированных на период действия военного положения, мобилизации, военного времени, при проведении антитеррористических и противодиверсионных мероприятий;

— *в период действия военного положения, мобилизации, военного времени* — в ходе выполнения перевозок, в ходе работ по восстановлению движения на объектах путей сообщения, а также после окончания работ по восстановлению движения на временных объектах транспортной инфраструктуры.

К мероприятиям, осуществляющимся в целях технического прикрытия, можно отнести следующие:

1) *организационные мероприятия:*

а) разработка нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации и ведомственных актов по техническому прикрытию путей сообщения;

б) разработка исходных данных для планирования технического прикрытия путей сообщения;

в) разработка, согласование и утверждение планов технического прикрытия путей сообщения, плана наведения и эксплуатации наплавных железнодорожных мостов, планов мероприятий, обеспечивающих техническое прикрытие и восстановление движения на транспортных коммуникациях;

г) организация и осуществление взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, головных исполнителей по вопросам обеспечения мероприятий технического прикрытия и восстановления движения на путях сообщения;

д) разработка планов технического прикрытия путей сообщения всех видов транспорта;

е) разработка планов мероприятий всестороннего обеспечения технического прикрытия и восстановления движения на путях сообщения;

ж) создание и подготовка специальных формирований, предназначенных для проведения технического прикрытия и восстановления путей сообщения в соответствии с мобилизационными заданиями;

з) создание и накопление (заготовка) запасов материально-технических средств, строительно-восстановительных материалов и конструкций, материальных ценностей мобилизационного резерва для обеспечения технического прикрытия путей сообщения;

и) проведение учений и тренировок по мобилизационному развертыванию сил и средств, привлекаемых к техническому прикрытию путей сообщения;

к) разработка и хранение нормативно-технической и проектной документации, необходимой для восстановления движения на транспортных коммуникациях в случае разрушения объектов путей сообщения;

л) создание и содержание страхового фонда проектной документации на объекты технического прикрытия путей сообщения;

м) заключение государственных контрактов на выполнение мобилизационных заданий по техническому прикрытию и восстановлению движения на путях сообщения.

2) *инженерно-технические мероприятия:*

а) проектирование, строительство и содержание объектов транспортной инфраструктуры, обеспечивающих бесперебойную работу транспорта в период действия военного положения, мобилизации и в военное время;

б) подготовка (строительство) обходов, рокад, запасных маршрутов, подходов к местам наведения временных мостов и путепроводов;

в) разработка заблаговременных проектных решений на восстановление движения по путям сообщения;

г) проведение опытно-конструкторских и научно-исследовательских работ, направленных на повышение эффективности проведения технического прикрытия путей сообщения.

Отдельное внимание необходимо уделить вопросу восстановления движения на транспортных коммуникациях, под которым понимается комплекс работ, выполняемых по установленным техническим нормам с использованием типовых конструктивных и технологических решений, обеспечивающий достижение требуемых эксплуатационных показателей путей сообщения после выполнения работ по восстановлению движения.

Восстановление движения можно разделить на несколько видов, а именно обеспечение проезда, краткосрочное и временное восстановление.

Основные требования к видам восстановления движения, следующие:

— пропускная и провозная способность;

— срок службы восстанавливаемого объекта инфраструктуры;

— средняя скорость движения;

— объем перегрузочных работ, судооборот, вагонооборот, машинооборот, пассажирооборот;

— количество взлетно-посадочных операций, суммарная масса обслуженных воздушных судов, общий тоннаж отправок.

Подводя итог исследованию, можно прийти к следующим выводам.

Осуществление мер по обеспечению обороноспособности Российской Федерации требует своевременного удовлетворения потребностей государства в мобилизационной готовности транспорта, в том числе объектов двойного назначения, запасов государственного и мобилизационного резервов, подготовки комплекса мероприятий по техническому прикрытию и восстановлению всех видов путей сообщения, подготовке и техническому обслуживанию всех видов транспортных средств.

Транспортной стратегией¹ в систему транспортного законодательства введено понятие «единая опорная сеть», под которой понимается сбалансированная и связанная транспортная сеть, объединяющая в себе важнейшие объекты транспортной инфраструктуры для всех видов транспорта и обеспечивающая функциональное единство транспортной системы, устойчивую взаимосвязь и пространственное развитие крупнейших населенных пунктов, экономических центров, основных минерально-сырьевых и производственных зон, геостратегических территорий, объектов культурного наследия Российской Федерации, наиболее востребованных объектов туризма и рекреационных районов.

Единая опорная сеть состоит из опорных сетей автомобильных и железных дорог, инфраструктуры гражданской авиации, водного транспорта и опорной логистической инфраструктуры. Опорные сети формируются по каждому виду транспорта и интегрируются в Единую опорную сеть, образуя инфраструктуру для мультимодальных перевозок. Объекты инфраструк-

туры опорных сетей каждого вида транспорта имеют единую организацию управления развитием и содержанием в нормативном состоянии.

Как представляется, именно коммуникациям, входящим в соответствующую опорную сеть, должен отдаваться приоритет при планировании и осуществлении мероприятий по техническому прикрытию и восстановлению в случае повреждений и разрушений вследствие внешнего негативного воздействия, вызванного факторами военных действий или обстоятельствами природного и техногенного характера.

В заключение считаем необходимым указать на то, что, исходя из поставленной цели, заключающейся в выявлении и типологизации рисков обеспечения технического прикрытия объектов инфраструктуры транспортного комплекса, а также подготовки на этой основе предложений по совершенствованию системы правового регулирования в указанной сфере в принципиально новых условиях, должен быть решен ряд научных задач. В частности, с использованием инструментария историко-правового, компаративно-правового и системно-правового подходов необходимо проанализировать и осмыслить концепции применения риск-ориентированного подхода в интересах мониторинга, визуализации и выработки управленческих решений по минимизации угроз в условиях осуществления различных видов деятельности. Критическое осмысление парадигмальных основ применения риск-ориентированного подхода в различных сферах общественного производства и социально-экономических отношений позволит сформулировать и адаптировать к потребностям проводимого исследования системно упорядоченную совокупность терминов и понятий, используемых в научном обороте и в нормотворческой деятельности, связанной с допуском регулированием общественных отношений, возникающих в обеспечении технического прикрытия объектов инфраструктуры транспортного комплекса, учитывающих специфику применения риск-ориентированного подхода.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года».

Применение методик формально-догматического анализа норм российского законодательства, системное осмысление мнений ученых, исследовавших проблемы использования риск-ориентированного подхода в интересах минимизации угроз в процессе возникновения, изменения и прекращения общественных отношений в однородных и одновидовых отношениях обусловлено необходимостью выявления общих и специфических характеристик методологии риск-ориентированного подхода и обеспечило возможность определения принципиальных основ построения системы управления рисками, возникающими в процессе обеспечения технического прикрытия путей сообщения, обеспечивающей выработку на правовой основе управленческих решений по организации взаимодействия органов исполнительной власти и хозяйствующих субъектов

Легализация в российском праве предложений, сформулированных по результатам проведенного исследования, позволит

минимизировать за счет комплексного использования правовых средств риски при организации взаимодействия органов исполнительной власти и хозяйствующих субъектов что имеет значение для обеспечения эффективности их функционирования, в контексте потребностей развития российской экономики, достижения национальных целей и стратегического позиционирования Российской Федерации в современном мире.

Освещенные в статье проблемные вопросы правового регулирования, связанные с обеспечением технического прикрытия путей сообщения, решение которых возможно на основе осмысления рисков, возникающих на гносеологическом уровне с сущностным изменением принципов и правовых основ всей системы обеспечения безопасности на транспорте, в праксиологическом — в необходимости выработки новых подходов к организации взаимодействия органов исполнительной власти и хозяйствующих субъектов.

Военно-административное право

Организационно-правовые проблемы оптимального построения иерархии воинских формирований

© Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии

Аннотация. В статье анализируются современная структура построения Вооруженных Сил Российской Федерации. Выявляются принципы и закономерности построения органов военного управления и подчиненных им воинских формирований, функциональные связи между ними, а также пробелы законодательстве в сфере строительства Вооруженных Сил. В частности, автор указывает на регламентацию Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (УВС ВС РФ) лишь субординационных отношений внутри воинской части (полка), оставляя за пределами правового регулирования правоотношения воинских должностных лиц с иными органами военного управления. Формулируются взаимосвязи возлагаемых на воинское формирование задач и его структуры, а также обязанностей должностных лиц из состава органа его управления. На основании выявленных противоречий предлагаются организационно-правовые меры по совершенствованию структуры Вооруженных Сил Российской Федерации.

Ключевые слова: военное управление, воинская часть, орган военного управления, задачи воинских частей, организационная структура, иерархия воинских формирований, военное строительство, субординация.

Organizational and legal problems of optimal construction of the hierarchy of military formations

© Glukhov E.A.,
Candidate of Law, Associate Professor, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops

Abstract. The article analyzes the modern structure of the Armed Forces of the Russian Federation. The principles and patterns of the construction of military management bodies and subordinate military formations, functional links between them, as well as gaps in legislation in the field of construction of the Armed Forces are revealed. In particular, the author points to the regulation by the Charter of the internal service of the Armed Forces of the Russian Federation only of subordination relations within a military unit (regiment), leaving outside the legal regulation the legal relations of military officials with other military management bodies. The interrelationships of the tasks assigned to the military formation and its structure, as well as the duties of officials from its management body, are formulated. Based on the revealed contradictions, organizational and legal measures are proposed to improve the structure of the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: military administration, military unit, military management body, tasks of military units, organizational structure, hierarchy of military formations, military construction, subordination.

Поводом для написания настоящей статьи послужила недостаточная проработка в военно-правовой науке административно-правового статуса воинских формирований различного уровня иерархии, а также правовой регламентации

установления характера отношений между различными органами военного управления.

До настоящего времени законодательство не содержит официального разъяснения термина «орган военного управления»,

в различных же приказах руководителей т.н. «военных ведомств» указанный термин встречается в разном контексте. Поэтому при написании настоящей статьи автор задался вопросом о статусе органа военного управления с точки зрения военно-административных отношений и его существенных признаках.

Прежде всего, отметим, что все военные структуры относятся к федеральным органам исполнительной власти¹. Законодательство Российской Федерации прямо и недвусмысленно запрещает создание и существование формирований (частных военных компаний, охранных фирм и т.п.), имеющих военную организацию или вооружение, военную технику либо в которых предусматривается прохождение военной службы, если таковые формирования не предусмотрены федеральными законами (п. 9 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»).

Функция обороны государства связана с применением военной силы (в военное время) и подготовкой к применению военной силы (в мирное время). Важно подчеркнуть, что «только совокупное сочетание военных методов с решением задач военной безопасности позволяет включать ту или иную государственную организацию и орган в структуру военной организации государства»².

Воинская деятельность, говоря обобщенно, направлена на достижение победы над любым потенциальным противником, на навязывание ему своей воли. Эта цель не может быть достигнута без надлежащей координации усилий, без эффективного управления. История военного искусства подтверждает, что даже начальное значительное преимущество в личном составе и

вооружении при отсутствии превосходства в управлении приводит к поражению³.

Полномочия и компетенция любого министерства, ведомства (в т.ч. созданного в целях обороны) должны быть производны от функций государства в определенной сфере деятельности и, в свою очередь, первичны по отношению к организационным элементам структуры государственных органов. Ни один государственный орган не может функционировать и эффективно использовать предоставленные в соответствии с определенной для него компетенцией полномочия без рациональной организации своих внутренних структурных элементов, без определения их субординации.

Правовой статус любого государственного органа предполагает юридическое закрепление его организационной структуры, а также форм, методов и процедур ее функционирования. Ведь реализация компетенции требует соответствующей организационной «мощности» (штатного расписания) органа и правовой организации деятельности его подразделений и лиц, занимающих в нем должности⁴.

В.Г. Вишняков писал: «Под структурой органа власти понимается совокупность его подразделений, схема распределения между ними функций и полномочий, возложенных на орган, и система взаимоотношений этих подразделений, включающая набор внутренних и внешних связей»⁵. В структуре органа управления важны, кроме должностных полномочий, также организационные, функциональные и организационные связи должностных лиц.

Генри Минцберг под организационной структурой управления организацией предлагал понимать состав, соподчиненность, взаимодействие и распределение

¹ В настоящей статье не рассматриваются структуры органов прокуратуры и следственного комитета, в которых также предусмотрено прохождение военной службы, однако главная цель данных ведомств не заключается в обеспечении независимости и территориальной целостности государства военными методами.

² Кудашкин А.В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. СПб: Юридический центр Пресс, 2003.

³ Иванец В.М., Лукьянчик В.Н., Мельник В.Н. Особенности организации управления войсками в операциях с учетом динамики информационных процессов при переходе на военные сетевые технологии // Военная мысль. 2020. № 7. С. 98.

⁴ Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: учебник. М.: Омега-Л, 2010.

⁵ Вишняков В.Г. Структура и штаты органов советского государственного управления. М.: Наука, 1972.

работ по подразделениям и органам управления, между которыми устанавливаются определенные отношения по поводу реализации властных полномочий, потоков команд и информации. Структура отвечает двум фундаментальным условиям — разделению труда на отдельные задачи и координации действий по их решению¹.

Структура организации определяет состав подразделений, входящих в систему управления, их соподчиненности и взаимосвязи, форму разделения управленческих решений по уровням, а, следовательно, и само число уровней управления. Организационная структура является скелетом, который обуславливает практически всю деятельность субъекта управления.

Решающим образом на структуру организации влияют цели деятельности и функции, определяемые для данной организации при ее создании. Структура органа управления, таким образом, есть орудие, обеспечивающее выполнение возложенных функций оптимальным образом².

В структуре любого государственного органа можно выделить руководство, территориальные, функциональные и обслуживающие подразделения, взаимодействующие по группам связи: вертикальной, функциональной и горизонтальной.

Приведенную логику перенесем на структуру военной организации.

Высшим должностным лицом, осуществляющим полномочия по военному управлению, является Президент Российской Федерации, которому непосредственно подчинены все органы государственной власти, в которых предусмотрено прохождение военной службы.

Управление основной силовой составляющей обороны государства — Вооруженными Силами Российской Федерации — осуществляется Министром обороны Российской Федерации через Министер-

ство обороны Российской Федерации и подчиненные ему иные управленческие структуры (в т.ч. органы военного управления)³.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона «Об обороне» Вооруженные Силы Российской Федерации состоят из центральных органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей и организаций, которые входят в виды и рода войск Вооруженных Сил и в войска, не входящие в них.

Вооруженные Силы, как и любая другая достаточно сложная государственная организация, строятся по иерархическому функциональному принципу. Термин «иерархическая организация» используется для описания многих структур древовидной топологии с подчинением вышестоящему органу военного управления, вплоть до Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации. В свою очередь, каждый орган военного управления обладает определенной самостоятельностью и должен функционировать согласно определенной для него нормативным правовым актом компетенции.

В соответствии с п. 9.8 Типового регламента внутренней организации федеральных органов исполнительной власти⁴ территориальные органы федеральных министерств и ведомств осуществляет свою деятельность в соответствии положением о самом федеральном органе исполнительной власти и положением об этом территориальном органе. Однако указанная норма права в Вооруженных Силах Российской Федерации реализуется лишь частично, поскольку до настоящего времени положения о многих воинских формированиях (армиях, дивизиях, корпусах, бригадах, флотах, флотилиях, полках, эскадрах, кораблях) Министром обороны не изданы⁵. И фактические многие вопросы

¹ Минцберг Г. Менеджмент: природа и структура организаций; пер. с англ. Е.Д. Ряхиной. М.: Эксмо, 2018.

² Глухов Е.А. О правовой регламентации функций воинского формирования и полномочий его должностных лиц // Военное право. 2023. № 3. С. 40—48.

³ П. 5 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082.

⁴ Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2005 г. № 452.

⁵ В этом плане следует отметить, что такого рода

деятельности воинских формирований, являющихся управленческими структурами для нижестоящих воинских частей, регулируются на основании принципа аналогии, как то указано в УВС ВС РФ для должностных лиц полка. Но сам УВС ВС РФ довольно подробно регламентирует систему субординации внутри полка (внутри одной воинской части), оставляя за пределами правового регулирования внешние связи должностных лиц полка с вышестоящими и соседними воинскими формированиями. Лишь в определенных сферах жизнедеятельности (например, войсковое хозяйство, боевые действия, инспектирование, отчетность по направлениям деятельности) подчинение воинских формирований друг другу установлено приказами Министра обороны Российской Федерации.

Согласно плану применения войск (сил) воинские объединения, соединения и воинские части в противоположность от командований военных округов создаются не по территориальному признаку, не связаны с определенной местностью и инфраструктурой, а размещаются исходя из боевого предназначения и возлагаемых задач¹. Соответственно, по территории страны они распределяются неравномерно. Причем место расположения воинского формирования не является статичным и неизменным, т.к. исходя из боевых задач воинские части могут перемещаться как по территории страны, так и за ее пределами. Указанные перемещения не связаны с местом регистрации конкретной воинской части в налоговом органе, с правом пользования, владения землей, на которой будут располагаться имущество и техника данной воинской части. Сказанное означает, что деятельность любого воинского формирования может осуществляться на

любой территории без специального на то разрешения.

При таких исходных данных органы военного управления воинских формирований должны быть способны выполнять поставленные задачи мирного и военного времени, в т.ч. путем управления подчиненными войсками (подразделениями) в процессе взаимной передислокации и, вполне возможно, в условиях противодействия со стороны противника.

Система органов, осуществляющих военное управление, создается применительно к основным звеньям организационной структуры Вооруженных Сил². Структура органов военного управления и их подчиненность строится исходя из функционального предназначения, нормативно оформляется штатами военных организаций и документами боевого применения соответственно. Важной особенностью управленческих отношений в структуре Вооруженных Сил (иных военных ведомств) является то, что подчинение одного воинского формирования другому, и соответственно, руководителя нижестоящего органа военного управления вышестоящему, осуществляется за пределами возглавляемых штатных структур. Так, например, командир полка состоит в штате своего полка, соответственно он не может одновременно числиться в штате вышестоящей дивизии, однако он подчиняется командиру дивизии как своему непосредственному начальнику. Не изменяет указанного подхода и то, что оба воинских формирования могут являться самостоятельными юридическими лицами.

Другой специфической чертой деятельности воинских формирований является то, что в отличие от большинства публичных учреждений они не могут и не должны функционировать по строго выверенному, типовому, не подлежащему изменению алгоритму.

Профессор Н.И. Кузнецов верно указывал, что законодательство не всегда предписывает воинским начальникам конкретные действия, которые могут или

положения имеются в системе МЧС России. (См. приказ МЧС России от 27 марта 2020 г. № 217 «Об утверждении Положения о территориальном органе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий»).

¹ Глухов Е.А. Территориальные органы военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации // Военное право. 2023. № 1. С. 83—92.

² Попов Л.Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации : учебник. М., 2019.

должны совершаться для исполнения своих обязанностей. Следовательно, военные органы, их должностные лица в ряде случаев сами должны определять пути и средства реализации законных предписаний, что невозможно без определенных распорядительных полномочий, которые, однако, ограничиваются пределами исполнения закона и границами решения повседневных задач, находясь в рамках компетенции соответствующего военного органа или должностного лица¹.

Особенно указанное различие по сравнению с плановой деятельностью мирного времени становится заметно в условиях специальных правовых режимов (мобилизации, военного и чрезвычайного положения, режимах контртеррористической и специальной военной операций, в условиях военного времени), а также во время перевода в высшие степени боевой готовности.

В некоторых случаях распоряжения органов военного управления адресованы не подчиненным им субъектам и тоже носят обязательный характер (например, при реализации полномочий по военнотранспортной обязанности, призыве на военную службу, ограничении акватории для прохождения судов в ходе проведения учений на море и т.п.). В этом случае можно говорить об авторитарности актов военного управления.

В зависимости от возлагаемых функций должна выстраиваться и структура военной организации. Кроме того, организационная структура объединений, соединений и частей видов Вооруженных Сил должна быть экономически целесообразной, т.е. иметь оптимальное количество личного состава и военной техники на каждую организационную единицу при одновременном обеспечении их максимальных боевых возможностей².

Военной наукой уже давно сформулирован и применяется на практике принцип сохранения целесообразной соотносительности всех элементов системы управления боевой системы. Данный принцип предусматривает, что любая система управления, независимо от степени ее сложности и места в общей системе управления силами, представляет собой набор элементов, между которыми должны поддерживаться определенная пропорциональность и оптимальная соотносительность, обеспечивающие наибольшую эффективность работы как элементов системы, так и системы в целом, с учетом цели, стоящей перед системой. В противном случае могут возникнуть слабые и даже неработоспособные звенья, а также нарушения и задержки в работе системы, из-за которых вся боевая система, в целом, не сможет надлежащим образом функционировать.

Механизм действия этого закона проявляется также в норме управляемости, которая регламентирует максимально допустимое количество объектов управления (подчиненных), непосредственно замыкающихся на одно должностное лицо, один орган, одну систему управления. Он также применим при определении соотношения между *правами и обязанностями* должностных лиц (органов управления) и определении соотношения *методов их работы, количества времени, которым они располагают для ее выполнения*, а также при решении ряда других задач³. В этом ракурсе разделение личного состава военных министерств по видам деятельности, функциям и территории в структурные подразделения устраняет лимит управления у единоначальника (7—9 непосредственных подчиненных) и позволяет практически неограниченно расширять военную организацию, увеличивая уровни иерархии и не теряя существенно в качестве управления.

¹ Кузнецов Н.И. Правовые основы организации обороны, государственного руководства и управления Вооруженными Силами Российской Федерации // Реформы и право. 2008. № 3. С. 80—89.

² Военная администрация : учебник / под общ. ред. В.М. Корякина. М.: РАП, 2012.

³ Современные проблемы управления силами ВМФ: Теория и практика. Состояние и перспективы / И.В. Соловьев, В.В. Геков, С.М. Доценко и др.; под ред. В.И. Куроедова. СПб.: Политехника, 2015. С. 65.

И, конечно же, организационная структура конкретного воинского формирования зависит от возлагаемых на него задач, методов их решения, от его места в структуре Вооруженных Сил и в уровне иерархической системы, от оснащенности вооружением и техникой, от применяемых ею форм и способов вооруженной борьбы, а также от применяемых средств управления и порядка взаимодействия с иными воинскими формированиями, а также гражданами и организациями. Важно отметить, что вместе с развитием технического прогресса, коррекцией возлагаемых на органы военного управления функций и задач должна соответственно изменяться и структура органа военного управления, а также внутриорганизационные связи.

Если организационная структура воинского формирования перестает соответствовать заложенным при ее создании целям, не успевает приспособиваться к меняющимся условиям, значит, снижается эффективность деятельности военной организации в целом.

Между тем, в строительстве Вооруженных Сил широко применяется подход, согласно которому штаты воинских формирований родов войск и видов Вооруженных Сил должны быть унифицированы. Речь идет о типовых штатах полков, дивизий, бригад, имеющих одни и те же средства ведения боевых действий. Указанный подход обнажает противоречие между простотой, удобством осуществлять управленческие действия вышестоящим органом военного управления, с одной стороны, и неприятием в учет нужд конкретных воинских формирований в целях выполнения возложенных задач, с другой стороны.

Задачи воинских формирований одного и того же типа хоть и похожи, но не могут полностью совпадать даже в повседневных условиях мирного времени. Сказываются климатические условия, отдаленность от государственной границы, от населенных пунктов и от других воинских формирований, имеющиеся в распоряжении полигоны и стрельбища, состояние зданий, сооружений, вооружения и техники, необходимость участия в гарнизонных

мероприятиях и многое другое. Более того, даже боевые задачи одной и той же воинской части в условиях боевых действий не могут полностью совпадать с ранее отрабатанными боевыми задачами, т.к. всякий раз условия обстановки, состояние войск и действия противника будут отличаться, всякий раз деятельность личного состава будет хоть немного, но иной. Одной дивизии по боевому предназначению указывается полоса обороны протяженностью 10 км, другой — 15 км. Для выполнения конкретной задачи может потребоваться и 50 единиц военной техники, а в другой раз — не хватит и 100 единиц.

Не всегда воинские части и соединения для выполнения возложенных задач обладают необходимыми людскими ресурсами. Так, для управления боевой подготовкой и боевыми действиями в войсковом звене создается система пунктов управления (командных, запасных, тыловых, вспомогательных). Причем, все они могут существовать в нескольких вариантах: подвижные полевые и стационарные, основные, запасные, передовые, тыловые. Однако личным составом в достаточном количестве они, как правило, не обеспечены, что вынуждает командование назначать для исполнения обязанностей на указанных пунктах управления нештатных должностных лиц, отрывая их от исполнения своих должностных обязанностей. Дисфункциональный характер вышеуказанного несоответствия¹ приводит к нарушению одного из принципов построения системы органов военного управления: возможности органов управления по осуществлению руководства должны соответствовать содержанию, формам и способам решения, возлагаемых на подчиненные соединения, части, подразделения и организации задач². В идеале, согласно закону необходимого разнообразия, система органов воен-

¹ Более подробно см. Глухов Е.А. Дисфункции военного управления: признание проблемы // Военное право. 2022. № 5. С. 99—112.

² Молоков И.Е. Модели и методы информационно-деятельностной концепции осуществления управленческих функций должностными лицами органов управления тылом : дис. ... д-ра воен. наук. СПб.: ВАТТ, 2004.

ного управления должна быть более сложной, чем подчиненные воинские формирования.

Следовательно, исходя из специфической военной сферы деятельности, организационная структура Вооруженных Сил должна быть гибкой и позволять имеющимися силами выполнять возложенные задачи¹. Кроме того, структура каждой воинской части должна быть адаптирована к быстрому переводу на штаты военного времени, реализовывать в короткие сроки необходимую структурную модернизацию органов управления без значительных материальных и временных затрат. Это означает, что в иерархии подчиненности должны использоваться одни и те же понятия, принципы, алгоритмы и сопрягаемые технические средства обмена командной информацией.

Традиционно военно-служебные отношения характеризуются повышенной степенью правового регулирования, формализацией и регламентированностью всех сторон деятельности их субъектов. УВС ВС РФ содержит типовые обязанности основных должностных лиц полка, эти обязанности налагаются на военнослужащих независимо от местности прохождения ими военной службы, рода войск, выслуги лет и иных факторов. Благодаря детальной регламентации обеспечивается и унификация структур различных органов военного управления, и взаимозаменяемость сотрудников (в случае болезни, отпуска или увольнения)².

Но одновременная такая детальная регламентация деятельности воинских должностных лиц грозит к возникновению управленческой дисфункции в виде заостренности структуры воинского формирования и господства его структуры над необходимыми для исполнения функциями и задачами. Сотрудники вышестоящих

штабов при этом могут вполне добросовестно концентрироваться на выполнении своих должностных обязанностей, однако сами подчиненные воинские формирования будут просто не в состоянии выполнить поставленные задачи ввиду недостаточности ресурсов, не отвечающих современным требованиям жизни устаревшим алгоритмам деятельности или иным не зависящим от них факторам.

Как было указано выше, организационная структура органов военного управления, несомненно, должна соответствовать решаемым задачам. Однако сами решаемые задачи определяются характером вооруженной борьбы³.

Так, например, современные формы ведения боевых действий могут свидетельствовать о настоятельной потребности введения в штаты мотострелковых подразделений операторов беспилотных летательных аппаратов, однако командиры воинских частей и соединений не способны осуществлять необходимые изменения своей структуры своим решением. Результаты многих научных исследований убедительно показывают, что именно «структурная жесткость» подчиненных подразделений мешают им осознать существующие патологии и проявить готовность к переменам⁴.

Кроме того, опасность такой патологии, как «господство структуры над функцией» связана с отвлечением управленческими подразделениями всех отделов от процессов собственно боевой подготовки в угоду исполнению сиюминутных поручений и согласование действий внутри организации.

Таким образом, в современных условиях, особенно с учетом опыта специальной военной операции все больше возрастают противоречия между структурой воинских формирований, стоящими перед

¹ Глухов Е.А. Внешняя структура и правовое положение органов военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 3. С. 20—33.

² Глухов Е.А. Принципы военного права в сфере военного управления // Военное право. 2022. № 1. С. 71—82.

³ Долгополов А.В. Основные подходы к совершенствованию организационной структуры органов управления межвидовыми группировками войск (сил) в современных условиях ведения военных действий // Военная мысль. 2012. № 3. С. 34—41.

⁴ Ануфриева Н.И. Патология организации // ЭКО. 2006. № 12. С. 160—174.

ними задачами в конкретных условиях и полномочиями органов военного управления.

Поэтому стремление к унификации типовых штатов воинских формирований в совокупности с длительной процедурой согласования различного рода изменений в указанные штаты вступают в противоречие с необходимостью оперативного создания структуры военной организации под выполнение конкретных функций.

Тенденции последних лет позволяют вести речь об активном использовании в районе боевых действий т.н. формирований «Лего» — построенных по типу конструктора игровых моделей структур, где можно к имеющейся базе добавить любое количество дополнительных элементов. Обычно в качестве базы используется батальон (дивизион), усиливаемый приданными подразделениями. Созданное таким образом воинское формирование способно выполнять боевые задачи в отрыве от воинской части-формирователя, однако при этом не являясь организационно самостоятельным, и, как следствие, не являясь субъектом гражданских и трудовых отношений со сторонними лицами¹.

Учитывая изложенные выше коллизии и пробелы правового регулирования, автором предлагается:

1. По аналогии со структурой управления полком, раскрытой в гл. 3 УВС ВС РФ, нормативно определить типовую структуру управленческих отношений в более крупных воинских формированиях: бригадах, эскадрах, дивизиях, армиях, флотилиях, корпусах и т.п.). В настоящее время правоприменительная практика распространяет типовые обязанности должностных лиц полка на одноименных должностных лиц иных воинских формирований по аналогии, что не является юридически верным и порождает противоречия в понимании своей компетенции со стороны различных должностных лиц. Админи-

стративно-правовой статус любого воинского формирования должен быть нормативно определен для устранения неопределенности в его взаимоотношениях, как с другими воинскими формированиями, так и с иными субъектами правоотношений.

2. Издать нормативные правовые акты Российской Федерации, касающиеся функций, структуры военных министерств и ведомств, и определения подчиненности, правил субординационных и координационных отношений между воинскими формированиями (и их руководителями) в иерархической системе военных округ (Главное командование вида или рода войск Вооруженных Сил) — отдельная воинская часть. В настоящее время многие вопросы указанных правоотношений определены не нормативными правовыми актами, а иными документами органов военного управления, что затрудняет их правильное правоприменения.

Правильное определение административно-правового статуса органов военного управления и их подразделений позволяет нивелировать излишества, упростить структуру, оптимизировать штаты управленцев, улучшить разделение управленческого труда (и в целом управленческий процесс) в целях наиболее квалифицированного и оперативного выполнения своих функций каждым из них².

3. Провести организационную работу по анализу и обоснованию структуры воинских формирований различного уровня применительно к возлагаемым на них задачам. Структуру органов военного управления создавать исходя из возлагаемых на подчиненное воинское формирование задач с учетом объективной возможности выполнения ими возложенных задач, нормы управляемости и функционирования систем поддержки принимаемых решений. При этом совершенствование структуры военной организации не должно стать самоцелью. И уже после определения возла-

¹ Глухов Е.А. Правовая регламентация управления в смешанных воинских формированиях требует совершенствования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4. С. 46—52.

² Янкина И.А., Рачипа А.В. Социальная диагностика организационных патологий: сравнительный анализ коммерческих и некоммерческих организаций // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5. № 3. С. 84—96.

гаемых задач и структуры военной организации разделять возлагаемые на воинское формирование задачи путем установления должностных обязанностей лицам из состава органа военного управления.

Библиография

1. Ануфриева, Н.И. Патология организации / Н.И. Ануфриева // ЭКО. — 2006. — № 12. — С. 160—174.
2. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления : учебник / Г.В. Атаманчук. — М.: Омега-Л, 2010. — 525 с.
3. Вишняков, В.Г. Структура и штаты органов советского государственного управления / В.Г. Вишняков. — М.: Наука, 1972. — 278 с.
4. Военная администрация : учебник / под общ. ред. В.М. Корякина. — М.: РАП, 2012. — 400 с.
5. Глухов, Е.А. Внешняя структура и правовое положение органов военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 3. — С. 20—33.
6. Глухов, Е.А. Дисфункции военного управления: признание проблемы / Е.А. Глухов // Военное право. — 2022. — № 5. — С. 99—112.
7. Глухов, Е.А. О правовой регламентации функций воинского формирования и полномочий его должностных лиц / Е.А. Глухов // Военное право. — 2023. — № 3. — С. 40—48.
8. Глухов, Е.А. Правовая регламентация управления в смешанных воинских формированиях требует совершенствования / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4. — С. 46—52.
9. Глухов, Е.А. Принципы военного права в сфере военного управления / Е.А. Глухов // Военное право. — 2022. — № 1. — С. 71—82.
10. Глухов, Е.А. Территориальные органы военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации / Е.А. Глухов // Военное право. — 2023. — № 1. — С. 83—92.
11. Долгополов, А.В. Основные подходы к совершенствованию организационной структуры органов управления межвидовыми группировками войск (сил) в современных условиях ведения военных действий / А.В. Долгополов // Военная мысль. — 2012. — № 3. — С. 34—41.
12. Иванец, В.М. Особенности организации управления войсками в операциях с учетом динамики информационных процессов при переходе на военные сетевые технологии / В.М. Иванец, В.Н. Лукьянчик, В.Н. Мельник // Военная мысль. — 2020. — № 7. — С. 90—101.
13. Кудашкин, А.В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. / А.В. Кудашкин. — СПб: Юридический центр Пресс, 2003. — 572 с.
14. Кузнецов, Н.И. Правовые основы организации обороны, государственного руководства и управления Вооруженными Силами Российской Федерации / Н.И. Кузнецов // Реформы и право. — 2008. — № 3. — С. 80—89.
15. Минцберг, Г. Менеджмент: природа и структура организаций / Генри Минцберг; [пер. с англ. Е.Д. Ряхиной]. — М.: Эксмо, 2018. — 512 с.
16. Молоков, И.Е. Модели и методы информационно-деятельностной концепции осуществления управленческих функций должностными лицами органов управления тылом : дис. ... д-ра воен. наук / И.Е. Молоков. — СПб.: ВАТТ, 2004. — 343 с.
17. Попов, Л.Л. Административное право Российской Федерации : учебник / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев. — М.: Юрайт, 2019. — 456 с.
18. Современные проблемы управления силами ВМФ: Теория и практика. Состояние и перспективы / И.В. Соловьев, В.В. Геков, С.М. Доценко и др.; под ред. В.И. Куроедова. — СПб.: Политехника, 2015. — 434 с.
19. Янкина, И.А. Социальная диагностика организационных патологий: сравнительный анализ коммерческих и некоммерческих организаций / И.А. Янкина, А.В. Рачипа // Caucasian Science Bridge. — 2022. — Т. 5. — № 3. — С. 84—96.

Роль правосознания военнослужащих Росгвардии в противодействии провокациям

© Демедюк Кирилл Валерьевич,
адъюнкт ФГКВОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского» Минобороны
России

Аннотация. Аннотация. В статье рассматриваются основные пути повышения эффективности процесса формирования у военнослужащих Росгвардии умений и навыков противодействия провокационным поступкам при выполнении задач защиты общественного порядка. Описаны цели провокационной деятельности, приведены ее примеры. Представлены положения, обосновывающие, что умения и навыки для противодействия провокациям целесообразно формировать на основе развитого правосознания военнослужащих. Также изложены составляющие правовой социализации, которые военнослужащие осваивают в ходе службы. Приведены негативные факторы, приводящие к деформации правосознания. Автором предлагаются направления и формы совершенствования правосознания у военнослужащих Росгвардии.

Ключевые слова: противодействие провокациям, правосознание, военнослужащие Росгвардии, подготовка, охрана общественного порядка.

The role of the legal awareness of the Russian Guard servicemen in countering provocations

© Demedyuk K.V.,
Associate Professor of the Federal State Educational
Institution of Higher Education "Prince Alexander
Nevsky Military University" of the Ministry of
Education of the Russian Federation

Abstract. The article considers the main way to increase the effectiveness of the process of forming the skills and abilities of the Russian Guard servicemen to counter provocative actions when performing tasks of protecting public order. The objectives of provocative activity are described, and its examples are given. The provisions substantiating that it is advisable to form skills and abilities to counter provocations on the basis of a developed legal awareness of military personnel are presented. The components of legal socialization that military personnel master during their service are also outlined. The negative factors leading to the deformation of legal consciousness are given. The author suggests the directions and forms of improving the legal awareness of the servicemen of the Russian Guard.

Keywords: counteraction to provocations, legal awareness, National Guard soldiers, training, protection of public order.

Из истории провокационных действий наших потенциальных и действительных противников прослеживается изменение форм, средств и методов их проведения. Становится совершенно очевидно, что неподготовленность должностных лиц к противодействию провокациям, совершаемые ими ошибки приводят к срыву выполнения служебно-боевых задач и являются прямым следствием неблагоприятных социально-экономических последствий.

Современные технологии провокационных действий эффективно работают на подрыв внутренней стабильности, создание панических настроений в обществе, митинговой и протестной активности. Например, провокационные действия Вооруженных сил Украины (ВСУ) сегодня применяются как форма вооруженной борьбы¹. Примером этого являются фейко-

¹ Александрова Н.Г. Об обеспечении безопасности

вые сообщения о химических атаках регионов Украины, массовых расстрелах мирных жителей российскими военнослужащими, обвинения их в краже украинских детей, экспортировании донорских органов за рубеж, обстрелах объектов социальной инфраструктуры населенных пунктов, подконтрольных ВСУ, и многие другие.

Главная цель провокаций — дестабилизация обстановки¹. Достижение этой цели возможно за счет реализации следующих направлений провокационной деятельности:

— дискредитация деятельности Российской Федерации и высшего руководства страны²;

— дезинформация общественного мнения³;

— дезориентация общественного сознания⁴.

По своему предназначению провокациям при охране и защите общественного порядка противостоят военнослужащие Росгвардии, что предполагает наличие у них специальных навыков и умений, основанных на развитом правосознании. Формирование правосознания достигается в ходе целенаправленной деятельности командования, штабов, управления, то есть субъектов образовательного и воспитательного процесса.

населения с учетом проведения специальной военной операции // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 73—76.

¹ Абгарян Р.Э. Основные этапы динамики политических конфликтов и методы их разрешения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 17 (756). С. 117.

² Воробьев С.М. К вопросу о понятии дискредитации деятельности уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). С. 18.

³ Ведякова Е.Н. Дезинформация в контексте обеспечения правопорядка, общественной безопасности и национальной безопасности, в сборнике: юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты // Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2022. С. 124—126.

⁴ Титаренко Т.А. Условия и факторы формирования правосознания и правовой культуры личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 2 (45). С. 42—44.

Правосознание военнослужащих — это система правовых знаний, взглядов, представлений, потребностей, установок и убеждений, выражающих их отношение к праву, обеспечивающих безупречное личное соблюдение нормативных правовых актов⁵.

Целью формирования правосознания личного состава подразделений является уяснение военнослужащими сущности и социального значения законности в условиях службы и соблюдение правовой культуры в профессиональной деятельности.

Задачами формирования правосознания военнослужащих являются:

— получение специальных правовых знаний как необходимого условия соблюдения законности;

— ответственное отношение к правовым требованиям и убежденность военнослужащего в законности предстоящей деятельности;

— привитие качеств правосознательности.

Военнослужащие Росгвардии, привлекаемые к выполнению задач по предназначению, имеют базовую и специальную подготовку, обеспечивающую значительный уровень правосознания. Поэтому формировать направленность правосознания в специальных условиях нужно с учетом специфики предстоящей деятельности, с учетом проведения анализа обстановки и ее уяснения особенностей.

Формирование правосознания происходит внутри процесса социализации личности. Правовая социализация личности развивается только в тесном взаимодействии с деятельностью-адаптационной социализацией⁶. Правовая социализация — это не только личностный, но и групповой процесс изменения правового сознания, в ходе которого социальная группа адапти-

⁵ Общая и прикладная политология : учебное пособие / Под общей ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. М.: МГСУ; Изд. «Союз», 1997. С. 379.

⁶ Зеленков П.Г. Правовое сознание в процессах социализации и десоциализации личности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 5. № 23. С. 37—42.

руется к изменяющимся внешним условиям, а затем интериоризирует их в свою внутреннюю мотивационную структуру¹.

Условно можно выделить три составляющие (три уровня) правовой социализации военнослужащего в ее динамической структуре:

1 уровень — овладение правовыми знаниями, на котором происходит усвоение понятий и положений. Он характеризуется усвоенными человеком до призыва на военную службу норм морали и индивидуального сознания, полученных в семье, дополнительных образовательных организациях, образовательных учреждениях. Военные правовые нормы воспринимаются через собственное понимание в процессе становления военнослужащего в должности при призыве на военную службу, происходит формирование и развитие военной составляющей личности;

2 уровень — осознание значения правовой нормы. Это восприятие нравственным сознанием военнослужащего норм военного права в форме руководства к военной службе. Формируются качества военнослужащего. Объектом деятельности военнослужащего выступает воинский коллектив, в котором он обучается, воспитывается и выполняет должностные и специальные обязанности;

3 уровень — переход правовых знаний и убеждений в поведение. Правовые нормы военной службы воспринимаются как нравственная ценность. Это высшая степень развития нравственного правового сознания военнослужащего и характеризуется полной его включенностью в военную деятельность. На этом уровне развития военнослужащего проходит интериоризация личности в деятельность военной службы, этот процесс сравним с формированием ценностей нравственности в сознании человека. Происходит овладение военнослужащим нравственно-правовыми нормами, оперируемыми при выполнении

служебно-боевых задач². Военнослужащий сам может стать субъектом обучения и воспитания сослуживцев.

Исходя из уровней сформированности правовой социализации, акцент при подготовке военнослужащих для выполнения служебных задач нужно делать на нравственно-ценностный аспект выполнения обязанностей, соответствующий третьему этапу нравственно-правовой социализации.

Психотравмирующие условия, отягощенные интенсивной служебной деятельностью, приводят к деформации правосознания военнослужащих³. Деформация правового сознания предполагает трансформацию отношения военнослужащего к правовым знаниям, взглядам и установка под воздействием различного рода причин в противоправные или остаются правовыми лишь частично⁴.

Выделяются три основные формы деформации правового сознания:

— правовой инфантилизм — представляет собой мягкую форму искажения правового сознания вследствие недостаточности правовых знаний, установок;

— правовой нигилизм — является осознанным игнорированием положений закона, не подразумевающим преступного умысла;

— «перерождение» правового сознания — крайняя степень искаженного правосознания, при которой формой «перерожденчества» выступает совершение преступных действий⁵.

При подготовке военнослужащих к противодействию провокациям при охране

² Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 62—66.

³ Педагогика: Большая современная энциклопедия / Сост. Е.С. Рапацевич. Минск: «Современное слово», 2005.

⁴ Жуков В.Г., Сизов В.Е. Основные проблемы формирования профессионального правосознания сотрудников полиции на современном этапе // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 1. С. 130—135.

⁵ Баранов П.П. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права : курс лекций. Нижний Новгород, 1993. С. 530.

¹ Жиривецкая Ю.В. Правосознание россиян в переходный период развития общества (социально-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук. Нальчик, 2004. С. 75.

общественного порядка главной задачей перед командованием стоит недопущение правового нигилизма, так как он представляет собой сознательное игнорирование требований закона, отрицание значимости права. Опасность его проявления значительно повышает риски совершения военными преступных действий при выполнении специальных обязанностей, что может привести к опасным последствиям широкого общественного резонанса с угрозой срыва выполнения служебно-боевых задач.

Сформированное в период подготовки правосознание, по сути, должно исключать нигилистические проявления, однако в ситуациях служебной деятельности, даже хорошо подготовленные военнослужащие склонны к нарушению правовых предписаний¹.

Правовой нигилизм основан на знаниях о праве и представляет собой, осознанное игнорирование закона, исключаящее преступный умысел. Эта деформация правосознания носит профессиональный характер, связана со злоупотреблениями служебными полномочиями и опирается на знание закона и возможностей им пренебречь.

Следовательно, подход к предотвращению случаев деформаций правосознания должен быть комплексным, подготовка военнослужащих и воспитательное воздействие должно осуществляться в разных формах и направлениях, до полного понимания правовых норм в условиях выполнения задач по противодействию провокациям в условиях службы, а также внутреннего убеждения в главенствующей роли права в качестве важнейшего регулятора жизни в обществе.

С целью поддержания правосознания военнослужащих на уровне, позволяющем решать задачи по противодействию провокациям в условиях службы, необходимо формировать у личного состава подразделений правовое сознание и проводить индивидуальную воспитательную работу с каждым военнослужащим с учётом их

профессионально-личностных качеств и психических особенностей².

По результатам исследования формирования правосознания военнослужащих при выполнении служебных задач можно выделить следующие основные направления:

— правовое обучение в рамках командирской и боевой подготовки;

— обучение в период подготовки к выполнению служебно-боевых задач;

— подготовка в ходе выполнения служебно-боевых задач;

— доведение до военнослужащих изменений действующего законодательства, требований из поступивших приказов и распоряжений и разъяснение последовательности действий в той или иной ситуации с учетом требований нормативных правовых актов;

— пропаганда достоверных и апробированных источников художественной и научной литературы, журналистских исследований, документальных фильмов, видеосюжетов средств массовой информации, официальных Интернет-сайтов и т.д.

Важно применять такие приемы и способы разъяснения политико-правовых идей и принципов, которые воздействуют на сознание и поведение военнослужащих в интересах правопорядка при выполнении служебно-боевых задач. К таким относятся методики и приемы педагогического воздействия: принуждение, убеждение, предупреждение, ознакомление и т.д.

Организация процесса формирования правосознания у военнослужащих Росгвардии в условиях службы базируется на следующих принципах:

- целенаправленность;
- комплексность;
- индивидуальность;
- дифференцированность подхода;
- требовательность к личности;
- согласованность воспитательных воздействий;

² Ахметов А.С. Правовое воспитание как важнейшее условие формирования правовой культуры // Юридическое образование и наука. 2014. № 3. С. 25—27.

¹ Жуков В.Г., Сизов В.Е. Указ. соч.

— связь воспитания с жизнью и деятельностью военнослужащего;

— единство воспитания и самовоспитания¹.

В ходе проведенного исследования формирования у военнослужащих Росгвардии умений и навыков противодействия провокационным поступкам при выполнении задач защиты общественного порядка апробирована организация процесса формирования правосознания военнослужащих, которая включает в себя систему подготовки, направленную на успешное выполнение служебно-боевых задач. Подготовка военнослужащих начинается с началом учебного периода. Затем проводится целенаправленная агитационно-пропагандистская работа по разъяснению военнослужащим объективного понимания сложившейся военно-политической обстановки. С этой целью до всего личного состава доводятся решения Президента Российской Федерации, обращения директора Росгвардии и командующего округом, разъясняются военно-политическая и оперативная обстановка, задачи, поставленные перед Росгвардией. Должностными лицами демонстрируются документальные видеоролики и разработанные тематические информационные материалы. Отрабатывается тактика ведения действий, рассматриваются приемы и способы реагирования при осложнении обстановки, изучается местность, силы и средства, способы взаимодействия с соседними подразделениями. Изучается тактика действий, боевой и численный состав противоборствующих сторон, особенности применения различных средств поражения и способы снижения их поражающего воздействия.

Использовалась следующая направленность тематики занятий по военно-политической подготовке (вариант):

— войска НКВД в борьбе с нацизмом (1944—1955 годы);

— русофобия как непосредственное проявление отношения западного сообщества во главе США к России;

— признаки негативных изменений психологического состояния военнослужащих и способы его нормализации;

— приемы и методы индивидуальной психологической помощи и саморегуляции;

— соблюдение требований воинской дисциплины — основа качественного выполнения служебных задач в период выполнения служебных обязанностей и др.

Проводится военно-политическое информирование с показом видеоматериалов по темам: «Примеры мужества и героизма личного состава войск национальной гвардии Российской Федерации»; «Деструктивная деятельность иностранных государств, совершающих в отношении России недружественные действия. Меры государственного регулирования по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации»; «Фейковая информация»; «Правовые основы фашизма» и др.

До личного состава ежедневно доводятся военно-политическая обстановка в форме радиовещания и путем трансляции на имеющихся информационных экранах при проведении занятий и инструктажей перед заступлением на службу и подведении итогов несения службы. В целях активизации внимания военнослужащих, при проведении занятия применяются актуальные материалы, например: выступления Президента Российской Федерации; фильмы Аркадия Мамонтова; трансляции выпусков передачи Бесогон ТВ; беседы Протоиерея Андрея Ткачева; передачи 1 канала «АнтиФейк» и др.

Занятия в рамках специальной подготовки:

— с офицерами: «Провокационное воздействие, применяемое правонарушителями на массовых мероприятиях», «Сущность, содержание и особенности провокационных действий», «Способы и порядок противодействия провокационным поступкам в различных условиях службы», «Структура и содержание мер противодействия провокационным поступкам»;

¹ Мочалов С.А. Использование органами прокуратуры правового просвещения как инструмента профилактики коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 3. С. 147—160.

— с другими военнослужащими: «Провокации при проведении массовых мероприятий», «Пути и способы противодействия провокациям», «Приемы должностного реагирования на правонарушения провокационного характера», «Коммуникация и профессиональное общение как элемент противодействия провокациям».

Организуется выпуск и размещение информационных бюллетеней, радиогозет и стенной печати о ходе и результатах служебной деятельности, складывающейся военно-политической обстановке. Важное место здесь занимает разъяснение военнослужащим мер, принимаемых руководством государства по реализации социальных гарантий военнослужащих и их семей¹.

Психологами воинских частей и территориальных органов проводятся групповые тренинги по выработке психической устойчивости и навыков индивидуальной психологической саморегуляции.

Военнослужащим разъясняется законодательство об уголовной ответственности за совершение преступлений против населения, ответственность за совершение преступлений против военной службы, за неисполнение приказов, за совершение насильственных правонарушений и незаконное хранение оружия и боеприпасов.

Таким образом, правосознание военнослужащих в значительной мере влияет на эффективность профессиональной деятельности военнослужащих Росгвардии, в том числе по противодействию провокациям при выполнении задач по охране общественного порядка, а проявление военнослужащими положительных качеств правовой культуры положительно влияет на граждан, формируя у них в сознании уважение в целом к государству и праву.

Для достижения высокого уровня правосознания у военнослужащих Росгвардии в условиях службы следует:

— совершенствовать систему подготовки с учетом развития служебной обста-

новки, привлекать должностных лиц, в части касающейся предстоящей задачи по дополнительному обучению, систематически проводить мероприятия по повышению правосознания военнослужащих;

— решительно и своевременно принимать меры к военнослужащим, проявляющим безответственность и правовой нигилизм в профессиональной деятельности, активно принимать меры поощрения за отличие по службе;

— развивать способы взаимодействия с гражданами, разъяснять важность выполнения требований законности и правопорядка в населенных пунктах, необходимость оказания посильной помощи правоохранительным органам, а также информировать о видах и формах оказания населению всевозможной помощи; проводить устные и письменные юридические консультации для граждан по вопросам, входящим в компетенцию Росгвардии.

Библиография

1. Абгарян, Р.Э. Основные этапы динамики политических конфликтов и методы их разрешения. Вестник Московского государственного лингвистического университета / Р.Э. Абгарян // *Общественные науки*. — 2016. № 17 (756). — С. 114—119.
2. Александрова, Н.Г. Об обеспечении безопасности населения с учетом проведения специальной военной операции / Н.Г. Александрова // *Военное право*. — 2023. — № 1 (77). — С. 73—76.
3. Ахметов, А.С. Правовое воспитание как важнейшее условие формирования правовой культуры / А.С. Ахметов // *Юридическое образование и наука*. — 2014. — № 3. — С. 25—27.
4. Баранов, П.П. Правосознание и правовое воспитание / П.П. Баранов // *Общая теория права: Курс лекций*. — Нижний Новгород, 1993.
5. Ведякова, Е.Н. Дезинформация в контексте обеспечения правопорядка, общественной безопасности и национальной безопасности, в сборнике: *юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты* / Е.Н. Ведякова // *Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции*. — Пенза, 2022. — С. 124—126.
6. Воробьев, С.М. К вопросу о понятии дискредитации деятельности уголовно-исполнительной системы / С.М. Воробьева // *Человек: преступление и наказание*. — 2016. — № 3 (94). — С. 18—21.
7. Жиривецкая, Ю.В. Правосознание россиян в переходный период развития общества (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук / Ю.В. Жиривецкая. — Нальчик, 2004.

¹ Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // *Право в Вооруженных Силах* — *военно-правовое обозрение*. 2022. № 4. С. 85—93.

8. Жуков, В.Г. Основные проблемы формирования профессионального правосознания сотрудников полиции на современном этапе / В.Г. Жуков, В.Е.Сизов // Вестник Воронежского института МВД России. — 2019. — № 1. — С. 130—135.

9. Зеленков, П.Г. Правовое сознание в процессах социализации и десоциализации личности / П.Г. Зеленков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2006. — Т. 5. — № 23. — С. 37—42.

10. Корякин, В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4. С. 85—93.

11. Мочалов, С.А. Использование органами прокуратуры правового просвещения как инструмента профилактики коррупции / С.А. Мочалов // Актуальные проблемы экономики и права. — 2017. — Т. 11. — № 3. — С. 147—160.

12. Общая и прикладная политология : учебное пособие / Под общей ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. — Москва: МГСУ; Изд. «Союз», 1997. — 992 с.

Титаренко, Т.А. Условия и факторы формирования правосознания и правовой культуры личности / Т.А. Титаренко // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2011. — № 2 (45). С. 42—44.

13. Туманов, В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе / В.А. Туманов // Государство и право. — 1993. — № 8. — С. 62—66.

Правовое положение органов государственной власти и управления на территориях, где введено военное положение и (или) прилегающих к зоне вооруженного конфликта

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, ФГКВОУ
ВО «Военный университет имени князя Алек-
сандра Невского» Минобороны России; ФГАОУ
ВО «Российский университет транспорта»

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы формирования и функционирования временных органов государственной власти и управления на территориях, на которых действуют особые правовые режимы военного положения и вооруженных конфликтов. Рассмотрены исторические аспекты данного вопроса на примере создания военно-гражданских администраций на оккупированных территориях, изучена практика создания таких органов в рамках специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины. Обоснованы предложения по внесению изменений в законодательство о военном положении в части, касающейся создания органов власти на территориях, где введено военное положение, определения их состава и полномочий.

Ключевые слова: вооруженный конфликт; военное положение; военно-гражданская администрация; оперативный штаб; специальная военная операция.

The legal status of public authorities and administration in the territories where military rule has been imposed and (or) adjacent to the zone of armed conflict

© **Koryakin V.M.**,
Doctor of Law, Professor, Federal State Educational
Institution of Higher Education "Prince Alexander
Nevsky Military University" of the Ministry of
Defense of the Russian Federation; Federal State
Educational Institution of Higher Education
"Russian University of Transport"

Annotation. The article deals with the issues of formation and functioning of temporary state authorities and management in territories where special legal regimes of martial law and armed conflicts are in force. The historical aspects of this issue are considered on the example of the creation of civil-military administrations in the occupied territories, the practice of creating such bodies within the framework of a special military operation for the denazification and demilitarization of Ukraine is studied. The proposals on amendments to the legislation on military regulations are substantiated in terms of the establishment of authorities in the territories where martial law has been imposed, the definition of their composition and powers.

Keywords: armed conflict; martial law; civil-military administration; operational headquarters; special military operation.

Экстраординарные условия особых правовых режимов, связанных с военным положением, мобилизацией, вооруженными конфликтами и др. диктуют необходимость перестройки не только системы органов военного управления, но и т.н.

«гражданских» органов власти и местного самоуправления, в том числе создания специальных временных военно-гражданских органов власти и управления. В теории военно-административного права такие временные органы власти получили

название «военная администрация» («военно-гражданская администрация»), под которой в энциклопедических изданиях предлагается понимать военное управление территорией в период военного положения, занятой в ходе военных действий или оккупированной в результате войны¹.

До начала гражданской войны на востоке Украины (2014 г.) вопросы создания и деятельности военно-гражданских администраций на освобождённых или оккупированных в результате войны территориях в научной и учебной литературе рассматривались только в историческом контексте. Как известно, в период Великой Отечественной войны наша страна приобрела большой опыт создания такого рода органов управления на оккупированных территориях Германии и других государств Восточной Европы, который вполне может быть востребован в современных условиях становления органов власти на территории новых регионов Российской Федерации (Донецкая и Луганская республики, Запорожская и Херсонская области). Исследования этого опыта представлены довольно обширной библиографией².

Буквально с первых дней после капитуляции фашистской Германии в советской зоне оккупации в немецких городах и округах стали создаваться военные полевые комендатуры. Перед ними стояла довольно сложная задача по налаживанию

гражданской жизни, установлению нормальных контактов с местным населением, снабжение немцев продовольствием и т.д.³

Спустя месяц после победоносного окончания Великой Отечественной войны было принято Постановление СНК СССР от 6 июня 1945 г. №1326/301 «Об организации Советской военной администрации в Германии»⁴. Советское руководство и соответственно Советская военная администрация в Германии (СВАГ) стремились к быстрому и эффективному выполнению задач, касающихся оккупированной Германии. Речь идет о серьезных, масштабных мероприятиях по так называемым «четырем Д»: 1) демилитаризация; 2) декартелизация; 3) денацификация; 4) демократизация⁵.

Главнокомандующим Советской военной администрацией был назначен главнокомандующий Советскими оккупационными войсками в Германии Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Названным Постановлением СНК СССР была утверждена следующая структура СВАГ: 1) штаб; 2) управление комендантской службы; 3) военный отдел; 4) военно-морской отдел; 5) военно-воздушный отдел; 6) политический отдел; 7) промышленный отдел; 8) сельскохозяйственный отдел; 9) отдел торговли и снабжения; 10) транспортный отдел; 11) отдел топлива; 12) финансовый отдел; 13) отдел связи; 14) отдел внутренних дел; 15) отдел народного образования; 16) отдел здравоохранения; 17) правовой отдел; 18) отдел рабочей силы; 19) отдел по репатриации; 20) отдел по репарациям и поставкам. Этим же Постановлением утверждено Положение о Советской военной администрации по управлению советской зоной оккупации в Германии.

Важно также иметь в виду, что во время Великой Отечественной войны соответствующие военно-гражданские органы управления создавались и на советских оккупированных территориях (в целях установления т.н. «нового порядка»). В

¹ Военная энциклопедия : в 8 томах / Т. 1. М. Воениздат, 1997. С. 90; Т. 6. М.: Воениздат, 2002. С. 39; Военно-юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. А.В. Кудашкина, К.В. Фатеева. М.: За права военнослужащих, 2008. С. 70.

² См., например: Болдырев Р.Ю. Советская оккупационная политика в Восточной Германии (1945—1949 гг.): экономический аспект. Архангельск, 2004; Ложкин А.Г. Правовой отдел Советской военной администрации в Германии: история создания и деятельности. 1945—1949. М., 2006; Советская военная администрация в Германии. 1945—1949 гг.: справочник. М., 2009; Филипповых Д.Н. Деятельность Советской военной администрации в Германии (1945—1949 гг.): исторический опыт и уроки. М., 1996; Шелудченко Н.П. К вопросу о деятельности Советской военной администрации в Германии в 1945—1947 гг. // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 133—144.

³ Шелудченко Н.П. Указ. соч.

⁴ http://militera.lib.ru/h/lavrenev_popov2/34.html

⁵ Шелудченко Н.П. Указ. соч. С. 136.

исследованиях отмечается, что на захваченных советских территориях немцы устанавливали достаточно четкую, продуманную систему управления, свою собственную вертикаль власти. Возглавляло эту оккупационную пирамиду Министерство по делам восточных территорий во главе с А. Розенбергом. Ему подчинялись четыре рейхскомиссариата: «Остланд», «Украина», «Москва», «Кавказ». Как только войска вермахта занимали очередной населенный пункт, власть над ними брал старший воинский начальник. После того, как главные военные силы уходили вперед, управление передавалось военной комендатуре, которая представляла немецкую администрацию. Военная администрация формировала гражданскую администрацию (как правило, из местных кадров) — Управу. Возглавлял местную администрацию бургомистр (глава, атаман, мэр). Станицами, деревнями, хуторами управляли старосты, которых избирали на сходах. Под началом старост были еще квартальные и десятские. Такова была «вертикаль» немецкой военно-гражданской власти на оккупированных советских территориях¹.

По своему характеру и направленности задачи, решаемые германскими оккупационными властями, подразделялись на: а) административные; б) экономические; в) военно-полицейские; г) карательные.

Административные задачи предусматривали создание сети военных, полицейских и гражданских органов для управления оккупированными территориями с целью их последующей колонизации.

Под экономическими задачами подразумевалось установление на захваченных территориях режима, который позволял бы обеспечивать ведение войны за счет использования промышленного и сельскохозяйственного потенциала страны. Кроме того, оккупанты планировали воспользоваться сырьевыми ресурсами СССР. Также

осуществлялись мероприятия по вывозу рабочей силы на территорию Рейха.

В круг военно-полицейских задач входило, главным образом, недопущение в тылах действующей армии развёртывания партизанской войны и вооруженного сопротивления. В ходе войны по инициативе представителей вермахта возникла задача привлечения в ряды вооруженных сил и вспомогательных формирований «добровольцев» из числа местного населения.

Военно-полицейские задачи дополнялись задачами карательными, обусловленными как мировоззренческо-идеологическими предпосылками, так и соображениями военного характера. Сюда следует отнести физическое уничтожение некоторых категорий местного населения (в первую очередь, коммунистов и евреев), а также борьбу с партизанами и подпольем. За решение всех этих задач было ответственно значительное число немецких армейских, полицейских и гражданских ведомств и структур, а также коллаборационистские органы и формирования².

Безусловно, все эти оккупационные органы фашистской Германии были направлены на порабощение народов СССР, превращение советских территорий в сырьевой придаток Рейха, однако игнорировать и отрицать по этой причине наработанный опыт и практику построения органов власти на занятых территориях и не учитывать его в современных условиях было бы, на наш взгляд, не вполне разумным.

По той же причине не следует отвергать практику, имеющуюся у нашего нынешнего военного противника — Украины. В этой стране вопрос о создании и функционировании военно-гражданских администраций имеет законодательную основу: принят Закон Украины от 3 февраля 2015 г. № 141-VIII «О военно-гражданских администрациях». Данный законодательный акт предусматривает возможность создания военно-

¹ Кадыров Б.Г. Немецко-фашистская оккупация советских территорий в 1941—1945 гг.: опыт и уроки // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 2. С. 188—192.

² Жуков Д. Германские оккупационные органы на территории СССР: структура и юрисдикция // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 2-3. С. 38—44.

гражданских администраций со следующими целями: «Для выполнения полномочий местных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления в случаях, установленных настоящим Законом, в районе отпора вооруженной агрессии Российской Федерации, в частности в районе проведения антитеррористической операции».

Названный закон Украины (п. 1 ст. 1) содержит следующее определение: «Военно-гражданские администрации — это временные государственные органы в селах, поселках, городах, районах и областях, действующие в составе Антитеррористического центра при Службе безопасности Украины (в случае их образования для исполнения полномочий соответствующих органов в районе проведения антитеррористической операции) или в составе Объединенного оперативного штаба Вооруженных Сил Украины (в случае их образования для исполнения полномочий соответствующих органов в районе осуществления мероприятий по обеспечению национальной безопасности и обороны, отпора и сдерживания вооруженной агрессии Российской Федерации в Донецкой и Луганской областях) и предназначены для обеспечения действия Конституции и законов Украины, обеспечения безопасности и нормализации жизнедеятельности населения, правопорядка, участия в противодействии актам вооруженной агрессии, диверсионным проявлениям и террористическим актам, недопущения гуманитарной катастрофы в районе отпора вооруженной агрессии Российской Федерации, в том числе проведения антитеррористической операции».

В приведенном определении довольно четко определены цели создания военно-гражданских администраций и их подчиненность (Службе безопасности Украины или Объединенному оперативному штабу ВСУ). Кроме того, обращает на себя внимание однозначная и явно выраженная антироссийская направленность данного законодательного акта: по логике украинских законодателей, только Россия может быть агрессором и никакая иная страна в качестве таковой ими не рассматривается.

Исходя из приведенного законодательного определения, в научных публикациях выделяются следующие признаки военно-гражданской администрации на Украине:

- 1) это государственный орган;
- 2) он носит временный характер;
- 3) образуется в селах, поселках, городах, районах и областях;
- 4) действует в составе Антитеррористического центра при Службе безопасности Украины;
- 5) имеет специальное назначение — обеспечение действия Конституции и законов, обеспечение безопасности и нормализации жизнедеятельности населения, правопорядка, участие в противодействии диверсионным проявлениям и террористическим актам, недопущение гуманитарной катастрофы¹.

Безусловно отрицая антироссийскую риторику рассматриваемого законодательного акта, тем не менее мы не должны отвергать и не учитывать сам факт законодательного регулирования деятельности военно-гражданских администраций на Украине. В нашей стране такого опыта пока нет. Поэтому как никогда актуальной является известная сентенция В.И. Ленина: «... неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля. Но к политике это еще более относится, чем к военному делу. В политике еще меньше можно знать наперед, какое средство борьбы окажется при тех или иных будущих условиях применимым и выгодным для нас»².

Практический интерес к проблематике военно-гражданского управления в условиях вооруженных конфликтов значительно возрос после 24 февраля 2022 г., когда началась специальная военная операция по денацификации и демилитаризации Укра-

¹ Раимов Р.И. Понятие и признаки военно-гражданских администраций // Международный научный журнал. 2016. № 6-3. С. 161—166.

² Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 81.

ины. На освобожденных в результате продвижения российской армии территориях Украины встал вопрос об организации органов управления. В связи с этим были приняты решения о создании военно-гражданских администраций. Органы власти под таким названием в первой половине 2022 г. появились на освобожденных территориях Запорожской, Харьковской и Херсонской областей. В Донецкой и Луганской республиках военно-гражданские администрации не создавались, поскольку эти республики объявили свой государственный суверенитет и независимость от Украины и в феврале 2022 г. были официально признаны Российской Федерацией. Поэтому вся полнота власти — и гражданской и военной — в указанных республиках принадлежала суверенным органам государственной власти.

Учитывая сложившуюся ситуацию, возникла необходимость узаконения статуса военно-гражданских администраций. Первая такая попытка была предпринята в мае 2022 г., когда группой депутатов Государственной Думы Российской Федерации был разработан законопроект № 126842-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности». Законопроектом предлагалось в случае необходимости и в случае принятия решения о направлении за пределы территории Российской Федерации воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности наделить Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации полномочием по установлению на указанных территориях временных администраций с целью обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина, а также поддержания общественного порядка. При этом под временной администрацией предлагалось понимать временный орган исполнительной власти, осуществляющий деятельность по обеспечению основных

прав и свобод человека и гражданина, обеспечению безопасности жизнедеятельности населения, поддержанию общественного порядка, обеспечению социальной защиты населения, а также по организации взаимодействия с Вооруженными Силами Российской Федерации¹.

21 сентября 2022 г. законопроект был возвращен субъекту права законодательной инициативы для выполнения требований Конституции Российской Федерации и Регламента Государственной Думы.

В начале октября 2022 г. по результатам референдума Донецкая и Луганская республики, Херсонская и Запорожская области интегрировались в состав Российской Федерации. Полномочия военно-гражданских администраций Херсонской и Запорожской областей перешли к вновь созданным органам государственной власти указанных субъектов Российской Федерации, а сами эти администрации прекратили свое существование. Соответственно и актуальность вопроса о законодательном определении правового положения военных администраций утратила свою остроту. Не прекратила свое существование только военно-гражданская администрация Харьковской области. В связи с отходом в сентябре 2022 г. наших войск с территории Харьковской области она передислоцировалась на территорию России и продолжает функционировать сегодня, занимаясь в основном решением гуманитарных проблем жителей области, покинувших свои дома.

Таким образом, вопрос правового статуса военно-гражданских администраций остается открытым. Поэтому следует согласиться с мнением А.Н. Пасенова о том, что в ходе продолжения специальной военной операции, может потребоваться создание новых военно-гражданских администраций. Поэтому определение правового статуса данных институтов сохраняет свою актуальность и требует более активной работы законодательных органов².

¹ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126842-8>

² Пасенов А.Н. Правовой статус военно-гражданских администраций в зоне проведения специальной военной операции // Международный

Правовую основу организации деятельности органов государственной власти в период военного положения составляет Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении», в котором закреплено содержание режима военного положения, меры по его обеспечению, а также определены субъекты, реализующие эти меры. Согласно ст. 6 данного законодательного акта обеспечение режима военного положения осуществляется органами государственной власти и органами военного управления в соответствии с полномочиями, предоставленными им Законом о военном положении. На территории, на которой ведутся военные действия и на которой введено военное положение, применение мер по обеспечению военного положения на основании указа Президента Российской Федерации может быть возложено на органы военного управления.

Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756¹ с нуля часов 20 октября 2022 г. на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей введено военное положение.

В целях реализации Указа о военном положении Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757 установлены четыре уровня реагирования:

1) *максимальный* — на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей;

2) *средний* — на территориях Республики Крым, Краснодарского края, Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской, Ростовской областей и г. Севастополя;

3) *повышенный* — на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Центрального федерального

округа и Южного федерального округа (за исключением субъектов Российской Федерации, указанных выше в п. 2);

4) *базовый* — на территории остальных субъектов Российской Федерации.

Данным Указом предусмотрено создание соответствующих органов управления на перечисленных территориях.

а) на территориях с максимальным уровнем реагирования (на которых действует военное положение) создаются межведомственные координирующие органы (*штабы обороны*), которые осуществляют функции штаба территориальной обороны и оперативного штаба субъекта Российской Федерации. Руководителем штаба обороны субъекта Российской Федерации является высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации. В состав штаба обороны субъекта Российской Федерации включаются представители Минобороны России, руководители соответствующих территориальных органов МВД России, МЧС России, ФСБ России, Росгвардии, а также представители органов публичной власти субъекта Российской Федерации и организаций;

б) в других регионах образованы *оперативные штабы* субъектов Российской Федерации. Руководителем оперативного штаба субъекта Российской Федерации является высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации. В состав оперативного штаба субъекта Российской Федерации включаются представители Минобороны России, руководители соответствующих территориальных органов МВД России, МЧС России, ФСБ России, Росгвардии, а также представители органов публичной власти субъекта Российской Федерации и организаций;

Установлено, что решения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (оперативного штаба, штаба обороны), принятые в рамках его компетенции в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757, являются обязательными для исполнения органами исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации, органами местного самоуправления, территориальными орга-

журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10-3. С. 189—191.

¹ Данный Указ утвержден Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 462-СФ.

нами федеральных органов исполнительной власти, осуществляющими деятельность на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, иными органами, в том числе коллегиальными, организациями, осуществляющими деятельность на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, гражданами, зарегистрированными по месту жительства (месту пребывания) и (или) находящимися на территории соответствующего субъекта Российской Федерации.

В целях выполнения задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, защите государственной границы Российской Федерации, по борьбе с диверсионно-разведывательными формированиями иностранных государств и незаконными вооруженными формированиями на оперативные штабы субъектов Российской Федерации, на территориях которых введен средний уровень реагирования, дополнительно возложены полномочия по обеспечению согласованности применения на территориях указанных субъектов Российской Федерации сил и средств Вооруженных Сил Российской Федерации, Росгвардии, МЧС России, органов внутренних дел Российской Федерации и органов федеральной службы безопасности, а также сил и средств соответствующих субъектов Российской Федерации.

В целях выполнения указанных задач в оперативное подчинение оперативных штабов субъектов Российской Федерации, на территориях которых введен средний уровень реагирования, передаются воинские части и подразделения Вооруженных Сил Российской Федерации, Росгвардии, силы и средства МЧС России, органов внутренних дел Российской Федерации, а также силы и средства соответствующих субъектов Российской Федерации.

Определение потребности в воинских частях и подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, силах и средствах МЧС России, органов внутренних дел Российской Федерации из числа переданных в оперативное подчи-

ние оперативного штаба субъекта Российской Федерации, силах и средствах субъекта Российской Федерации на период их привлечения к выполнению задач, а также управление этими воинскими частями, подразделениями и силами осуществляет представитель Минобороны России, включенный в состав такого оперативного штаба. Решения представителя Минобороны России носят обязательный характер для воинских частей, подразделений и сил на период их привлечения к выполнению указанных задач.

Таким образом в условиях проведения СВО одним из основных субъектов обеспечения режима военного положения, введенного на территории новых субъектов Российской Федерации, а также реализации соответствующих уровней реагирования на прилегающих территориях, являются *оперативные штабы*, представляющие собой временные органы управления, создаваемые в случае возникновения чрезвычайных ситуаций и осложнения оперативной обстановки.

Если сравнить функции и полномочия оперативных штабов, создаваемых в целях обеспечения режима военного положения в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757, и задачи, возлагаемые на военно-гражданские администрации, то можно увидеть, что они во многом совпадают. Однако ставить знак равенства между оперативным штабом как чрезвычайным органом военного и гражданского управления в период вооруженного конфликта и военно-гражданской администрацией как органом власти на освобожденной или оккупированной территории, нельзя. Главное различие между этими временными органами власти и управления заключается в том, что военно-гражданская администрация создается на освобожденных или оккупированных в результате военных действий территориях в целях восстановления мирной жизни и является единым государственным органом, монопольно осуществляющим гражданскую и военную власть на данной территории. После сформирования гражданских органов власти военно-гражданская администрация упраздняется,

а ее полномочия переходят к этим гражданским органам власти. Оперативные же штабы, образованные в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757, не подменяют собой органы государственной власти субъектов Российской Федерации, на территории которых они созданы, а осуществляют свои полномочия одновременно и параллельно в тесном с ними взаимодействии. Более того, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации является одновременно единоличным руководителем и органов гражданской власти, созданных в мирное время, и оперативного штаба, образуемого на особый период. Гражданские органы власти действуют на постоянной основе, оперативные штабы носят временный характер.

Важно отметить, что действующим российским законодательством создание временных органов власти под названием «оперативный штаб» предусмотрено для разных случаев. Например, Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» предусматривает создание оперативного штаба при проведении контртеррористической операции; в соответствии с Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» для координации действий сил и средств, обеспечивающих режим чрезвычайного положения, в составе комендатуры территории, на которой введено чрезвычайное положение, указом Президента Российской Федерации может быть создан объединенный оперативный штаб из представителей органов, обеспечивающих режим чрезвычайного положения. Для целей предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции и принятия необходимых организационно-распорядительных мер в 2019—2020 гг. создавались ведомственные и региональные оперативные штабы¹. Широко практикуется создание

оперативных штабов в деятельности органов внутренних дел при борьбе с преступностью², а также в деятельности МЧС России для ликвидации последствий стихийных бедствий (пожаров, наводнений, землетрясений и т.п.).

Федеральный конституционный закон «О военном положении» не упоминает понятие «оперативный штаб». При этом пунктом 1 ст. 10 данного закона установлено, что на территории, на которой ведутся военные действия и введено военное положение, применение соответствующих мер по обеспечению данного режима на основании указа Президента Российской Федерации может быть возложено на органы военного управления. Кроме того, в соответствии с п. 1 ст. 17 Федерального конституционного закона «О военном положении» Президенту Российской Федерации предоставлены полномочия в период действия военного положения издавать указы, которыми могут быть определены федеральные органы исполнительной власти, которыми он осуществляет руководство по вопросам обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, режима военного положения. Также Президент Российской Федерации вправе своим указом перераспределять функции и полномочия федеральных органов исполнительной власти исходя из интересов обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, режима военного положения.

Именно на основании названных полномочий издан Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 75, которым определены особенности обеспечения режима военного положения, введенного в связи с проведением специальной военной операции.

Говоря о перспективах развития законодательства об организации деятельности

¹ Катинская Е.С. Оперативный штаб: правовая природа организации деятельности и проблемы функционирования в условиях биологической угрозы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2 (53). С. 173—182.

² Майдыков А.Ф., Майдыков А.А., Синодов И.А. О полномочиях органов оперативного управления (оперативных штабов) органов внутренних дел Российской Федерации и их руководителей в особых условиях (при возникновении чрезвычайных обстоятельств) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). С. 139—144

органов государственной власти и управления в условиях действия режима военного положения, представляется целесообразным внести в Федеральный конституционный закон «О военном положении» изменения, предусматривающие возможность создания на территориях, где введено военное положение, а также в прилегающих регионах специальных межведомственных координирующих органов — штабов обороны, штабов территориальной обороны, оперативных штабов. Также в указанном законе должны быть определены функции и полномочия указанных временных органов власти. При этом здесь в полной мере должен быть учтен опыт создания такого рода органов в рамках СВО, который активно нарабатывается сегодня.

В целях единого понимания функций и задач таких органов следует также наделить Президента Российской Федерации полномочиями по утверждению типовых положений о штабе территориальной обороны и об оперативном штабе субъекта Российской Федерации по обеспечению режима военного положения.

В п. 3 Указа Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 75 содержится поручение Министерству обороны Российской Федерации разработать совместно с высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации, на территориях которых введен средний уровень реагирования, по согласованию с ФСБ России, Росвардией, МЧС России, МВД России и ФСБ России и утвердить типовое положение об оперативном штабе субъекта Российской Федерации, на территории которого введен средний уровень реагирования.

В открытых источниках сведений об исполнении данного поручения не содержится, из чего можно предположить, что если такой нормативный правовой акт принят, то ему, судя по всему, присвоен соответствующий гриф секретности. Понимая и принимая в целом такой подход, следует, тем не менее, напомнить конституционную норму (ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации), согласно которой любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности

человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. Деятельность временных органов власти и управления, создаваемых в особый период, безусловно затрагивает права и свободы граждан, проживающих на территориях, где введены специальные правовые режимы. Поэтому, на наш взгляд, правовой акт, устанавливающий полномочия таких органов (штабов обороны, штабов территориальной обороны, оперативных штабов и т.п.) в части, касающейся реализации прав и свобод граждан, подлежит официальному опубликованию.

Библиография

1. Болдырев, Р.Ю. Советская оккупационная политика в Восточной Германии (1945—1949 гг.): экономический аспект / Р.Ю. Болдырев. — Архангельск, 2004.
2. Жуков, Д. Германские оккупационные органы на территории СССР: структура и юрисдикция / Д. Жуков // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2010. — № 2-3. — С. 38—44.
3. Кадыров, Б.Г. Немецко-фашистская оккупация советских территорий в 1941—1945 гг.: опыт и уроки / Б.Г. Кадыров // Актуальные проблемы экономики и права. — 2007. — № 2. — С. 188—192.
4. Катинская, Е.С. Оперативный штаб: правовая природа организации деятельности и проблемы функционирования в условиях биологической угрозы / Е.С. Катинская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2023. — № 2 (53). — С. 173—182.
5. Ложкин, А.Г. Правовой отдел Советской военной администрации в Германии: история создания и деятельности. 1945—1949 / А.Г. Ложкин. — Москва, 2006.
6. Майдыков, А.Ф. О полномочиях органов оперативного управления (оперативных штабов) органов внутренних дел Российской Федерации и их руководителей в особых условиях (при возникновении чрезвычайных обстоятельств) / А.Ф. Майдыков, А.А. Майдыков, И.А. Синодов // Труды Академии управления МВД России. — 2022. — № 2 (62). — С. 139—144.
7. Пасенов, А.Н. Правовой статус военно-гражданских администраций в зоне проведения специальной военной операции / А.Н. Пасенов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 10-3. — С. 189—191.
8. Раимов, Р.И. Понятие и признаки военно-гражданских администраций / Р.И. Раимов // Международный научный журнал. — 2016. — № 6-3. — С. 161—166 / eLIBRARY ID: 26469636

9. Советская военная администрация в Германии. 1945—1949 гг. : справочник. — Москва, 2009.

10. Филипповых, Д.Н. Деятельность Советской военной администрации в Германии (1945—1949 гг.): исторический опыт и уроки / Д.Н. Филипповых. — Москва, 1996.

11. Шелудченко, Н.П. К вопросу о деятельности Советской военной администрации в Германии в 1945—1947 гг. / Н.П. Шелудченко // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. — 2018. — № 4. — С. 133—144. — DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-133-144

Принцип централизации или децентрализации в деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации

© Минтягов Станислав Андреевич,
юрист, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация. Целью данной статьи является поиск путей совершенствования структуры и системы управления военной полицией Вооруженных Сил Российской Федерации. Рассматриваются принципы централизации и децентрализации в системе управления, по результату рассмотрения которых автор пришёл к выводу, что централизация более характерна для подразделений военной полиции, выполняющих правоохранительные функции, в свою очередь, децентрализация допустима в подразделениях с общевоинскими задачами. Выводы, полученные в данной статье, закладываются основу для дальнейших исследований, в частности, касающихся организационно-штатной структуры военной полиции и формированию концептуальных основ её построения.

Ключевые слова: военная полиция, принципы, управление, централизация, децентрализация.

Principle of Centralization or Decentralization in the Activities of the Military Police of the Armed Forces of the Russian Federation

© Mintyagov S.A.,
lawyer in the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract. The purpose of this article is to find ways to improve the structure and management system of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation. The principles of centralization and decentralization in the management system are considered, and the author concluded that centralization is more typical for military police units performing law enforcement functions, while decentralization is acceptable in units with general military tasks. The conclusions drawn in this article have laid the foundation for further research, in particular, concerning the organizational and staff structure of the military police and the formation of conceptual foundations for its construction.

Keywords: military police, principles, governance, centralization, decentralization.

Правоохранительная деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации неоднократно выделялась нами как главная составляющая всей деятельности военной полиции. Как и любая другая социальная деятельность, она требует определённого упорядочения и не может эффективно осуществляться без организации.

Структура военной полиции подвергается реформированию, направленному, в первую очередь, на оптимизацию её организационно-структурного построения, а соответственно повышения эффективности её деятельности.

Изучая деятельность военной полиции уже более 11 лет, в том числе имея практический опыт службы в органах военной

полиции, автор путём проведения научных исследований пришёл к выводу о приоритетности правоохранительных функций военной полиции над другими, в связи с чем также необходимо исследование организации и структуры данного органа.

Данная статья является началом исследования организационно-правовых основ деятельности военной полиции с целью формулирования концепции организации правоохранительной деятельности.

Вопрос повышения эффективности управления является одним из приоритетных в правовой науке и практике. Его актуальность возросла в связи с организационными изменениями в структуре военной полиции, связанными с переподчинением территориальных и региональных её орга-

нов командованию военных округов, а также созданием новых подразделений, в том числе в зоне проведения специальной военной операции.

Одним из главных звеньев в системе управления любым органом и всей его деятельности являются принципы, такие как: законность, гласность, централизация управления и др.

Согласно Военной доктрине Российской Федерации, совершенствование системы управления военной организацией и повышение эффективности её функционирования отнесено к приоритетному направлению развития военной организации.

Нами, в качестве исследуемого аспекта в системе управления военной полицией, выбран принцип управления, основанный на «двойном подчинении» военной полиции, её органов и подразделений как вышестоящим органам военной полиции, так и командованию воинских частей, гарнизонов, округов.

Данная тематика в связи с изменениями, внесёнными Указом Президента Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 210¹ в Устав военной полиции коротко оговаривалась автором в других научных публикациях². Однако в настоящее время в связи с созданием новых подразделений военной полиции, в том числе в зоне проведения специальной военной операции, данный вопрос снова актуален. Более того, налицо очевиден полный выход некоторых подразделений военной полиции из её структуры, а соответственно непосредственное, прямое и оперативное их подчинение не вышестоящим военно-полицейским органам (региональным управлениям), а иным армейским структурам.

В данной статье мы ставим цель изучить преимущества и недостатки сложившейся системы управления, связанной с децентрализацией управления органами и подразделениями военной полиции, а также выяснить, насколько такая система управления будет влиять на эффективность выполнения возложенных задач.

В настоящее время в военной полиции сложилась двухуровневая в вертикальном плане и многоуровневая в горизонтальном плане структура.

Итак, напомним, что согласно ст. 14 Устава военной полиции (УВП ВС РФ) военная полиция состоит из органов, воинских частей и подразделений. Воинские части — это дисциплинарные воинские части, находящиеся в подчинении региональных управлений военной полиции. К органам военной полиции относятся территориальные — военные комендатуры и военные автомобильные инспекции (ВАИ), к региональным — региональные управления военной полиции по военным округам (РУВП), а также ВАИ региональные. Центральным органом является Главное управление военной полиции Министерства обороны Российской Федерации (ГУВП). Территориальные органы находятся в непосредственном подчинении региональных. При этом, отдельные территориальные органы (военная комендатура г. Москвы, 100 ВАИ) не находятся в подчинении региональных органов как большинство других, а непосредственно подчинены центральному. В свою очередь, региональные органы подчинены штабам военных округов в непосредственном виде управления.

Подчинение территориальных органов региональным (военная комендатура и ВАИ территориальные — РУВП и ВАИ региональные), а также подчинение отдельных территориальных органов центральному (военная комендатура г. Москвы — ГУВП) можно назвать вертикальной двухуровневой системой управления. В свою очередь другие подразделения военной полиции (войсковые, специально созданные и др.) образуют горизонтальную систему.

¹ В соответствии с данными изменениями в структуре военной полиции появились войсковые подразделения, то есть подразделения военной полиции, находящиеся в составе воинских частей.

² См. подробнее: Минтягов С.А. Правоохранительная деятельность военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации : монография. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 169—170.

Стоит отметить, что если мы говорим о территориальных органах, то непосредственное их подчинение РУВП не означает полной их независимости от других армейских структур, например, от начальника гарнизона. Так, в соответствии со ст. 7 УГиКС ВС РФ выполнение задач гарнизонной службы возложено как на воинские части гарнизона, так и на военные комендатуры. В соответствии с данной нормой к несению гарнизонной и караульной служб, а также к выполнению задач, возложенных на органы военной полиции, включая патрулирование в гарнизоне, могут привлекаться воинские части, входящие в состав гарнизона. Руководит деятельностью начальника территориального органа военной полиции по вопросам гарнизонной службы начальник гарнизона (ст. 24 УГиКС ВС РФ).

Ещё одна правовая норма, содержащаяся в ст. 43 УВП ВС РФ, обязывает начальника территориального органа военной полиции согласовывать свои действия с начальником гарнизона. Так, в соответствии с данной нормой воинские части, входящие в состав гарнизона, по согласованию с начальником гарнизона привлекаются начальником соответствующего органа военной полиции к оцеплению (блокированию) участков местности, жилых помещений, строений и иных объектов в случае оказания содействия органам внутренних дел Российской Федерации в розыске и задержании военнослужащего, самовольно оставившего воинскую часть (место несения службы) с оружием. В прежней редакции УВП ВС РФ обязанностей согласовывать свои действия с начальником гарнизона не содержалось. С введением данной нормы, по нашему мнению, снижается оперативность при выполнении задач по розыску и блокированию сбежавших военнослужащих.

Возвращаясь к структуре военной полиции, отметим, что самым противоречивым и сложным вопросом является деятельность подразделений военной полиции. Поверхностно мы уже затрагивали подобные вопросы, рассматривая уголовно-процессуальную деятельность военной

полиции и в целом правовой статус военных полицейских¹.

Говоря о понятии «подразделения военной полиции», стоит сказать, что оно сложное. УВП ВС РФ однозначных ответов не даёт.

К подразделениям военной полиции, согласно Уставу, относятся подразделения военной полиции, находящиеся в составе воинских частей. Данные подразделения имеют структуру от взвода до батальона. Командир данного подразделения в соответствии с УВС ВС РФ подчиняется командиру этой же воинской части.

В структуре военной полиции имеются и другие воинские части, и подразделения, которые правоохранительными органами (подразделениями) по факту не являются. К таким воинским частям и подразделениям можно отнести войсковую часть 39663 (Учебный центр военной полиции), Управление коменданта охраны, а также специальные подразделения (батальоны) военной полиции, действующие на территории Сирии.

Условно к подразделениям военной полиции можно отнести созданный при Главном управлении военной полиции Отдел дознания, который согласно УВП ВС РФ не является самостоятельным органом, а в соответствии с УПК РФ не является органом дознания. Органом дознания, полномочия которого распространяются на всю территорию России, а также на места дислокации российских войск за рубежом является только ГУВП ВС РФ.

Есть ещё некоторые «условные» подразделения военной полиции, не имеющие ни статуса территориальных органов, ни полноценных воинских частей. К ним относятся военные комендатуры Донецкой и Луганской народных республик. Данные подразделения не находятся в непосред-

¹ См. подробнее: Минтягов С.А. Особенности правового статуса военнослужащих военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 1. С. 45—54; Минтягов С.А. Особенности правового статуса военнослужащих военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации при осуществлении функций дознания // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 2. С. 96—105.

ственным и прямом подчинении региональных органов военной полиции, а также не являются войсковыми подразделениями, входящими в состав воинских частей, деятельность которых регламентирована ст. 47.2, 47.3 УВП ВС РФ и приказом Министра обороны Российской Федерации от 18 сентября 2018 г. № 514. Военные комендатуры Донецкой и Луганской народных республик имеют в своём составе отдельные как правоохранительные, так и неправоохранительные подразделения, что ещё раз показывает «деление» военной полиции на правоохранительную и общевойсковую части и является полным отражением системы управления.

Кроме этого, в зоне проведения специальной военной операции сформированы сводные подразделения военной полиции из числа командированных военнослужащих территориальных органов — военных комендатур.

Все вышеуказанные нами «условные» подразделения военной полиции, за исключением подразделений, входящих в состав воинских частей, не имеют полноценного правового статуса.

В 2023 г. Главным управлением военной полиции был разработан проект Указа Президента Российской Федерации, вносящий поправки в Устав военной полиции. Предполагалось, что все рассмотренные нами выше иные («условные»), подразделения, не относящиеся ни к органам, ни к воинским частям, будут именоваться «специализированными органами военной полиции».

Ст. 13 УВП ВС РФ дополнялась пунктом 17, в соответствии с которым специализированным органом военной полиции является орган военной полиции, предназначенный для реализации отдельных направлений деятельности военной полиции в части обеспечения правопорядка и воинской дисциплины, осуществления полномочий органа дознания в Вооруженных Силах или иных отдельных направлений деятельности, предусмотренных ст. 19 УВП ВС РФ. В свою очередь деятельность специализированных органов предполагалось регулировать отдельным Положением, утверждаемым начальником ГУВП. Однако до настоящего времени специали-

зированные подразделения военной полиции так и не появились.

Таким образом, специализированные органы могли быть приравнены к иным органам, в частности, к территориальным. С одной стороны, абсолютно правильное решение в части узаконивания деятельности «иных» подразделений военной полиции и придание им правовой основы, с другой стороны, данные изменения могут породить массу других неурегулированных вопросов, в частности полномочий как органов дознания, должностных лиц, уполномоченных рассматривать административные нарушения и др.

Проведя анализ действующей на данный момент (февраль 2024 г.) структуры военной полиции, даже специалисту трудно понять, что из себя представляет военная полиция, какие у неё и её всех подразделений и органов функции, кто кому подчиняется и какие у них всех полномочия.

Возвращаясь к исследованию принципа централизации, отметим, что Указ Президента Российской Федерации от 24 октября 2018 г. № 597 упразднил данный принцип, но руководство военной полиции по-прежнему осталось за Министром обороны Российской Федерации. За центральным органом (ГУВП) остались функции управления по специальным вопросам, методическая работа и организация некоторых видов материального обеспечения. Таким образом произошла децентрализация.

Для ответа на поставленные в начале работы вопросы необходимо провести анализ научной литературы и мнений учёных, изучавших науку управления и, в частности, вопросы централизации и децентрализации.

По мнению Ж.А. Шишовой, преимуществом децентрализации являются: инициативность в выработке и принятии управленческих решений; максимальная приближённость к объектам управления; саморегулирование; обеспеченность ресурсами; соответствующее структурное построение¹.

¹ Шишова Ж.А. Централизация: каковы пределы? // Законодательство и экономика. 2007. № 1. С. 12—13.

Как считает О.В. Петрова при централизованной форме управления возникают и некоторые объективные затруднения, связанные с многоступенчатостью построения и сложностью линейно-функциональной системы управления, что отражается на оперативности в прохождении управленческих команд и эффективности обратной связи. Кроме того, сверхцентрализация приводит к нерациональному дроблению и дублированию функций, необходимости оптимального распределения полномочий и ответственности по компетенции субъектов в иерархии управления¹.

Кроме этого, по мнению вышеуказанного автора, сложная структура централизованного управления, с одной стороны, может привести к увеличению численности его аппарата, что, в свою очередь, влечёт рост объёма управленческой документации и бюрократизацию системы в целом, с другой — полная же децентрализация может привести к рассогласованности управленческой деятельности, что негативно скажется на её эффективности².

Применительно к структуре военной полиции стоит отметить, что как централизация, так и децентрализация в целом не привели к увеличению или уменьшению численности региональных и центрального аппаратов. За центральным органом военного управления (ГУВП) осталось руководство региональными и территориальными органами по специальным вопросам.

Все вышеперечисленные мнения авторов можно отнести к плюсам децентрализации и соответственно минусам централизации.

В.М. Корякин, являясь одним из ведущих учёных-административистов в области военного права, считает, что принцип централизации применительно к военной полиции не подразумевает сосредоточения всех функций управления в центральном

органе военной полиции (ГУВП), а лишь предусматривает предоставление определённой степени самостоятельности и творческой инициативы нижестоящим органам, чтобы они могли самостоятельно выбирать методы и средства выполнения приказов ГУВП, обеспечивая не формальное, а инициативное и творческое выполнение, с явно определёнными правами и обязанностями, а также строгой ответственностью за руководство своими подразделениями, силами и средствами³.

В настоящее время на центральный орган военной полиции возложено осуществление мероприятий по строительству и развитию военной полиции, подготовке личного состава, реализации основных направлений деятельности, снабжению необходимым военным имуществом, военной техникой и вооружением, а также методическое руководство военной полицией.

Соответствующие изменения были внесены и в Положение о военном округе Вооружённых Сил Российской Федерации⁴, согласно которому на командующих военными округами возложено осуществление руководства служебной деятельностью подчинённых им органов, воинских частей и подразделений военной полиции.

Возвращаясь к вопросу децентрализации системы управления в военной полиции, необходимо сказать, что, как известно, в военном управлении принято выделять четыре вида подчинения: прямое, непосредственное, оперативное и по специальным вопросам. При подготовке проекта Указа Президента Российской Федерации по внесению изменений по переподчинению региональных и территориальных органов военной полиции, инициаторы данных изменений руководствовались опытом применения военной полиции при выполнении специальных задач в Сирий-

¹ Петрова О.В. О механизме реализации принципа сочетания централизации и децентрализации управления в органах внутренних дел // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 203—204.

² Там же.

³ Корякин В.М. Настольная книга военнослужащего военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации: науч.-практ. пособие. М.: За права военнослужащих, 2015. С. 85.

⁴ Положение о военном округе Вооружённых Сил Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 177.

ской Арабской Республике. По их мнению, данный опыт свидетельствует о целесообразности подчинения органов и подразделений военной полиции непосредственно войсковым командирам, а не вышестоящим органам военной полиции.

Однако данное обоснование является весьма спорным, поскольку в условиях военного конфликта или боевой обстановки, как правило, применяется именно оперативное подчинение, что естественно и логично, поскольку выполнение боевой задачи может быть возложено сразу на несколько подразделений. Однако, военная полиция в большей степени действует не в боевой обстановке, а в пунктах постоянной дислокации воинских частей, и про данный фактор забывать нельзя.

Говоря о работе военной полиции в условиях военных (боевых) действий, отметим, что в российской группировке войск, которая выполняет специальные задачи в Сирийской Арабской Республике, а также группировок войск, находящихся в зоне специальной военной операции, имеются подразделения различных видов и родов войск, включая военную полицию, и все они находятся в оперативном подчинении командующего группировкой. Также скажем, что данные сложные вопросы возникают и у других видов и родов войск, например, противовоздушной обороны, авиации, Военно-Морского Флота. И мы видим, что с началом специальной военной операции система управления (подчинения) ими стала меняться.

Насколько децентрализация в управлении военной полиции будет эффективна — вопрос сложный и неоднозначный.

Приведём примеры мнений учёных, выступающих за централизацию в системе государственного управления, в том числе в армейской.

Заслуживает внимания мнение Е.В. Корчаго, согласно которому существует опасность, что в новых условиях (условия подчинения военной полиции командирам воинских частей) командиры воинских частей получают возможность влиять на учёт преступлений и нарушений, а также на возбуждение уголовных дел,

что впоследствии повлечёт искажение статистики¹.

Как считает В.И. Куликов, чрезмерная децентрализация создаёт разрыв между целями подразделений и организации, что в конечном итоге может привести к снижению общей результативности деятельности организации².

На наш взгляд преимущества централизации заключается в следующем:

1) в создании единой и унифицированной системы структурных подразделений военной полиции, то есть однообразной;

2) в передаче центральному органу управления военной полицией полномочий по управлению подчинёнными органами военной полиции, их объединению и направлению в соответствии с общим планом действий и главными целями — обеспечение законности и правопорядка в войсках;

3) в обязательном исполнении актов вышестоящих органов управления военной полицией нижестоящими по всем вопросам деятельности.

Централизованно координируя деятельность органов и подразделений военной полиции, государство в лице центрального органа военной полиции сможет обеспечить осуществление комплексного целенаправленного воздействия на функционирование значительной части всей правоохранительной системы в Вооружённых Силах, куда входят и другие органы, что также можно отнести к преимуществам централизованного управления.

В свою очередь, децентрализация в управлении подразделениями военной полиции (в первую очередь это касается подразделений военной полиции, находящихся в составе воинских частей) может привести к тому, что выявленные командиром

¹ Интервью члена Совета по взаимодействию с институтами гражданского общества при председателе Совета Федерации РФ Корчаго Е.В. // URL: <https://iz.ru/747937/aleksandr-kruglov-aleksei-ramm-bogdan-stepovoi/voennui-politc>.

² Куликов В.И. Оценка централизации/децентрализации управления предприятием // Российское предпринимательство. 2012. № 12 (210). С. 56.

подразделения военной полиции нарушения закона могут попросту быть скрыты командованием воинской части, а военнослужащий, совершивший нарушение, избежать ответственности. Такое подчинение может привести к потере управляемости и снижению эффективности деятельности в целом, в том числе в боевой обстановке и при взаимодействии военной полиции с органами военного управления, командирами воинских частей и другими правоохранительными органами. В связи с этим проблема «двойного подчинения» напрямую ставит вопрос о независимости военной полиции, особенно актуальным в сфере борьбы с преступностью.

Вместе с тем, мы не исключаем и принципа так называемого горизонтального подчинения. При выборе между централизацией и децентрализацией ключевым критерием будет являться вид возложенных на военную полицию задач. Таким образом мы снова выходим на проблему правоохранительных и общевоинских функций. Отметим, что общевоинские функции, например, такие как охрана объектов (штабов) или дорожно-комендантская служба (охрана воинских колонн на марше, на месте или путём несения службы на контрольных пунктах или блокпостах) выполняют, как правило, стрелковые подразделения военной полиции, входящие в состав воинских частей. Считаем, что нахождение данных подразделений военной полиции в прямом подчинении соответствующих командиров войсковых частей допустимо, поскольку охрана штабов осуществляется в тесном взаимодействии с другими подразделениями воинской части, а за безопасность и недопущение проникновения на тот или иной охраняемый объект всегда отвечает командир.

Другое дело, когда мы говорим о правоохранительных функциях военной полиции, таких как дознание, розыск, административное и дисциплинарное производство, противодействие незаконному потреблению наркотиков и др. Выполнение данных функций, находясь в полном подчинении проверяемых субъектов, ставит

вопрос о зависимости и объективности результатов.

И здесь ключевым, на наш взгляд, принципом, о котором мы уже упомянули, становится принцип независимости, характерный для любого правоохранительного органа. Если считать военную полицию таковым, то необходимо включить данный принцип в УВП ВС РФ, который будет состоять в том, что военная полиция (правоохранительные её структуры) осуществляют свои полномочия только на основе закона и иных нормативных актов, всесторонне и объективно.

Г.Х. Хадисов, который рассматривая модель построения МВД России, считает, что для качественного решения столь важных для личности, общества и государства задач, необходимо оптимальное сочетание преимуществ как централизованной, так и децентрализованной модели построения¹.

Отметим, что в целом, система МВД России имеет четко выстроенную вертикальную модель управления.

Интересную оценку как централизации, так и децентрализации даёт ранее уже упоминавшийся нами автор, которая заключается в том, что организация с полной централизацией и потерей автономности подразделений теряет свою структурность, а организация с полной децентрализацией теряет свою целостность. Оптимальный уровень централизации управления представляет собой такое соотношение между централизацией и децентрализацией, при котором обеспечивается достижение максимальной эффективности деятельности предприятия².

Таким образом, можно прийти к выводу, что построение органов военной полиции должно проходить с учётом необходимости соблюдения определённых пределов как централизации, так и децентрализации, выход за которые может повлечь разного рода негативные последствия.

¹ Хадисов Г.Х. Распределение компетенции органов внутренних дел в правоохранительной сфере на различных уровнях управления (теоретические и организационно-правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

² Куликов В.И. Указ. соч. С. 57.

Централизация будет необходима для подразделений, выполняющих правоохранительные задачи, а децентрализация более удобна для подразделений с общевоинскими функциями.

Также представляется правильным, что чётко выстроенная вертикальная модель подчинения правоохранительных подразделений военной полиции, а также полная их независимость от иных органов военного управления позволит повысить эффективность выполняемых ими задач в целом, то есть объективность и беспристрастность в обеспечении законности.

Один из вариантов решения данной проблемы — возврат к прежней структуре управления, где органы военной полиции имели вертикальную систему подчинения: центральный орган — региональные — территориальные. При этом, некоторые функции управления региональными и территориальными органами военной полиции оставить за командующими войсками военных округов, например, по вопросам материально-технического обеспечения, организации гарнизонной службы и определении границ ответственности территориальных органов военной полиции, а также порядок взаимодействия с войсковыми подразделениями военной полиции.

Кроме этого, структурные подразделения органов военной полиции, выполняющие правоохранительные функции целесообразно объединить под одним командованием, а подразделения военной полиции, находящиеся в составе воинских частей, подчинить соответствующим начальникам территориальных органов военной полиции. Считаем, что военная полиция может претендовать на статус отдельного вида или рода войск, в связи с чем целесообразно,

по аналогии с армейской авиацией, военно-морским флотом, подчинить все органы и подразделения военной полиции центральному органу — ГУВП.

Также необходимо включить принцип независимости правоохранительных подразделений военной полиции от армейского командования, но для этого данные подразделения необходимо выделить из общей структуры. Данный вопрос будет являться темой нашего следующего исследования.

Библиография

1. Корякин, В.М. Настольная книга военнослужащего военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации : науч.-практ. пособие / В.М. Корякин. — Москва: За права военнослужащих, 2015. — 267 с.
2. Куликов, В.И. Оценка централизации/децентрализации управления предприятием / В.И. Куликов // Российское предпринимательство. — 2012. — № 12 (210). — С. 56—62.
3. Минтягов, С.А. Особенности правового статуса военнослужащих военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации / С.А. Минтягов // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2024. — № 1. — С. 45—54.
4. Минтягов, С.А. Правоохранительная деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации : монография / С.А. Минтягов. — Москва : ИНФРА-М, 2023. — 318 с.
5. Петрова, О.В. О механизме реализации принципа сочетания централизации и децентрализации управления в органах внутренних дел / О.В. Петрова // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2019. — № 4 (48). — С. 203—204.
6. Шишова, Ж.А. Централизация: каковы пределы? / Ж.А. Шишова // Законодательство и экономика. — 2007. — № 1. — С. 12—13.
7. Хадисов, Г.Х. Распределение компетенции органов внутренних дел в правоохранительной сфере на различных уровнях управления (теоретические и организационно-правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.Х. Хадисов. — М., 2003. — 24 с.

Военная служба. Статус военнослужащих

О некоторых особенностях исполнения военнослужащими и сотрудниками правоохранительных органов обязанностей в области противодействия коррупции в период проведения специальной военной операции

© Вотченко Ирина Артуровна,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения Академии Государственной противопожарной службы МЧС России

Аннотация. Государственная служба, к которой относится военная служба, а также служба в правоохранительных органах Российской Федерации, возлагает на граждан, проходящих ее, обязательства по соблюдению большого количества требований законодательных и иных нормативных правовых актов, в том числе в области противодействия коррупции. К числу таких обязанностей относятся предоставление некоторыми категориями должностных лиц сведений об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруг (супругов) и несовершеннолетних детей, а также представление иных документов. За несоблюдение указанных требований могут наступить различные виды юридической ответственности вплоть до увольнения со службы. При этом участие таких должностных лиц в проведении специальной военной операции может порождать возникновение определенных проблем в соблюдении таких требований. В этой связи был издан нормативный правовой акт, учитывающий сложный характер выполнения военнослужащими и сотрудниками задач в период участия в СВО и определяющий особенности предоставления ими соответствующих сведений в области противодействия коррупции.

Ключевые слова: государственная служба, военная служба, правоохранительная служба, противодействие коррупции, коррупционные правонарушения, соблюдения ограничений и запретов, специальная военная операция.

On some features of the performance of duties by military personnel and law enforcement officers in the field of combating corruption during a special military operation

© Votchenko I.A.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Personnel, Legal and Psychological Support, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Abstract. The civil service, which includes military service, as well as service in law enforcement agencies of the Russian Federation, imposes obligations on citizens undergoing it to comply with a large number of requirements of legislative and other regulatory legal acts, including in the field of combating corruption. Such duties include the provision by certain categories of officials of information about property and property-related obligations, as well as information about income, expenses, property and property-

related obligations of their spouses and minor children, as well as the submission of other documents. Failure to comply with these requirements may result in various types of legal liability, up to and including dismissal from service. At the same time, the participation of such officials in conducting a special military operation may cause certain problems in meeting such requirements. In this regard, a regulatory legal act was issued.

Keywords: civil service, military service, law enforcement service, anti-corruption, corruption offenses, compliance with restrictions and prohibitions, special military operation.

В Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президентом Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460, указано, что, несмотря на предпринимаемые государством и обществом меры, коррупция по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и модернизации национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации.

Проблемам противодействия коррупции в российском обществе на всех уровнях государственной власти последние десятилетия уделяется самое пристальное внимание: все ежегодные послания Президента Российской Федерации в качестве стратегической задачи предусматривают борьбу с коррупцией, рассматривая ее как серьезное препятствие для развития России¹.

Кроме этого, одним из важнейших и приоритетных направлений современной внутренней политики нашего государства является создание политических, экономических, социальных, правовых условий для ограничения коррупции. Это обусловлено тем, что «коррупция все глубже проникает в различные сферы нашей жизни, включая военную организацию государства. Она искажает военную политику и стратегию развития Вооруженных Сил,

ведет к прямому или косвенному хищению средств федерального бюджета, выделяемых на оборону страны, разлагает нравственность военнослужащих и, в конечном счете, самым негативным образом отражается на эффективности военного строительства в нашей стране, на боеготовности и боеспособности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов»².

Несмотря на широкое освещение в научной литературе вопроса, связанного с противодействием коррупции в Российской Федерации³, актуальность этой темы не снижается.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное неза-

² Корякин В.М. Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия: монография. М.: За права военнослужащих, 2009. С. 9.

³ См. напр.: Корякин В.М. Внедрение цифровых технологий в деятельность по профилактике коррупционных правонарушений // Вестник Юридического института МИИТ. 2022. № 2 (38). С. 14—24; Изотов Д.М., Харитонов С.С. О некоторых вопросах применения военными судами законодательства о наложении ареста на имущество виновных при совершении ими коррупционных преступлений // Военно-юридический журнал. 2021. № 5. С. 8—12; Кириченко Н.С. О наличии коррупциогенных факторов в ст. 11 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 12 (222). С. 109—112; Кудашкин А.В., Козлов Т.Л. Еще раз о правовом понятии коррупции // Современное право. 2020. № 6. С. 3; Вотченко И.А., Шишкин И.Н. Происхождение и природа конфликта интересов как предкриминальная предпосылка // Образование и право. 2021. № 11. С. 243—249.

¹ Сынков Н.В. Проблемные вопросы юридической ответственности военнослужащих за нарушение законодательства о противодействии коррупции // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 118—124.

конное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Соблюдение ограничений, запретов и обязанностей, установленных Федеральным законом «О противодействии коррупции», также возложено на военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, которые являются государственными служащими¹.

К таким обязанностям, например, относится требование о представлении определенными категориями должностных лиц и граждан сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, о расходах (на определенных условиях), в том числе в отношении супругов и несовершеннолетних детей.

Следует отметить, что подготовка таких сведений требует от человека: наличия у него компьютерной техники с соответствующим программным обеспечением, необходимым для заполнения декларации; возможность посещения различных организаций для сбора документов (например, выписка по банковским вкладам и т.п.) либо доступ к Интернету. В этой связи боевая обстановка, связанная с выполнением военнослужащим (сотрудником) задач в период проведения специальной во-

енной операции, не позволяет в полной мере выполнить соответствующие обязанности по представлению данных сведений.

При этом согласно ст. 13 указанного Федерального закона граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Так, например, согласно Обзорной справке практики рассмотрения военными судами дел о применении взысканий за правонарушения, предусмотренные Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» (подп. «д.1» п. 1, подп. «е.1», «е.2» п. 2 ст. 51, ст. 51.1)², военнослужащий подлежит увольнению с военной службы в связи с утратой доверия к нему со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении, в случае непредставления сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений.

В настоящее время действует Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», которым в период частичной мобилизации установлен ограниченный перечень оснований увольнения с военной службы военнослужащих, проходящих

¹ См. напр.: ст. 27.1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»; ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Письмо Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2014 г. № 7-ВС-5166/14 «По вопросу рассмотрения военными судами споров, связанных с принятием решений воинскими должностными лицами о привлечении военнослужащих к дисциплинарной ответственности за правонарушения, предусмотренные подпунктами «д.1», «д.2» пункта 1, подпунктами «е.1» и «е.2» пункта 2 статьи 51, статьей 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

военную службу по контракту, а также граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации:

— по возрасту — по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе;

— по состоянию здоровья — в связи с признанием их военно-врачебной комиссией не годными к военной службе, за исключением военнослужащих, изъявивших желание продолжить военную службу на воинских должностях, которые могут замещаться указанными военнослужащими;

— в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы.

Данный Указ безусловно в определенной мере защищает военнослужащих от досрочного увольнения в связи с утратой доверия, однако, всегда могут возникнуть различные «но» в виде внесения изменений в нормативный правовой акт либо издания иных, снимающих такие ограничения. Поэтому — «*dura lex, sed lex*», — что означает «закон суров, но это закон».

Однако Президентом Российской Федерации было принято важное и справедливое решение, учитывающее сложность или даже в некоторых случаях невозможность выполнения военнослужащими и сотрудниками обязанностей и ограничений в сфере противодействия коррупции в период их участия в проведении специальной военной операции. Такое решение было реализовано в виде издания Указа от 29 декабря 2022 г. № 968 «Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторыми категориями граждан в период проведения специальной военной операции».

Данным Указом установлены особенности, согласно которым в период проведения специальной военной операции и впредь до издания соответствующих нормативных правовых актов Российской Федерации военнослужащие, а также сотрудники органов внутренних дел Российской

Федерации, лица, проходящие службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющие специальные звания полиции, сотрудники уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации, принимающие (принимавшие) участие в специальной военной операции или непосредственно выполняющие (выполнявшие) задачи, связанные с ее проведением, на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины, лица, направленные (командированные) для выполнения задач на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, замещающие должности, осуществление полномочий по которым влечет за собой обязанность представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруг (супругов) и несовершеннолетних детей, *не представляют такие сведения*.

Также, исходя из таких особенностей, военнослужащие и указанные сотрудники, замещающие должности федеральной государственной службы, не предусмотренные перечнем должностей федеральной государственной службы, при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 557 «Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах иму-

щественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей», и претендующие на замещение должностей федеральной государственной службы, предусмотренных названным перечнем, *не представляют сведения* о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супругов (супругов) и несовершеннолетних детей, в случае если:

— такие военнослужащие, сотрудники, лица принимают (принимали) участие в специальной военной операции или непосредственно выполняют (выполняли) задачи, связанные с ее проведением, на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины;

— планируется участие таких военнослужащих, сотрудников, лиц в специальной военной операции или непосредственное выполнение ими задач, связанных с ее проведением, на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины;

Кроме того, военнослужащие и указанные сотрудники, принимающие участие в специальной военной операции или непосредственно выполняющие задачи, связанные с ее проведением, на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины, лица, направленные (командированные) для выполнения задач на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и выполняющие такие задачи, не направляют предусмотренные нормативными правовыми актами Российской Федерации в области противодействия коррупции уведомления, заявления, обращения и другие материалы по вопросам, связанным с исполнением обязанностей, соблюдением ограничений и запретов в этой области.

Следующей особенностью является то, что запрет на получение военнослужащими, указанными сотрудниками и лицами, направленными (командированными) для выполнения задач на указанных территориях, в связи с исполнением служебных (должностных) обязанностей от физических и юридических лиц вознаграждений (ссуд, денежного и иного вознаграждения, услуг, оплаты развлечений, отдыха, транспортных расходов) и подарков, не предусмотренных законодательством Российской Федерации, не распространяется на вознаграждения и подарки гуманитарного (благотворительного) характера, получаемые в связи с участием в специальной военной операции или непосредственным выполнением задач, связанных с ее проведением, на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины, а также в связи с выполнением задач на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области.

Наряду с этим обязанности, ограничения и запреты, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», не распространяются на граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации.

Также, граждане Российской Федерации, обязанные представлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супругов (супругов), согласно Указу, не представляют такие сведения, в случае если их супруги:

— являются военнослужащими или указанными сотрудниками и принимают (принимали) участие в специальной военной операции или непосредственно выполняют (выполняли) задачи, связанные с ее проведением, на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины;

— направлены (командированы) для выполнения задач на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и выполняют такие задачи;

— призваны на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации;

— оказывают на основании заключенного ими контракта добровольное содействие в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации.

И крайняя особенность заключается в том, что размещение в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальных сайтах органов и организаций сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых в соответствии с Федеральным законом «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами, и предоставление таких сведений общероссийским средствам массовой информации для опубликования не осуществляются.

Важно отметить, что зачастую выполнение таких задач, как поддержание режимов чрезвычайного или военного положения, участие в вооруженных конфликтах, а также участие в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации, либо выполнение иных сложных служебно-боевых задач, могут иметь длительный характер. И в указанных условиях одними из важных задач является уничтожение противника, а также сохранение жизни и здоровья личного состава¹. И соответственно, военнослужащим и сотрудникам, выполняя важные государственные служебно-боевые задачи при проведении специальной военной операции, на наш взгляд, крайне сложно думать о необходимости

своевременного составления и подачи «декларации о доходах», и как это сделать. Но благодаря соответствующему Указу от такой обязанности они освобождены, что, несомненно, является очень важным фактором, позволяющим сконцентрировать свое внимание на выполняемых задачах без опасения возникновения негативных последствий.

Библиография

1. Василевич, Г.А. Дисциплинарная ответственность за коррупционные правонарушения / Г.А. Василевич // Трудовое и социальное право. — 2019. — № 1 (29). — С. 18—24.
2. Вотченко, И.А. Происхождение и природа конфликта интересов как предкриминальная предпосылка / И.А. Вотченко, И.Н. Шишкин // Образование и право. — 2021. — № 11. — С. 243—249.
3. Изотов, Д.М. О некоторых вопросах применения военными судами законодательства о наложении ареста на имущество виновных при совершении ими коррупционных преступлений / Д.М. Изотов, С.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2021. — № 5. — С. 8—12.
4. Кириченко, Н.С. О наличии коррупциогенных факторов в ст. 11 Федерального закона от 12 июля 1999 года № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» / Н.С. Кириченко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2015. — № 12 (222). — С. 109—112.
5. Кириченко Н.С. К вопросу привлечения военнослужащих к материальной ответственности при выполнении ими некоторых служебно-боевых задач // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 9 (278). — С. 3—6.
6. Корякин, В.М. Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия : монография / В.М. Корякин. — Москва: За права военнослужащих, 2009. — 335 с.
7. Корякин, В.М. Внедрение цифровых технологий в деятельность по профилактике коррупционных правонарушений / В.М. Корякин // Вестник Юридического института МИИТ. — 2022. — № 2 (38). — С. 14—24.
8. Корякин, В.М. Коррупционные дисциплинарные проступки: проблемы квалификации / Корякин В.М. // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2010. — № 7. — С. 22—26.
9. Кудашкин, А.В. Еще раз о правовом понятии коррупции / А.В. Кудашкин, Т.Л. Козлов // Современное право. — 2020. — № 6. — С. 3—8.
10. Сынков, Н.В. Проблемные вопросы юридической ответственности военнослужащих за нарушение законодательства о противодействии коррупции / Н.В. Сынков // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 118—124.

¹ Кириченко Н.С. К вопросу привлечения военнослужащих к материальной ответственности при выполнении ими некоторых служебно-боевых задач // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 9 (278). С. 3—6.

Военные аспекты гражданского права

Проблематика передачи технологий двойного применения для поддержки развития предприятий оборонно-промышленного комплекса в Российской Федерации

© Юрицына Юлия Константиновна,
младший научный сотрудник, ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье проанализирован комплекс проблем, снижающих эффективность процесса передачи технологических разработок двойного применения на территории Российской Федерации. Раскрыт комплекс законодательных и нормативных документов, регулирующих передачу технологий в оборонной промышленности Российской Федерации. Рассмотрен опыт основных моделей трансфера технологий в Соединенных Штатах Америки, учитывая их лидирующую позицию в данном контексте. В результате проведенного исследования обосновывается перечень мер, способствующих интенсификации инновационной активности и обеспечению эффективного и контролируемого трансфера технологий в оборонной отрасли Российской Федерации.

Ключевые слова: трансфер технологий, инновации, вооруженные силы, оборонно-промышленный комплекс.

The problems of transfer of dual-use technologies to support the development of enterprises of the military-industrial complex in the Russian Federation

© Yuritsyna Yu.K.,
junior research associate, Prince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

Abstract. The article analyzes a set of issues that reduce the efficiency of the process of transferring dual-use technological developments on the territory of the Russian Federation. A set of legislative and regulatory documents regulating technology transfer in the defense industry of the Russian Federation is disclosed. The experience of the main models of technology transfer in the United States is considered, taking into account their leading position in this context. As a result of the study, a list of measures is substantiated to help intensify innovation activity and ensure effective and controlled technology transfer in the defense industry of the Russian Federation.

Keywords: technology transfer, innovation, armed forces, military-industrial complex.

В широком понимании дефиниция термина «трансфер технологий» определяется как договорное правоотношение по передаче всех или части прав на технологию. Трансфер технологий в Российской Федерации сочетает в себе большие возможности и одновременно сложности.

Релевантность рассматриваемой проблематики формируется на основе харак-

теристик настоящего этапа научно-технологической эволюции. Современный контекст характеризуется активной глобальной конкурентной борьбой, в ядре которой находятся инновационные и перспективные технологические решения, активно внедряемые в первой четверти XXI в.

Ключевыми элементами и инициативами, связанные с трансфером технологий в России, являются:

1) инфраструктура: Россия активно инвестирует в современные инновационные площадки, такие как Сколково и другие центры по стране;

2) законодательство: правительство сфокусировано на поддержке инноваций, но вопросы лицензирования и патентования оставляют желать лучшего;

3) финансирование: несмотря на разнообразные источники финансирования, бизнес-организациям и коммерческим проектам, направленным на поиск новой бизнес-модели (далее — стартапы), часто сложно найти инвесторов;

4) образование: российское техническое образование высококачественно, но для трансфера технологий нужен предпринимательский подход;

5) международное сотрудничество: невзирая на политические трудности, российские специалисты активно сотрудничают с международными коллегами.

Что уже достигнуто в данной сфере в России?

— созданы инновационные центры: места, где исследователи работают над инновациями;

— поддержка от государства: программы, способствующие развитию компаний;

— организации и площадки, предоставляющие рабочее пространство и финансирование: помощь стартапам в быстром росте;

— международное сотрудничество: активный обмен опытом со многими странами;

— научные институты: университеты и центры на переднем крае технологического прогресса.

Несмотря на проблемы, связанные с бюрократическими процессами и финансированием, существует убеждение в перспективном развитии данной области в правовой среде.

Правовая основа трансфера технологий в России основывается на комплексе нормативных правовых актов и законодательных инструментов. На дату последне-

го обновления в сентябре 2023 г. выделяются ключевые элементы правового регулирования данной сферы на территории России:

1. Федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «О контроле за экспортом и импортом товаров»: данный нормативный акт устанавливает механизмы регулирования экспорта и импорта товаров и технологий, имеющих двойное применение. Он также определяет процедуру лицензирования экспорта технологий, представляющих национальный интерес.

2. Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранными инвесторами инвестирования в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»: закон определяет специфические требования и ограничения для привлечения иностранных инвестиций в стратегически значимые секторы экономики Российской Федерации. Это может включать ограничения на трансфер технологий в таких отраслях.

3. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»: нормативный акт регламентирует процедуру ратификации и реализации международных договоров, включая те, что касаются трансфера технологий.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 июня 2001 г. № 447: документ детализирует условия и требования к экспорту продукции с возможностью двойного применения, включая технологические разработки¹.

5. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»: законодательный акт направлен на стимуляцию и поддержку национальной промышленно-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 7 июня 2001 № 447 «Об утверждении Положения об осуществлении контроля за внешнеэкономической деятельностью в отношении товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники».

сти, в том числе в области высоких технологий, и может влиять на процессы трансфера технологий.

6. ГОСТ Р 57194.1-2016: национальный стандарт устанавливает критерии и методологию в области трансфера технологий, выделяя его ключевые направления и принципы практической реализации¹.

7. Торговое законодательство: нормативные акты в сфере торговли регулируют аспекты внешнеэкономической деятельности, касающиеся обмена технологиями и товарными позициями.

Все упомянутые факторы составляют базис правового регулирования процессов трансфера технологий на территории Российской Федерации. Однако процесс передачи технологических разработок сталкивается с комплексом проблем, снижающих его эффективность:

— бюрократические препятствия: процедуры регистрации, лицензирования и обретения разрешений характеризуются высокой степенью сложности и длительностью, что влияет на оперативность трансфера технологий;

— инфраструктурные недостатки: недоразвитость инновационной инфраструктуры, включая научно-технологические комплексы и организации, ориентированные на поддержку инноваций, сдерживает процессы разработки и коммерциализации технологий;

— проблематика интеллектуальной собственности: аспекты, касающиеся защиты прав на интеллектуальную собственность, могут представлять препятствия для успешной реализации трансфера;

— ограниченность финансовых ресурсов: дефицит инвестиций в инновационные исследования замедляет прогресс и внедрение новаторских решений;

— культурные и организационные препятствия: неготовность организаций к инновационной трансформации может

вызывать препятствия при передаче технологических компетенций;

— дефицит квалифицированных специалистов: недостаток экспертов в определенных технологических сферах может осложнять процессы разработки и адаптации новых методик;

— ограничения в международной кооперации: периодические политические решения и международные ограничения могут влиять на возможности международного технологического сотрудничества.

Для оптимизации ситуации и активизации процессов трансфера технологий на территории Российской Федерации следует рассмотреть мероприятия, включая пересмотр правовых нормативов, расширение финансовых механизмов поддержки инновационной деятельности, стимулирование развития инновационной инфраструктуры, а также инвестирование в образовательные программы и курсы, ориентированные на научно-технические дисциплины.

В сфере правового регулирования передачи технологий в оборонной промышленности Российской Федерации действует комплекс законодательных и иных нормативных документов. Они определяют критерии и процедуры трансфера технологических решений, имеющих стратегическое значение для обороноспособности и национальной безопасности государства.

К основным актам такого рода относятся:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 июля 2022 г. № 1299 «Об утверждении списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль»: данный законодательный акт определяет перечень товаров и технологий с двойным применением, применимых в разработке вооружений и военной техники, подлежащих экспортному регулированию.

2. Федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «О контроле за экспортом и импортом товаров»: документ регулирует процесс передачи товаров и техно-

¹ ГОСТ Р 57194.1-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Трансфер технологий. Общие положения (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 31 октября 2016 г. № 1542-ст).

логий, применимых в гражданской и военной сферах.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 июня 2001 г. № 447 «Об утверждении Положения об осуществлении контроля за внешнеэкономической деятельностью в отношении товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники»: это постановление устанавливает нормы и требования, касающиеся экспорта и импорта соответствующих технологий.

4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»: акт регламентирует механизмы формирования, размещения и исполнения государственных заказов в области обороны, включая технологические аспекты.

5. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»: в рамках оборонной промышленности данный закон регулирует процесс передачи технологий, связанных с созданием и производством оборудования и вооружения.

6. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»: закон устанавливает особенности внешнеторговой деятельности по товарам и технологиям в оборонном секторе.

Эффективность процесса трансфера технологий в оборонной отрасли зависит от аккуратного следования вышеупомянутым и другим соответствующим законодательным актам, обеспечивающим защиту национальных интересов Российской Федерации.

Отдельно стоит отметить, что в области оборонно-промышленного комплекса установлены строгие критерии безопасности и конфиденциальности. Трансфер технологий в указанной дисциплине часто подчиняется нормам законодательства о государственной тайне и может быть объектом жесткого надзора и мониторинга с целью предотвращения потенциальных утечек или несанкционированного применения технологических решений.

В Российской Федерации концепция государственной тайны охватывает множество процессов, включая оборонную сферу, национальную безопасность, научные разработки и др. Классификация данной тайны может варьироваться, включая такие уровни как «секретно», «совершенно секретно», «особой важности» и др.

Предполагается, что данные, подпадающие под категорию государственной тайны, подлежат хранению и обработке с учетом строгих стандартов безопасности и конфиденциальности. Несанкционированное раскрытие таковой информации без одобрения соответствующих компетентных структур может иметь юридические последствия и влечь ответственность.

Рассматривая глобально, Российская Федерация движется по корректному вектору развития, и первоначальные результаты демонстрируют заслуживающую внимания эффективность. Однако, согласно последующему анализу, в центре внимания научного сообщества находятся барьеры, препятствующие эффективной интеграции инноваций в промышленный сектор. Данный технологический процесс представляет собой не только интеллектуальный обмен, но и возможность для консолидации экономического потенциала.

Стратегия научно-технического развития Российской Федерации акцентирует внимание на актуальных задачах развития науки и технологий, детализируя роль данных областей в устойчивом прогрессе нации и позиционирования Российской Федерации на международной арене. В документе особо отмечается существующий дефицит передачи знаний и технологий между оборонным и гражданскими секторами, что затрудняет реализацию технологий двойного назначения. Данная проблематика представляется критической для научно-технической эволюции страны и требует приоритетного внимания¹.

Технологический трансфер в оборонной сфере Российской Федерации столк-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

нулся с комплексом трудностей, диктуемых внутренними и внешними обстоятельствами.

На сентябрь 2023 г. основные проблемные зоны здесь следующие:

1. Экономические санкции: инициированные западными государствами санкции привели к ограничениям в импорте оборонных технологий и оборудования.

2. Технологический разрыв: несмотря на определенные достижения, российская оборонная промышленность демонстрирует отставание в некоторых ключевых технологических дисциплинах, преимущественно в микроэлектронике.

3. Научно-технический потенциал: проблемы связаны с устаревающими научными кадрами и дефицитом молодых исследователей.

4. Финансовые ограничения: ограниченное бюджетное финансирование сдерживает инвестиции в НИОКР.

5. Бюрократические инерции: процедурные и регуляторные барьеры замедляют интеграцию и адаптацию новых технологий.

6. Вопросы интеллектуальной собственности: проблемы с обеспечением и защитой прав на интеллектуальную собственность могут усложнять международное сотрудничество.

7. Консервативность в восприятии инноваций: скептическое отношение к новаторским решениям и тенденция к традиционным подходам в некоторых подразделениях оборонного комплекса.

8. Секторальная изоляция: традиционная закрытость оборонной промышленности препятствует эффективному трансферу технологий между гражданским и военным сегментами.

Несмотря на указанные проблемы, Российская Федерация активизирует усилия по модернизации оборонного сектора, ориентируясь на международное сотрудничество и разработку передовых национальных технологий.

Исходя из значимости вопроса важности трансфера технологий в оборонном секторе, целесообразно детально проанализировать практику трансфера технологий в Соединенных Штатах Америки, учи-

тывая их лидирующую позицию в данном контексте. Технологический трансфер в оборонном секторе США представляет собой комплексную передачу и циркуляцию военно-ориентированных технологических знаний и достижений между разнообразными военными и гражданскими структурами, включая государственные учреждения, представителей военно-промышленного комплекса и академическую среду. Данный процесс может принимать различные модели и направления, причем его ключевая задача заключается в интенсификации военного потенциала и обеспечения национальной безопасности Соединенных Штатов.

Применительно к оборонному сектору Соединенных Штатов Америки, можно выделить следующие основные модели трансфера технологий:

1. Международное сотрудничество: США интегрируются с другими государствами, предоставляя им инновационные технологии и оборонное оборудование в контексте стратегических военных альянсов и партнерств.

2. Коммерческие лицензионные соглашения: военно-промышленные предприятия могут утверждать соглашения относительно лицензирования технологий и арсенала внешним государственным и частным организациям.

3. Академическое партнерство: нередко инновационные технологии зарождаются в академических учреждениях и исследовательских центрах в тесном сотрудничестве с военными структурами и затем адаптируются для оборонных нужд.

4. Программы военной технической помощи (безвозмездное или льготное предоставление вооружений другому государству): в рамках таких программ США могут обеспечивать союзные государства и стратегических партнеров необходимыми технологиями и военной продукцией.

5. Научно-разработческое взаимодействие: военные исследовательские институты и центры активно взаимодействуют с коммерческим сектором с целью создания и оптимизации новейших технологий и оборонного оборудования.

Следует подчеркнуть, что в контексте трансфера технологий в оборонном секторе действуют строгие регламентации и ограничения с целью обеспечения национальной безопасности. США осуществляют регулирование экспорта военных технологий в рамках международных договоров и законодательства, включая международные контрольные режимы и законодательство об экспорте вооружений.

Основной опыт трансфера технологий в оборонном секторе США иллюстрируют следующие случаи:

1. Программа Lend-Lease в период Второй мировой войны: США передавали союзникам, включая СССР и Великобританию, военные активы для противодействия нацистской Германии, демонстрируя ранние стадии трансфера оборонных технологий.

2. Программа MDPAR («Подарок США») и другие инициативы военной помощи: в поствоенный период, включая эпоху Холодной войны, США предоставляли союзникам вооружение, технику и обучение, способствуя усилению глобальных позиций страны и ее союзников.

3. Международные исследовательско-разработческие инициативы: примером может служить проект F-35 Joint Strike Fighter, в котором США сотрудничали с многочисленными странами-партнерами.

4. Экспортные контракты на вооружение: США заключают соглашения о поставках вооружения союзникам, иногда сопровождаемые трансфером технологий и обучением.

5. Предоставление лицензий на оборонные технологии: в определенных условиях США предоставляют право на использование своих военных технологий и патентов зарубежным структурам.

6. Межгосударственное сотрудничество в сфере кибербезопасности (передовых практик и технологий, направленных на защиту критически важных систем и сетей от цифровых атак): в ответ на усиление распространения вредоносной информации и спама в Сети, которые ставят под угрозу персональную информационную безопасность, США предоставляют технологическую экспертизу и информацион-

ную поддержку партнерам по киберзащите.

Приведенные выше случаи лишь иллюстрируют разнообразие практик трансфера технологий в оборонном секторе США, включая многофакторные аспекты военно-технического сотрудничества и безопасности.

Эффективная реализация процессов трансфера оборонных технологий способствует укреплению военно-технического потенциала США и их союзников, однако необходимо учитывать возникающие в этом контексте геополитические и безопасностные риски.

Проанализировав зарубежный опыт, целесообразно отметить, что для оптимизации процессов и решения задач по передаче технологий в оборонном секторе Российской Федерации требуется разработка стратегических подходов, обеспечение высокого уровня безопасности и конфиденциальности, адекватное финансовое обеспечение, профессиональная подготовка кадров и развитие данной области в правовой среде.

Трансфер технологий в оборонной сфере Российской Федерации осуществляется в условиях высокой стратегической значимости, обусловленной необходимостью обеспечения национальной безопасности. В контексте повышения эффективности данного процесса следует рассмотреть следующие механизмы и методики:

1. Инициация создания научно-технологических парков: концентрация научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере оборонных технологий.

2. Ограниченность дополнительных инвестиций в НИОКР: акцентирование внимания на финансирование научных разработок и инноваций в оборонном комплексе.

3. Расширение международного научно-технического сотрудничества: при этом необходимо проводить комплексную экспертизу рисков и гарантировать конфиденциальность передаваемых технологий.

4. Организация образовательных программ: специализированные курсы и тре-

нинги для экспертов в области технологического трансфера и лицензирования.

5. Модернизация законодательной базы: обновление и дополнение законодательных актов, регулирующих передачу технологий в оборонном секторе, в соответствии с современными вызовами.

6. Интеграция стандартов качества: обеспечение высокого уровня качества и надежности передаваемых технологий через стандартизацию.

7. Укрепление института интеллектуальной собственности: эффективная защита прав на технологии и их коммерческого потенциала.

8. Формирование площадок для государственно-частного партнерства: стимулирование взаимодействия между государственными и частным секторами в рамках инновационных проектов.

9. Оптимизация процессов лицензирования: стремление к упрощению и ускорению процедур, связанных с лицензированием технологий.

Данные меры призваны способствовать интенсификации инновационной активности и обеспечению эффективного и контролируемого трансфера технологий в оборонной отрасли Российской Федерации.

Реализация таких инициатив предполагает комплексное планирование и координацию между государственными структурами. Так, в рамках форума «Армия-2023» специалисты обсудили проблематику передачи технологий двойного применения для поддержки развития предприятий оборонно-промышленного комплекса. 17 августа 2023 г. был оформлен договор между Главным управлением инновационного развития Министерства обороны Российской Федерации и Консорциумом в области робототехники и систем интеллектуального управления. Цель данного документа — стимулирование научного и технического взаимодействия, интеграции совместных проектов, проведение передачи технологий, осуществление исследовательских и опытных работ, а также развитие профессионального потенциала в сфере робототехники и связанных с ней областей.

Участники форума пришли к консенсусу относительно усиления кооперации между государственными органами и коммерческими организациями, активно занимающимися инновационными исследованиями.

Судебная деятельность

Военная уголовная юстиция России vs США: компаративистика судоустройства и судопроизводства особого правового режима военного положения

© Аулов Владимир Константинович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия

Аннотация. В статье критически осмысливается устоявшаяся в научной литературе на русском языке классификация военных судов США на general, special и summary категории и перечисляются основные изменения правовой конструкции военной уголовной юстиции США после вступления в силу закона NDAA22. По результатам сравнительного анализа отдельных элементов военного права России и США обоснована квалификации военной уголовной юстиции США в качестве феномена произвольного правосудия, а судов ad hoc и апелляционных судов в военной организации этого государства — в качестве квазисудебных (юрисдикционных) органов. В работе также раскрываются существенные характеристики юрисдикционной деятельности военной уголовной юстиции в вооруженных силах США.

Ключевые слова: военное право, военная уголовная юстиция России, военная уголовная юстиция США, военно-судебная система США, военные суды США, уголовная ответственность военнослужащих, основание уголовной ответственности.

Military criminal justice of Russia vs the USA: comparative studies of the judicial system and judicial proceedings of the special legal regime of martial law

© Aulov V.K.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities of the Russian State University of Justice

Abstract. The article critically examines the classification of US military courts into general, special and summary categories established in the scientific literature in Russian and lists the main changes in the legal structure of US military criminal justice after the entry into force of the NDAA22 law. Based on the results of a comparative analysis of individual elements of the military law of Russia and the United States, the qualification of the US military criminal justice as a phenomenon of arbitrary justice, and ad hoc courts and courts of appeal in the military organization of this state as quasi-judicial (jurisdictional) bodies is justified. The paper also reveals the essential characteristics of the jurisdictional activity of military criminal justice in the US armed forces.

Keywords: military law, military criminal justice of Russia, military criminal justice of the USA, military judicial system of the USA, military courts of the USA, criminal liability of military personnel, the basis of criminal liability.

Распространенное в юридической литературе на русском языке суждение о трехзвенной структуре военно-судебных органов США, как и мнение о присутствии независимой судебной власти в армии США, является ошибочным. На самом деле вооруженные силы США находятся за пределами юрисдикции судебной власти в англо-американском толковании этого термина и в его российском понимании¹.

Закономерен вопрос о допустимости соотнесения того, что принято называть военными судами США, с идеями, значениями и смыслами, которые сформированы российским военным правом и семиотическим континуумом отечественной судебной системы. Отрицательная предпосылка подобного вопроса явным образом презюмирует негативный ответ на него. Причин этому несколько.

Первая — в США рассмотрение юрисдикционными органами *ad hoc*² уголовных дел по первой инстанции и проверка в апелляции правильности принятых ими решений осуществляется органами военной уголовной юстиции, структурированными применительно к каждому относительно самостоятельному ведомству, осуществляющему свою деятельность военными методами. Имеется в виду, что вышестоящей судебной инстанцией, осуществляющей рассмотрение дел в апелляционной инстанции, являются апелляционные суды видов (родов) вооруженных сил США: *Army Court of Criminal Appeals* (Апелляционный суд сухопутных войск), *Navy-Marine Corps Court of Criminal Appeals* (Апелляционный суд военно-

морских сил и морской пехоты), *Air Force Court of Criminal Appeals* (Апелляционный суд военно-воздушных сил) и *Coast Guard Court of Criminal Appeals* (Апелляционный суд по уголовным делам береговой охраны).

Ложное впечатление о том, что юрисдикционные органы *ad hoc*, рассматривающие уголовное дело по первой инстанции, могут быть непротиворечиво классифицированы на категории *general*, *special* и *summary* вызвано, с одной стороны стремлением упростить представление об американской военной уголовной юстиции, подогнав его под привычные для отечественной судеустройственной парадигмы клише, с другой — издержками перевода с иностранного языка. В основе несоответствия лежит кардинальное отличие реализации принципа публичности в уголовном процессе, который в англо-американской правовой системе функционирует с существенными отклонениями от своего российского канонического образца³.

Способ изложения нормативного материала в источниках права военной юстиции США не укладывается в самоочевидную для российской правовой системы логику юридической аргументации, согласно которой уголовное судопроизводство представляет собой самостоятельную сферу правового регулирования, а юридической формой уголовно-процессуальных отношений является уголовно-процессуальное законодательство как отдельная отрасль в системе законодательства⁴.

Уголовному праву США (в том числе и военному уголовному праву) не известно общее понятие состава преступления⁵. Не-

¹ Зыков М.С. Анализ системы и полномочий военных судов Соединенных штатов Америки. Сравнение с моделью Российской Федерации // *Военное право*. 2020. № 1 (59). С. 220—224; Королькова Е.Е. Уголовная ответственность сотрудников частных военных и охранных компаний по Единому кодексу военной юстиции США // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 5 (72). С. 122; Сапронов А.Т. Дисциплинарная практика в вооруженных силах США // *Военная мысль*. 1990. № 2. С. 61—68.

² По тексту термины «военно-судебные органы США», «*general*, *special* и *summary* процедуры», а также «юрисдикционные органы *ad hoc*» употребляются как синонимы.

³ Романов А.К. *Право и правовая система Великобритании* : учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2012. С. 159.

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2013 г. № 946-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Магденко Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 1, частями первой и второй статьи 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁵ Корж А.В. *Основания уголовной ответственности*

сколько огрубляя, можно сказать, что обнаружение признаков состава преступления в системе правовых координат США и Великобритании не является безусловным поводом и для инициации уголовного процесса, и для рассмотрения дела в суде.

Отсюда следует принципиальная разница основания уголовной ответственности в правовой системе России от основания уголовной ответственности военнослужащих по законодательству США. В Российской Федерации основанием уголовной ответственности являются обстоятельства материально-правового характера, которые четко обозначены в законе, и совокупность которых (состав преступления) влечет безусловную оценку деяния как преступного¹. В основе способа квалификации содеянного как преступления в военном праве США лежит мнение иерархически упорядоченной группы уполномоченных лиц военного профессионального сословия² о необходимости инициации одного из вариантов уголовного процесса (тех самых *general*, *special* или *summary* процедур) в отношении военнослужащего в случае оценки любым из этих лиц содеянного противоречащим корпоративным интересам соответствующего военного ведомства.

Аргументом в пользу такого вывода может служить тезис Высогого суда США (Supreme Court), согласно которому военнослужащие являются особым профессиональным сословием с «эксклюзивными потребностями» в части обязательности

выполнения приказов и соблюдения дисциплины, а также методов достижения строгого и точного корпоративного порядка и правил поведения. По этой причине военнослужащие, по мнению этого судебного органа, правомерно обособлены от «гражданского общества», «гражданской» системы уголовного судопроизводства и судоустройства, а федеральная судебная власть (суды, созданные в соответствии со ст. III Конституции этой страны) не распространяется на американские вооруженные силы.

Базирующаяся на изложенной выше юридической технологии правовая автономия властных корпоративных отношений военного сословия США опирается на положения ч. IV ст. I американской Конституции³.

В силу традиции (институт военных уголовных судов *ad hoc* существовал до принятия Конституции США) Конгресс также не вмешивается во властные корпоративные отношения военного сословия. Поэтому членам профессионального сообщества военнослужащих разрешается самим иницировать уголовное преследование, формировать *ad hoc* суды первой инстанции по уголовным делам (ст. I Конституции США), а инициаторам уголовной процедуры (*convening authority* — созывающий орган) — корректировать в сторону снижения наказания приговоры судов *ad hoc* при их утверждении.

Понятно, что такого рода юридическая технология не требует детально сформулированного в законе уголовно-правового запрета и лишает смысла квалификацию уголовного наказания в качестве меры государственного воздействия.

Конституционный Суд Российской Федерации оперирует иными уголовно-правовыми постулатами — «определенности, ясности, недвусмысленности право-

в уголовном праве США // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 1(23). С. 25—29.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского»; абз. 3 п. 5.2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 года № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян».

² В состав группы входят военнослужащие с уровнем оплаты W1-W5, O1-O10, а также лица, имеющие воинское звание *General of the Arm.*

³ В американской правовой доктрине этим обстоятельством объясняется распространение юрисдикции военной уголовной юстиции на лиц, уволенных с военной службы, но не утративших связи с армией и продолжающих получать пенсионное содержание из бюджета соответствующего военного ведомства.

вых норм и их согласованности в системе общего правового регулирования»¹. Высший судебный орган конституционного контроля ориентирует правоприменителей на соблюдение принципа «*nullum crimen, nulla poena sine lege* — нет преступления, нет наказания без указания в законе». По мнению этого органа государственной власти, любое преступление, а равно и меры уголовной ответственности за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы, исходя из текста соответствующей нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия)².

Все эти постулаты отсутствуют в правовой доктрине военной юстиции США. Достаточно отметить, что ст. 134 The Uniform Code of Military Justice³ (Единый кодекс военной юстиции — с определенными оговорками аналог военного уголовного кодекса, далее — ЕКВЮ) «все беспорядки и пренебрежение в ущерб порядку и дисциплине в вооруженных силах, любое поведение, направленное на дискредитацию вооруженных сил, не караемые смертной казнью, должны рассматриваться военным судом и наказываться по усмотрению этого суда», допускает расширительное толкование и применение уголовной репрессии за деяния, прямо законом не запрещенные⁴. Примерный перечень дис-

позиций деяний, назначение наказания за совершение которых возможно со ссылкой на ст. 134 ЕКВЮ, является открытым. Все это не соответствует принципу формальной определенности закона, на котором основывается мировоззренческая позиция отечественного законодателя⁵.

Между тем, 27 декабря 2023 г. в США вступил в силу закон, который существенным образом трансформировал военную уголовную юстицию этой страны (The National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2022, далее — закон NDAA22)⁶.

Согласно документу, который санкционирует ассигнования на военную деятельность, в отделе обвинения и надзора за судебными решениями по уголовным делам (Appellate Division)⁷ каждой ведомственной Военно-юридической службы⁸ структурно обособляются группы, специализирующиеся на юридической оценке правовых ситуаций, связанных с сексуальным насилием (далее — Special trial counsel). Воинские должностные лица таких подразделений наделяются полномочиями «ведущего прокурора» стороны обвинения в судебном разбирательстве, если

¹ Соответственно, абз. 3 п. 5 и абз. 2 п. 5.2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян».

² Абз. 3 п. 5.2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян».

³ UCMJ — Uniform Code of Military Justice - Military Law [Электронный ресурс] <https://ucmj.us/> (дата обращения 04.02.2024).

⁴ Примеры привлечения по этой статье ЕКВЮ см.: Criminal law deskbook. Volume II. Crimes and defense. The Judge Advocate General's School, US Army. Charlottesville, Virginia. 2010. P. 3–59–3–61.

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова», Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2012 года № 28-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Авеста».

⁶ Принят 27 декабря 2021 г.

⁷ Выносит заключения о законности и обоснованности приговоров, а также по ходатайствам, заявленным в распорядительном заседании и после оглашения приговора.

⁸ Соответственно: Army Judge Advocate General's Corps, Navy Judge Advocate General's Corps, Marine Corps Judge Advocate Division, Air Force Judge Advocate General's Corps и Coast Guard Legal Division. Традиционно ведомственных военно-юридических служб больше, чем ведомственных апелляционных судов.

на досудебной стадии сбора доказательств в содеянном будут обнаружены признаки преступлений сексуального характера. Вследствие этого дискреция инициатора уголовной процедуры по данной категории дел существенно сокращена¹. Данное нововведение носит локальный организационно-управленческий характер. Однако NDAA22 меняет и некоторые важные исходные посылы процедуры уголовного преследования военнослужащих.

Речь идет о предмете особого пиетета американской демократии — пункте 1 ч. (е) ст. 25 ЕКВЮ. Согласно этому нормативному положению «ни один член вооруженных сил не может быть судим военным судом, любой член которого младше его по званию или классу». Исключение предусмотрено для рядового и сержантского состава, когда военнослужащий с уровнем оплаты от E-1 до E-9 вправе требовать включение в состав коллегии присяжных заседателей не менее одной трети своих сослуживцев одного с ним уровня оплаты.

До вступления NDAA22 декларировалось, что *special* и *general* процедуры происходят с обязательным участием защитника-адвоката (группы защитников-адвокатов), оплачиваемого военным ведомством, из числа офицеров-юристов, проходящих службу вместе с обвинителем по этому же делу (но в разных подразделениях) в одном из офисов Военно-юридической службы соответствующего военного ведомства.

Еще одной гарантией защиты является присяга военнослужащих-присяжных заседателей, которая освобождает их от субординационных отношений на время процесса. По идее, это обстоятельство должно выводить присяжных из подчиненности инициатору уголовной процедуры. Помимо этого, в военном праве США прописан прямой запрет для инициаторов процедуры уголовного преследования на совершение действий, которые могут повлиять на выводы созданных ими юрисдикционных

органов, осуществляющих свою деятельность в рамках *general*, *special* или *summary* процедур².

Необходимо отметить, что порядок формирования коллегии присяжных для *general* и *special* процедур³ единоличным решением инициатора является исключением из ординарной процедуры формирования коллегии: отводы кандидатов в присяжные заседатели военной уголовной юстиции США не предусмотрены. Пул присяжных заседателей формируется инициаторами уголовной процедуры и корректировке сторонами не подлежит. Подбор присяжных осуществляется инициатором уголовной процедуры из числа наиболее авторитетных военнослужащих, которые, по мнению инициатора, «лучше всего подходят для этой обязанности в силу возраста, образования, подготовки, опыта, продолжительности службы и судейского темперамента»⁴.

Конституционный Суд Российской Федерации исходит от обратного, Опасность усматривается в «произвольном формировании коллегии присяжных заседателей для рассмотрения конкретного дела», поскольку такой подбор не обеспечивает справедливое разбирательство дела беспристрастным судом, созданным на основании закона⁵.

² Ст. 37 ЕКВЮ.

³ Summary процедура уголовного преследования проводится без участия присяжных заседателей.

⁴ 2-ой подпункт части (е) статьи 25 ЕКВЮ. Сторона защиты имеет право на мотивированный отвод одного из кандидатов в члены коллегии. Таким образом, порядок формирования коллегии присяжных принципиально отличается от аналогичного порядка формирования жюри в федеральных судах по той же категории обвинения.

⁵ Пункт 5.3, абз. 6 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2006 г. № 3-П/2006 «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона "О военных судах Российской Федерации", федеральных законов "О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации", "О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда».

¹ Устраняется легальная возможность командиров (начальников) оставлять информацию по данной категории дел без рассмотрения.

Так или иначе, возможность рассмотрения дел председательствующим и коллегией из числа равных с принципалом (principal) по «званию или классу» военнослужащих в представлении личного состава армии США является базовой гарантией защиты от несправедливого уголовного преследования¹. Практика американской военной уголовной юстиции толкует данное положение достаточно широко — в том числе и как право требовать, чтобы на досудебной стадии процедуры уголовного преследования вопросы задавались офицером равного или более высокого воинского звания².

За скобками информационно-пропагандистской риторики о высоких гуманитарных идеалах и стандартах американской военной уголовной юстиции остается еще один базовый параметр армейского судоустройства и судопроизводства — исключения, прописанные в п. 4 ч. «с» ст. 25 ЕКВЮ.

Согласно данной норме, если «из-за физических условий или военной необходимости» минимальный кворум коллегии военнослужащих-присяжных заседателей сформировать не представляется возможным, то разбирательство и general, и special процедур может быть проведено военным судом в составе председательствующего единолично, несмотря на возражение принципала, ходатайствующего о рассмотрении дела с участием присяжных.

Сходным образом решается вопрос и о возможности рассмотрения дела в отсутствие защитника-адвоката, если этот участник судебного разбирательства не может прибыть в суд «из-за физических условий или военной необходимости». Чтобы решение о рассмотрении дела в отсутствие защитника-адвоката стало легитимным, достаточно, чтобы председательствующий приобщил к материалам делам

свое подробное письменное заявление с объяснением причин, заставивших его рассмотреть дело в отсутствие лица, оказывающего принципалу профессиональную юридическую помощь (пункт 1 части «с» статьи 27 ЕКВЮ).

Таким образом, для того, чтобы принципал был приговорен к смертной казни единоличным решением военного судьи в отсутствие защитника-адвоката, необходимо приобщение к материалам дела мотивированного заключения инициатора процедуры об уважительных причинах невозможности формирования коллегии присяжных и объяснения председательствующего о неотвратимых обстоятельствах, которые он не смог преодолеть, когда пытался обеспечить участие защитника-адвоката.

Закон NDAA22 оговорку п. 4 ч. «с» ст. 25 ЕКВЮ фактически переводит в разряд правил. С 27 декабря 2023 г. в ad hoc военных судах США упраздняется рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей, за исключением обжалованных случаев general процедуры при рассмотрении обвинений в совершении деяний, за которые может быть назначена смертная казнь. Юридическая новелла не отменяет запрета на приведение смертной казни в исполнение до утверждения приговора Президентом США.

Сокращение объема рассмотрения дел с участием присяжных заседателей в военных судах может повлечь за собой и отход от принципа назначения относительно-определенных санкций уголовных наказаний. По сути, наблюдается еще одна попытка сделать политику применения уголовной репрессии в американской армии чуть более осмысленной, а практику применения уголовного закона при назначении наказания — единообразной. В частности, NDAA22 вносит изменения в ст. 56 ЕКВЮ. Новая редакция данной нормы ориентирует судей военно-судебных органов на использование в качестве источника права акта Президента США, в котором тот должен будет обозначить конкретные ориентиры, которыми судьи будут руководствоваться при определении виновному вида и размера наказания.

¹ Принципал (principal) — лицо, подлежащее, по мнению инициатора процедуры уголовного преследования, наказанию. Ближайший аналог по правовому положению в русской правовой системе — подсудимый.

² David A. Schlueter, *The Court-Martial: A Historical Survey*, 87 Mil. L. Rev. 129 (1980). P.132.

Для разработки таких ориентиров в помощь Президенту США создается «Совет по критериям назначения наказания военными судами» (Military Sentencing Parameters and Criteria Board) в составе пяти руководителей военно-юридических служб военных ведомств с правом решающего голоса¹. Без права голоса в работе Совета участвуют представители Министра обороны США, Главного судьи Апелляционного суда вооруженных сил США, Председателя Объединенного комитета начальников штабов, Главного юрисконсульта Министерства обороны США.

После вступления NDAA22 в силу обязательной оценке при назначении наказания подлежат следующие обстоятельства: 1) тяжесть содеянного (offense severity), 2) рейтинг², исчисленный по рекомендациям «Принципов вынесения приговора в федеральных судах США» (United States Federal Sentencing Guidelines)³, 3) особенности военной службы, непосредственно повлиявшие на совершение преступления (military-specific sentencing factors). Приведенный перечень является открытым. При назначении наказания судьями военных судов США также могут быть приняты во внимание и другие факторы, если они будут прописаны в иных руководящих документах (other relevant sentencing guidelines)⁴.

Таким образом, закон NDAA22 является очередным этапом отхода США от

демократических начал в военно-уголовном процессе. Этот закон на качественно новом уровне проявляет специфику доктрины военной уголовной юстиции США, которая базируется на законодательно закрепленном приоритете обязанности государства по надлежащей организации вооруженной защиты своих национальных интересов над иными публичными интересами, включая интересы военнослужащих и тех субъектов правоотношений, кому американскими военнослужащими может быть причинен вред.

Обозначенный приоритет реализуется путем наделения военного профессионального сообщества США уголовно-юрисдикционными полномочиями в отношении всех своих членов на основе консолидации вокруг командира (начальника) с его дискрецией на инициацию уголовной процедуры, назначение присяжных заседателей и корректировку в сторону смягчения назначенного наказания. Такого рода сочетание объективирует в законодательстве США целесообразность (интересы военного профессионального сословия) в качестве правового суррогата материального основания уголовной ответственности для субъектов воинских правоотношений.

В результате, в центре онтологического дискурса о природе юрисдикционной деятельности военной уголовной юстиции в вооруженных силах США находятся ее следующие сущностные характеристики:

— равноудаленность вооруженных сил от всех ветвей власти, которая достигается автономией военных ведомств, независимостью их судебных (юрисдикционных) органов друг от друга, от федеральной судебной системы США и от судебных систем штатов;

— скрупулезный учет специфики и особенностей военной службы при оценке правовых ситуаций, который достигается отдельным от федерального уголовным и уголовно-процессуальным законодательством для лиц военного профессионального сословия;

— повышение управляемости войск, которое достигается надделением командира (начальника) юридическим инструмен-

¹ Chief Trial Judges from the Army, Navy, Marine Corps, Air Force, and Coast Guard.

² Авторский термин, вводимый в оборот для обозначения на русском языке результатов, полученных при экстраполяции принципов United States Federal Sentencing Guidelines на личность виновного и обстоятельства конкретного дела.

³ Акта Конгресса США, задуманный как обязательный руководящий документ для суда присяжных. После ряда судебных решений Верховного суда этой страны стал носить рекомендательный характер. См.: US Supreme Court's 2005 decision in United States v. Booker.

⁴ Gramlich John. Only 2% of federal criminal defendants went to trial in 2018, and most who did were found guilty [Сайт]: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/06/11/only-2-of-federal-criminal-defendants-go-to-trial-and-most-who-do-are-found-guilty> (дата обращения 12.02.2024).

тарием немедленного и эффективного реагирования на нарушения воинской дисциплины в виде дискреции на инициацию уголовной процедуры и на снижение назначенного по ее результатам наказания;

— процессуальная экономия и отсутствие неправосудных решений, которые достигаются предоставлением принципалу права отказаться от рассмотрения своего дела с участием военнослужащих-присяжных заседателей в обмен на существенное снижение наказания и на запрет обжалования судебного акта.

Перечисленные выше сущностные характеристики военной уголовной юстиции англо-американской правовой системы противоречат генеральным идеям справедливости и свободы российского военного права¹.

Военная уголовная юстиция США, что называется, «решает проблему по конкретному делу», оперируя в качестве предмета торга презумпцией невиновности и правом осужденного на обжалование приговора. Цель уголовно-правовых запретов Главы 31 УК Российской Федерации² иная — гарантировать процесс установления объективных обстоятельств дела³.

Перечисленного достаточно для квалификации военной уголовной юстиции США в качестве феномена произвольного правосудия, а судов *ad hoc* и апелляционных судов в военной организации этого государства — в качестве квазисудебных (юрисдикционных) органов.

Американская уголовно-правовая архаика сословного общества, экстраполирующая профессионально-цеховые бенефиции позднего средневековья времен рыцарского суда короля Англии и военного

кодека шведского короля Густава⁴ на современные правовые реалии, лишает смысла сопоставление нормативной базы военной уголовной юстиции США с военным правом России. По той же причине номинирование органов военной уголовной юстиции США в качестве элементов системы правосудия (в ее отечественном понимании) является неоправданным.

Сказанное вовсе не означает, что такая архаика лишена эффективности. Проверенные временем управленческие технологии военной уголовной юстиции англо-американской правовой системы демонстрируют высокую результативность регулирующего воздействия в военной организации государства, которое отменило службу по призыву и осуществляет комплектование вооруженных сил исключительно на добровольной основе.

Очевидные преимущества военной уголовной юстиции США — ее прагматизм и рациональность — достигаются, в том числе, и континуальностью действия источников уголовного и уголовно-процессуального права. Упрощая, можно утверждать, что судоустройство и судопроизводство в военной организации этого государства — это всегда, и в мирное время, юрисдикционная деятельность особых периодов.

Автономность судебной системы России относительно военной организации российского государства номинирует судоустройство и судопроизводство мирного времени в качестве единственного варианта юрисдикционной деятельности: даже при ведении военного положения, в военное время, в ходе вооруженного конфликта и (или) при ведении боевых действий.

Библиография

1. Зыков, М.С. Анализ системы и полномочий военных судов Соединенных штатов Америки. Сравнение с моделью Российской Федерации / М.С. Зыков // Военное право. — 2020. — № 1 (59). — С. 220—224.
2. Корж, А.В. Основания уголовной ответственности в уголовном праве США / А.В. Корж //

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «Консультант Плюс».

² Преступления против правосудия.

³ Цепелев К.В. Актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности за отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых : Сб. материалов УП научно-практической конференции молодых ученых. М.: Ак. Генеральной прокуратуры, 2015. С. 251.

⁴ David A. Schlueter, *The Court-Martial: A Historical Survey*, 87 *Mil. L. Rev.* 129 (1980). P.132

Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2014. — № 1(23). — С. 25—29.

3. Королькова, Е.Е. Уголовная ответственность сотрудников частных военных и охранных компаний по Единому кодексу военной юстиции США / Е.Е. Королькова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2018. — № 5 (72). — С. 121—124.

4. Романов, А.К. Право и правовая система Великобритании : учебное пособие / А.К. Романов. — Москва: ФОРУМ, 2012. — 287 с.

5. Сапронов, А.Т. Дисциплинарная практика в вооруженных силах США / А.Т. Сапронов // Военная мысль. — 1990. — № 2. — С. 61—68.

6. Цепелев К.В. Актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности за отказ свиде-

теля или потерпевшего от дачи показаний / К.В. Цепелев // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых. Сб. матер. VII науч.-практ. конф. молодых ученых. — 2015. — С. 251.

7. David A. Schlueter, The Court-Martial: A Historical Survey, 87 Mil. L. Rev. 129 (1980).

8. Gramlich John. Only 2% of federal criminal defendants went to trial in 2018, and most who did were found guilty [Сайт]: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/06/11/only-2-of-federal-criminal-defendants-go-to-trial-and-most-who-do-are-found-guilty> (дата обращения 12.02.2024).

Материальная ответственность военнослужащих: компенсация ущерба военной организации (военно-судебная практика)

© Баранников Михаил Михайлович,
преподаватель Российского государственного
университета правосудия
© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье представлен обзор некоторых судебных решений с учетом изменений в профильный Закон по привлечению военнослужащих к материальной ответственности применительно к типовым ситуациям.

Ключевые слова: военная служба, военнослужащий, материальная ответственность военнослужащих, военные суды, судебная практика.

Financial liability of military personnel: compensation for damage to a military organization (military judicial practice)

© Barannikov M.M.,
lecturer at the Russian State University of Justice
© Kharitonov S.S.,
Candidate of Legal Sciences, Professor

Abstract. The article provides an overview of some court decisions taking into account changes to the relevant Law on bringing military personnel to financial liability in relation to typical situations.

Key words: military service, military personnel, financial liability of military personnel, military courts, judicial practice.

Порой мы видим многое,
но не замечаем главного.
Конфуций

Деятельность по привлечению военнослужащих к материальной ответственности уполномоченными на то командирами традиционно занимает значительное место в управленческой деятельности военных руководителей с целью исполнения требований военного законодательства об обеспечении сохранности и сбережении военного имущества.

Вступившие в силу с 12 апреля 2020 г. в соответствии с Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 81-ФЗ значительные изменения в Федеральный закон от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» (достаточно отметить, что из 14 статей Закона переработаны 11) закономерно вызвали

на первоначальном этапе использования «обновленных» правовых предписаний трудности в правоприменении, на что обращали внимание военные юристы¹.

¹ См., например: Гусейнова Н.Ч., Титов А.В., Тюрин А.И. Комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих» (постатейный). М.: За права военнослужащих, 2010; Кириченко Н.С. Обзор предложений по совершенствованию законодательства о материальной ответственности военнослужащих // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 113—119; Кириченко Н.С. Административный порядок привлечения военнослужащих к материальной ответственности // Военное право. 2020. № 4 (62). С. 96—100; Кириченко Н.С. Материальная ответственность военнослужащих: ее цели и функции // Военное право. 2020. №

И как всегда, на помощь командирам пришла судебная практика военных судов по рассматриваемому вопросу, позволившая обосновать правильную трактовку соответствующих правовых предписаний.

На некоторых характерных судебных решениях остановимся подробнее.

1. *Производство в составе денежного довольствия военнослужащих излишних денежных выплат во исполнение ошибочного приказа воинского должностного лица может повлечь привлечение последнего к материальной ответственности.*

В соответствии с решением гарнизонного военного суда, которое оставлено без изменения апелляционным определением окружного военного суда, командиру воинской части отказано в удовлетворении иска о привлечении Ф. к материальной ответственности в счет возмещения ущерба, причиненного вследствие издания тем приказа, на основании которого ряду военнослужащих произведены неположенные им денежные выплаты.

Суды первой и апелляционной инстанции не усмотрели законных оснований для привлечения Ф. какому-либо из видов (полной или ограниченной) материальной ответственности военнослужащих, указав на отсутствие доказательств вины ответчика в причинении материального ущерба государству. При этом в апелляционном определении также изложен вывод о спорном характере обоснования исковых требований производством дополнительной выплаты ряду военнослужащих, недостаточной конкретизации в регулировании данного вопроса.

Кассационный военный суд отменил названные судебные акты ввиду несоответствия содержащихся в них выводов фактическим обстоятельствам дела, а также неправильным применением судами

первой и апелляционной инстанций норм материального права.

Из материалов дела следует, что Ф. в период временного исполнения с 3 по 22 февраля 2020 г. обязанностей командира воинской части издал приказ о выплате 8 военнослужащим, замещавшим воинские должности водителей БТР и БРДМ, а также водителю автомобиля УАЗ (санитарный) медицинского пункта, ежемесячной надбавки за особые достижения в службе в размере 30 процентов от оклада по воинской должности.

Вывод о незаконности произведенных выплат, составивших в общей сумме 326 087 руб. 47 коп., сделан в акте должностного лица контрольно-ревизионного органа, указавшего в данной связи на нарушение предписаний п. 15, 65 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации и предоставления им отдельных выплат, утвержденного приказом Росгвардии от 18 сентября 2017 г. № 386 (далее — Порядок) и действовавшего в период спорных правоотношений.

Кроме того, командованием воинской части проведено административное расследование, по итогам которого также сделан вывод о производстве девяти поименованным в акте военнослужащим излишних денежных выплат на основании изданного Ф. приказа, что повлекло причинение государству материального ущерба в указанной сумме.

В соответствии со ст. 41 и 44 УВС ВС РФ приказ должен соответствовать федеральным законам, общевойсковым уставам и приказам вышестоящих командиров. Командир несет ответственность за отданный приказ и его последствия, за соответствие содержания приказа указанным требованиям.

Согласно п. 3 ст. 4 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» командира, нарушившие своими приказами установленный порядок учета, хранения, использования, расходования, перевозки имущества или не принявшие необходимых мер к предотвращению его хищения, уничтожения,

1 (59). С. 161—164; Корякин В.М., Харитонов В.С. Некоторые вопросы признания правовых актов недействующими (по материалам судебной практики) // Военное право. 2020. № 6(64). С. 127—132; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. О судебной практике в сфере материального обеспечения подготовки граждан по основам военной службы в образовательных организациях // Военно-юридический журнал. 2019. № 12. С. 7—10.

повреждения, порчи, утраты, излишних денежных выплат, что повлекло причинение ущерба, несут материальную ответственность в размере причиненного ущерба, но не более одного оклада месячного денежного содержания и одной ежемесячной надбавки за выслугу лет.

Пунктом 20 ст. 2 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, предусматривается выплата ежемесячной надбавки за особые достижения в службе в размере до 100 процентов оклада по воинской должности.

На основании п. 65 Порядка ежемесячная надбавка за особые достижения в службе в процентах от оклада по воинской должности в размере 30 процентов выплачивается военнослужащим по контракту, замещающим воинские должности водителей (старших водителей, в том числе совмещенные воинские должности) транспортных средств категорий «С», «D», «СЕ» и имеющих право на управление этими транспортными средствами.

Поскольку упомянутые в акте проверки и в административном расследовании военнослужащие не замещали воинские должности водителей транспортных средств указанных категорий, то обеспечение их на основании приказа командира войсковой части указанной выше ежемесячной надбавкой является излишними денежными выплатами и образует ущерб, в возмещение которого издавший приказ военнослужащий может быть привлечен к ограниченной материальной ответственности в размере одного оклада месячного денежного содержания и одной ежемесячной надбавки за выслугу лет. Не является препятствием для привлечения Ф. к указанному виду ответственности неосведомленность об отсутствии у упомянутых в иске военнослужащих права на получение ежемесячной надбавки согласно изданному им приказу, а изложенное в апелляционном определении предположение о возможной неурегулированности порядка ее установления состоит в противоречии с

применимыми нормами материального права.

Решение гарнизонного военного суда и апелляционное определение кассационным военным судом отменены, по делу принято новое решение о частичном удовлетворении исковых требований к Ф. и взыскании с него в порядке привлечения к ограниченной материальной ответственности денежной суммы, составляющей один оклад месячного денежного содержания и одну ежемесячную надбавку за выслугу лет¹.

2. Размер причиненного ущерба определяется по фактическим потерям на основании данных учета имущества воинской части и исходя из цен, действующих в данной местности на день обнаружения ущерба. Цены на имущество, централизованно поставляемое воинским частям, определяются уполномоченными на то государственными органами

Решением гарнизонного военного суда частично удовлетворено исковое заявление представителя Пограничного управления ФСБ России по К. краю (далее — Пограничное управление) о привлечении К. к материальной ответственности.

По делу установлено, что К. под отчет было передано имущество вещевой и продовольственной служб, квартирно-эксплуатационной группы и группы горюче-смазочных материалов, которое было утрачено.

Суд первой инстанции, удовлетворяя требования о привлечении К. к полной материальной ответственности, исходил из стоимости утраченного имущества, рассчитанной истцом с учетом износа по рыночным ценам на это имущество, действовавших на день обнаружения ущерба.

В апелляционном порядке решение суда отменено и принято новое решение о взыскании с ответчика денежных средств в размере остаточной стоимости утраченного

¹ См.: Обзор судебной практики кассационного военного суда по гражданским и административным делам во втором полугодии 2022 года, утвержденный Президиумом кассационного военного суда 4 апреля 2023 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&iid=28 (дата обращения 01.02.2024)

го имущества, рассчитанной специалистами соответствующих служб исходя из цен, определенных уполномоченными государственными органами.

В соответствии со ст. 2 и ч. 1 ст. 6 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» прямым действительным ущербом является утрата или уменьшение наличного имущества, ухудшение состояния указанного имущества, расходы, которые воинская часть произвела или должна произвести для восстановления, приобретения имущества. Размер причиненного ущерба определяется по фактическим потерям на основании данных учета имущества воинской части и исходя из цен, действующих в данной местности на день обнаружения ущерба. Цены на вооружение, военную технику, боеприпасы, другое имущество, централизованно поставляемые воинским частям, определяются уполномоченными на то государственными органами.

Следовательно, размер ущерба, причиненного утратой или повреждением имущества, поставляемого централизованно, устанавливается исходя из цен, определенных уполномоченными государственными органами.

Из расчета Пограничного управления от 6 октября 2021 г. видно, что стоимость утраченного имущества определена с учетом износа исходя из рыночных цен на данное имущество действующих на день обнаружения ущерба.

Между тем истцом в ходе рассмотрения дела не представлено доказательств того, что утраченное по вине ответчика имущество приобреталось для нужд Пограничного управления по рыночным ценам, а не централизованно.

Для определения остаточной стоимости утраченного имущества по судебному поручению суда апелляционной инстанции гарнизонным военным судом в качестве специалистов были привлечены должностные лица воинской части — начальники соответствующих служб. После изучения инвентарных карточек нефинансовых активов имущества специалисты произвели соответствующие расчеты стоимости утраченного по вине ответчика

имущества исходя из его балансовой стоимости.

Поскольку произведенные в соответствии с требованиями ст. 6 вышеназванного Федерального закона специалистами расчеты основаны на материалах гражданского дела, судебная коллегия признала их правильными и приняла в основу при определении размера ущерба¹.

3. Исчисление срока обращения в суд с иском о привлечении военнослужащего к материальной ответственности начинается с дня, когда командир (начальник) узнал или должен был узнать о наличии причиненного тем материального ущерба.

Решением гарнизонного военного суда, оставленным без изменения апелляционным определением окружного военного суда, военнослужащие К. и Н. привлечены к ограниченной материальной ответственности согласно иску начальника высшего военного учебного заведения (далее — ВВУЗ).

Кассационным военным судом названные судебные постановления отменены, по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении гражданского иска по основанию пропуска установленного в законе срока привлечения военнослужащих к материальной ответственности.

Материальный ущерб, в возмещение которого предъявлены иски, образовался вследствие производства излишних денежных выплат из-за несвоевременного издания приказа об исключении из списков личного состава учебной базы военного училища погибшего военнослужащего Л.

Так, 16 сентября 2012 г. произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого скончался Л., однако

¹ См.: Обзорная справка судебной практики рассмотрения военными судами административных, гражданских дел и материалов, а также дел об административных правонарушениях за 2022 год, утверждена постановлением президиума Южного окружного военного суда 16.01.2023 г. № 2. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=315 (дата обращения 04.03.2024)

перечисление денежного довольствия на имя последнего прекращено лишь в июле 2013 г. При этом сведения об исключении Л. из списков личного состава учебной базы были введены должностным лицом кадрового подразделения ВВУЗа в единую базу данных специального программного обеспечения «Алушта» после издания К. и Н. соответствующего приказа от 17 октября 2013 г., в то время как информация об излишних денежных перечислениях на имя погибшего военнослужащего отражена в регистрах бюджетного учета и в книге учета недостач указанного ВВУЗа лишь на основании приказа начальника ВВУЗа от 3 сентября 2019 г.

Тем же должностным лицом 12 августа 2020 г. издан приказ по итогам административного расследования, а еще более чем через год — 19 августа 2021 г. начальник ВВУЗа обратился в гарнизонный военный суд с иском заявлением к К. и Н.

Кассационный военный суд пришел к выводам о том, что исковое заявление подано с пропуском срока привлечения указанных военнослужащих к материальной ответственности, составляющего согласно ч. 4 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» три года со дня обнаружения ущерба, при том, что таким днем следует считать день, когда командир (начальник) узнал или должен был узнать о наличии материального ущерба, причиненного военнослужащим.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 того же Федерального закона командир (начальник) воинской части при обнаружении ущерба обязан назначить административное расследование для установления причин ущерба, его размера и виновных лиц. Административное расследование должно быть закончено в месячный срок со дня обнаружения ущерба. В необходимых случаях этот срок может быть продлен вышестоящим в порядке подчиненности командиром (начальником), но не более чем на три месяца.

То есть, суду для правильного разрешения вопроса о начале течения срока привлечения военнослужащего к матери-

альной ответственности следует установить момент, когда должностному лицу органа, уполномоченного на принятие необходимых мер в пределах своей компетенции, стало известно или должно было стать известно о наличии причиненного тем материального ущерба.

В период с 8 июня 2012 г. до 26 января 2020 г. обеспечение военнослужащих денежным довольствием и иными выплатами, предусмотренными Федеральным законом «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», производилось в порядке, предусмотренном приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 2700 «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации».

В силу абзацев четвертого и пятого п. 2 названного Порядка денежное довольствие военнослужащим выплачивается по месту их военной службы либо перечисляется на указанный военнослужащим счет в банке на условиях, определенных в Минобороны России; по решению Министра обороны Российской Федерации денежное довольствие может выплачиваться через федеральное казенное учреждение Единый расчетный центр Минобороны России (далее по тексту примера — ЕРЦ) или иные финансово-экономические органы.

К компетенции ЕРЦ в соответствии с Временным порядком взаимодействия органов военного управления в ходе работ по обеспечению денежного довольствия, заработной платы в ЕРЦ, утвержденным Министром обороны Российской Федерации 27 июля 2011 г. (далее — Временный порядок) и действовавшим до декабря 2017 г., относился вопрос администрирования базы данных, обеспечивающей централизацию расчетов денежного довольствия и заработной платы. Этим же Временным порядком определялись границы ответственности органов военного управления Минобороны России при их взаимодействии в целях функционирования ЕРЦ. В частности, к ведению органов военного управления были отнесены: внесение в базу данных по линии ответственно-

сти со своих рабочих мест, оборудованных специальным программным обеспечением, изданных приказов по назначению, освобождению от воинских должностей, зачислению в распоряжение и увольнению с военной службы, а также иных сведений по офицерам и военнослужащим, проходящим военную службу по контракту. При этом ответственность за полноту, достоверность и своевременное внесение данных сведений возлагалась на орган военного управления, ответственный за ввод информации.

Аналогичные положения содержатся и в действующей в настоящее время Инструкции о порядке взаимодействия органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации в процессе использования программного изделия ресурсного обеспечения «Алушта», утвержденной соответствующим приказом Министра обороны Российской Федерации от 25 декабря 2017 г.

В соответствии с Положением об осуществлении контроля финансово-экономической и хозяйственной деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденным приказом Министра обороны Российской Федерации от 2 мая 2012 г. № 1065 (далее — Положение о финансовом контроле), которое действовало до декабря 2013 г., к основным задачам финансового контроля отнесен, среди прочего, контроль за законным, эффективным, целевым использованием средств федерального бюджета, состоянием и ведением бюджетного учета, своевременным и достоверным отражением финансовых обязательств и хозяйственных операций; обеспечением сохранности материальных и денежных средств; устранением нарушений, своевременным и полным возмещением причиненного ущерба в сфере финансово-экономической и хозяйственной деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации.

При этом на командование возложены как функции по обеспечению военнослужащих денежным довольствием, так и контролю за законным, эффективным,

целевым использованием средств федерального бюджета, устранению нарушений, своевременного и полного возмещения причиненного ущерба. Для реализации данных функций воинским должностным лицам и руководителям органов военного управления предоставлен ряд полномочий, конкретизирована компетенция. В рамках такой конкретизации определенные обязанности возложены на должностных лиц учебной базы, ВВУЗа и ЕРЦ, которые их реализуют в пределах предоставленных каждому полномочий в целях осуществления задач и функций, возложенных на соответствующий орган военного управления или воинскую часть.

Применительно к обстоятельствам, имеющим значение для определения начала течения срока привлечения к материальной ответственности гражданских ответчиков, работникам ЕРЦ надлежало зафиксировать сведения об излишних выплатах на имя Л. и передать данные сведения в соответствии с требованиями Положения о финансовом контроле должностным лицам, уполномоченным в силу ст. 7 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» на принятие мер к учету выявленного материального ущерба, выяснение причин его образования и виновных лиц, а также на возмещение причиненного государству ущерба.

Длившийся со дня поступления информации о гибели военнослужащего Л. период невыполнения гражданскими ответчиками своей обязанности по осуществлению конкретных действий для прекращения выплаты денежного довольствия на имя последнего окончился изданием 17 октября 2013 г. приказа, в соответствии с которым произведенные выплаты были лишены соответствующего правового основания и образовали ущерб. Поэтому срок привлечения их к материальной ответственности следует исчислять не позднее чем с 18 февраля 2013 г. — даты, следующей за днем истечения срока, предоставленного в законе должностным лицам для фиксации выявленного нарушения, установления размера ущерба и виновных в нем лиц.

Исковое заявление в суд начальник военного училища подал 19 августа 2021 г., то есть с пропуском срока привлечения к материальной ответственности военнослужащих, виновных в причинении материального ущерба¹.

4. Пунктом 4 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» определено начало течения срока привлечения военнослужащих к материальной ответственности. Нарушение судом названной правовой нормы повлекло отмену судебного решения.

Командир воинской части обратился в суд с иском заявлением, в котором указал, что подполковник М. в период с 1 декабря 2011 г. по 30 июля 2018 г. проходил военную службу по контракту в должности заместителя начальника оперативного отделения штаба воинской части.

Актом Межрегионального управления ведомственного финансового контроля и аудита Минобороны России (далее — Межрегиональное управление) от 19 октября 2018 г. № 37 и административным расследованием, проведенным в апреле 2020 г., установлено, что приказом от 17 ноября 2017 г. № 322, подписанным М., как временно исполняющим обязанности командира воинской части, 12 военнослужащим по контракту неправомерно назначена к выплате денежная компенсация вместо предоставления дополнительных суток отдыха за время участия в мероприятиях, которые проводятся при необходимости без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени в общей сумме 170 719 руб. 23 коп.

Полагая, что денежная компенсация произведена вследствие незаконного издания ответчиком приказа, истец просил суд привлечь М. к ограниченной материальной ответственности и взыскать с него

в пользу ЕРЦ МО РФ в счет возмещения ущерба 55 037 руб. 50 коп.

Ярославский гарнизонный военный суд иск командира удовлетворил.

Между тем пунктом 4 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» предусмотрено, что военнослужащие могут быть привлечены к материальной ответственности в соответствии с данным Федеральным законом в течение трех лет со дня обнаружения ущерба.

Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 81-ФЗ в указанную норму внесены изменения, согласно которым требование закона о возможности привлечения военнослужащего к материальной ответственности в течение указанного срока осталось прежними и дополнительно указано, что днем обнаружения ущерба следует считать день, когда командир (начальник) узнал или должен был узнать о наличии материального ущерба, причиненного военнослужащим.

В абзаце четвертом п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения военными судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» разъяснено, что днем обнаружения ущерба следует считать день, когда командиру воинской части, а в соответствующих случаях вышестоящим в порядке подчиненности органам военного управления и воинским должностным лицам стало известно о наличии материального ущерба, причиненного военнослужащим.

Согласно п. 1, 2 ст. 7 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» командир (начальник) воинской части при обнаружении ущерба обязан назначить административное расследование для установления причин ущерба, его размера и виновных лиц. Административное расследование должно быть закончено в месячный срок со дня обнаружения ущерба.

В необходимых случаях этот срок может быть продлен вышестоящим в порядке подчиненности командиром

¹ См.: Обзор судебной практики кассационного военного суда по гражданским и административным делам во втором полугодии 2022 года, утвержденный Президиумом кассационного военного суда 4 апреля 2023 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=28 (дата обращения 04.03.2024)

(начальником), но не более чем на три месяца.

Административное расследование может не проводиться, если причины ущерба, его размер и виновные лица установлены судом, в ходе разбирательства по факту совершения военнослужащим дисциплинарного проступка либо в результате ревизии, проверки или предварительного расследования в порядке уголовного судопроизводства.

Из изложенного следует, что командир воинской части после поступления в часть Акта Межрегионального управления обязан был назначить административное расследование для установления лиц, виновных в причинении ущерба, месячный срок проведения которого оканчивался 19 декабря 2018 г., и затем поставить вопрос о возмещении причиненного ущерба.

Учитывая изложенное, течение трехлетнего срока привлечения ответчика к материальной ответственности, установленного п. 4 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», начинается с указанной даты.

Вместе с тем административное расследование проведено лишь в апреле 2020 г., а в суд с иском о привлечении к материальной ответственности М. командир части обратился 27 января 2022 г.

Сведений о том, что имелись какие-либо основания, предусмотренные Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих», освобождающие командование части от проведения административного расследования в установленный срок, материалы дела не содержат.

Оспаривание командиром части Акта Межрегионального управления в судебном порядке не относится к случаям приостановления срока привлечения военнослужащего к материальной ответственности, перечисленным в п. 4 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих». Данное обстоя-

тельство не препятствовало истцу своевременно провести административное расследование по выявленному Межрегиональным управлением ущербу и принять меры к привлечению М. к материальной ответственности в установленном законом порядке.

Окружной военный суд отменил решение суда первой инстанции и принял по делу новое решение об отказе командиру части в удовлетворении иска в связи с истечением срока привлечения М. к материальной ответственности См.: Обзор судебной практики 2-го Западного окружного военного суда по административным и гражданским делам за второе полугодие 2022 года URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=76 (дата обращения 05.03.2024)

Библиография

Гусейнова, Н.Ч. Комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих» (постатейный) / Н.Ч. Гусейнова, А.В. Титов, А.И. Тюрин. — М.: За права военнослужащих, 2010. — 208 с.

Кириченко, Н.С. Административный порядок привлечения военнослужащих к материальной ответственности / Н.С. Кириченко // Военное право. — 2020. — № 4 (62). — С. 96—100.

Кириченко, Н.С. Материальная ответственность военнослужащих: ее цели и функции / Н.С. Кириченко // Военное право. — 2020. — № 1 (59). — С. 161—164.

Кириченко, Н.С. Обзор предложений по совершенствованию законодательства о материальной ответственности военнослужащих / Н.С. Кириченко // Военное право. — 2022. — № 5 (75). — С. 113—119.

Корякин, В.М. Некоторые вопросы признания правовых актов недействующими (по материалам судебной практики) / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // Военное право. — 2020. — № 6 (64). — С. 127—132.

Туганов, Ю.Н. О судебной практике в сфере материального обеспечения подготовки граждан по основам военной службы в образовательных организациях / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 12. — С. 7—10.

Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика

Некоторые вопросы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследовании преступлений

© **Гирько Сергей Иванович,**

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор ФГБУН «Центр исследования проблем безопасности» Российской академии наук

© **Харченко Сергей Владимирович,**

доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции, декан факультета подготовки научно-педагогических кадров Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Раскрывается система мер по сбору, обобщению, анализу и вводу в уголовный процесс фактических материалов, полученных в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности. Определяются основные направления комплексного применения оперативно-розыскных сил, средств и методов при раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: следственные, оперативные, подразделения, организованные группы, преступное сообщество, следственно-оперативная группа, руководители, раскрытие, расследование, оперативно-розыскное обеспечение, задачи.

Some issues of operational investigative support for the disclosure and investigation of crimes

© **Girko S.I.,**

Director of the FSBI Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

© **Kharchenko S.V.,**

Dean of the Faculty of Training scientific and Pedagogical Personnel St. Petersburg Academy The Investigative Committee Doctor of Law, Professor, Colonel of Justice of the Russian Federation

Abstract. The article discusses issues related to operational investigative support for the disclosure and investigation of crimes. The system of measures for the collection, generalization, analysis and introduction into the criminal process of factual materials obtained as a result of operational investigative activities is revealed. The main directions of the integrated application of operational investigative forces, means and methods in the detection and investigation of crimes are determined.

Keywords: investigative, operational, divisions, organized groups, criminal community, investigative and operational group, managers, disclosure, investigation, operational and investigative support, tasks.

Поиск универсальных форм и методов по использованию результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в уголовном процессе в начале 80-х годов XX столетия привел к появлению в теории ОРД и нормативных актах МВД СССР терминов «оперативно-розыскное обеспечение следствия» или «оперативное сопровождение уголовных дел»¹.

В современных условиях функционирования оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, когда Федеральный закон об оперативно-розыскной деятельности² и ряд норм УПК РФ (ст. 89, 140, 143, 144, 157 и др.) возлагают ответственность на сотрудников оперативных и следственных подразделений за быстрое и полное раскрытие и расследование преступлений.

По этим основаниям мы разделяем точку зрения Н.М. Якушина о том, что понятие «оперативно-розыскное обеспечение» можно однозначно толковать как «своевременное, связанное с проведением оперативно-розыскных мероприятий создание оптимальных условий для успешного осуществления определенной деятельности»³.

Мы также разделяем позицию тех авторов, которые на основе системного метода исследований определяют единство

государственной системы уголовной юстиции как функционирующую в виде автономных ее подсистем (компонентов): оперативно-розыскной деятельности; предварительного следствия и судебного разбирательства⁴. Каждая из указанных подсистем функционально независима в использовании законодательно определенных им полномочий для решения единой комплексной задачи борьбы с преступностью в целом и ее частной задачи — раскрытия преступлений и достижения единой цели — обеспечения неотвратимости ответственности виновных за содеянное.

Однако мы не можем согласиться с теми авторами, которые частный институт оперативно-розыскного обеспечения (ОРО) уголовного судопроизводства распространяют на другие сферы деятельности правоохранительных органов, утверждая при этом, что оно может охватывать своим содержанием решение таких задач, как: выявление лиц и фактов, представляющий профессиональный интерес для правоохранительных органов, проведение оперативно-профилактических мероприятий, оперативно-розыскной проверки первичных данных о событии преступлений; оперативной разработки лиц, подозреваемых в совершении преступлений⁵. Утверждение о том, что «... в деятельности оперативных подразделений по предупреждению криминального противодействия прослеживаются черты, характерные для всех

¹ См.: Богданов Б.Е. Оперативно-розыскное обеспечение расследования хищений социалистического имущества, должностных и хозяйственных преступлений. М., 1982; Хомколов В.П. Правовые и организационно-тактические вопросы оперативно-розыскного обеспечения деятельности следователя по установлению лица, совершившего преступление : дис... канд. юрид. наук. М.: Академия МВД СССР, 1984; Указание МВД СССР от 5 декабря 1984 г. № 124 «О ходе выполнения решения Коллегии МВД СССР от 25.10.1983 г. «О мерах по дальнейшему улучшению работы следственного аппарата»; Решение Коллегии МВД России от 21 октября 1997 г. № 8КМ «Об итогах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел и служебной деятельности внутренних войск МВД России в 1997 г. и задачах на 1998 г.» // Вестник МВД России. 1998. № 1. С. 118—124.

² Далее по тексту — ФЗ об ОРД.

³ См.: Якушин Н.М. Оперативно-розыскное обеспечение деятельности органов и учреждений внутренних дел в экстремальных ситуациях. М.: Академия МВД России, 1992. С. 6.

⁴ См.: Харченко С.В. некоторые особенности раскрытия и расследования криминального автобизнеса // Право и государство: теория и практика. 2015. № 2 (122). С. 128—131; Билоус Е.Н., Васильев Н.Н., Харченко С.В. Вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: проблемы и противоречия // Государство и право. 2006. № 11. С. 21—31; Михайловская И.Б. Теоретические вопросы изучения эффективности деятельности органов внутренних дел по раскрытию и расследованию преступлений // Сборник научных статей. М.: Академия МВД СССР, 1982. С. 16; Томин В.Т. научные проблемы предварительного расследования на современном этапе // Сборник научных статей. Караганда, 1985. С. 9; и др.

⁵ См.: Тюрин В.А. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия похищений и незаконного лишения свободы человека : дис... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 72.

форм оперативно-розыскной деятельности», лежит в той же плоскости и не снимает указанного противоречия.

Во-первых, социальная роль ОРД по своим целям, задачам и функциям намного шире, чем частного института ОРО уголовного судопроизводства. ОРД уголовного судопроизводства — это система мер по сбору, обобщению, анализу и вводу в уголовный процесс фактических материалов¹. Она обеспечивает реализацию правоохранительной функции государства, то есть самостоятельно защищает присущими ей специфическими силами, средствами и методами гражданина, общество и государство от преступных посягательств, а также содействует реализации задач административно-юрисдикционной деятельности. Тогда как ОРО уголовного судопроизводства, совпадая по применению специальных сил, средств и методов, ограничивается решением уголовно-процессуальных задач раскрытия, расследования и судебного разрешения конкретных уголовных дел.

Во-вторых, ОРД для решения своих целей и задач не ограничивается временным пределом, может применяться до возбуждения уголовного дела и после его разрешения, а ОРО — только в период принятия уголовно-процессуальных решений.

Ни у кого не вызывает сомнения, что процесс раскрытия большинства преступлений начинается с негласной оперативно-розыскной деятельности, в ходе которой выявляются конкретные преступления, лица, их совершившие, или существование того или иного преступного сообщества (преступной организации) и собираются данные об их криминальной деятельности.

Практика деятельности оперативных и следственных подразделений позволяет выделить, как минимум, три направления комплексного применения оперативно-розыскных сил, средств и возможностей:

1) выявление признаков преступлений, лиц, их совершивших, и документирование противоправных действий;

2) внедрение результатов ОРД в уголовный процесс, доказывание состава преступления и участие в его совершении лица или группы лиц;

3) оперативное обеспечение, направленное на преодоление противодействия расследованию преступлений и установление всех виновных.

К сожалению, в теории и практике остается частично изученным вопрос, касающийся оперативно-розыскной профилактики. По сложившейся практике в статистические формы учета и отчетности входит предотвращение преступлений только по возбужденным уголовным делам, т.е. получившее процессуальное подтверждение. Следовательно, для комплексного применения уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных средств имеются резервы для совершенствования, за счет совместного рассмотрения материалов ОРД, по которым не принималось решение о возбуждении уголовного дела, и нет необходимости принимать процессуальное решение.

Тем не менее, три рассматриваемых направления позволяют определить их по целям и задачам как разведывательные, наступательные и правозащитные.

Цель первого направления — выявить преступления, установить лиц, их подготавливающих, совершивших или совершающих, уклоняющихся от суда и следствия, без вести пропавших. При этом решаются следующие задачи:

— выявление, предупреждение и пресечение преступлений;

— проведение оперативно-розыскных мероприятий по установлению преступных связей, роли соучастников;

— документирование и подготовка результатов ОРД к использованию в уголовном процессе на стадии принятия решения о возбуждении уголовного дела;

— оказание содействия по фиксации повода и основания для возбуждения уголовного дела процессуальными средствами;

¹ См.: Корневский Ю.В., Токарева М.Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам : метод. пособие. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2000. С. 37.

– обеспечение информацией хода расследования уголовного дела.

Данное направление регламентировано ст. 2 ФЗ об ОРД и пп.10, 12 ст. 12 Федерального закона «О полиции». Основная нагрузка и инициатива в реализации этого направления ложится на руководителей и сотрудников оперативных подразделений. Однако, исходя из задач, временных параметров и стадии проведения работы по выявлению и раскрытию преступления можно усмотреть ряд типичных оперативно-розыскных ситуаций. Практика показывает эффективность раннего приобщения следователя к изучению и правовой оценке собранных материалов¹, содержащих информацию о преступной деятельности проверяемых или разрабатываемых лиц. Определение тактики использования материалов ОРД, выбор момента возбуждения уголовного дела, правильное планирование задержания и первых допросов подозреваемых, вплоть до установления их очередности, во многом облегчают расследование преступлений, и т.п.

Цель следующего направления — раскрытие всех преступлений, совершенных разрабатываемым или группой, установление всех соучастников и роли каждого при совершении преступлений. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

– задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления, и организация их активной разработки;

– оперативно-розыскное обеспечение не только производства следственных действий, но и судебного разбирательства.

В рассматриваемом направлении следует выделить три важные позиции: возбуждение уголовного дела и связанные с этим оперативно-розыскные и процессуальные действия; задержание лиц по подозрению в совершении преступлений; ОРО производства следственных и судебных

действий, осуществляемых для доказывания виновности всех участников преступления. Каждое из перечисленных направлений нуждается в плановой и системной работе по ОРО сбора информации об обстоятельствах совершения преступления, лиц, его совершивших, проверки информации и сбора доказательств об их достоверности и допустимости, содействие в процессуальной оценке доказательств и их внедрение в судебный процесс.

Решение указанных задач требует комплексного применения специальных сил, средств и методов. Однако проведенное нами исследование фактической реализации указанных задач свидетельствует о наличии серьезных недостатков в деятельности оперативных и следственных подразделений. Так, анализ архивных уголовных дел и дел оперативного учета (ДОУ), которые, согласно ст. 10 ч. 2 ФЗ об ОРД, заводятся в целях собирания и систематизации сведений, проверки и оценки результатов ОРД и принятия на их основе соответствующих решений, показал, что ДОУ заводились по непроверенной или не имеющей конкретного оперативно-розыскного значения информации. Материалы ОРД, находящиеся в архивных уголовных делах, показывают, что, в процессе раскрытия и расследования преступлений, проводились не более 7 видов оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) из 15 разрешенных ФЗ об ОРД, и те, в основном, поручительного характера: наведение справок — в 73 %, прослушивание телефонных переговоров — в 67 %, наблюдение — в 60 %, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений — в 40 %. Редко планировалось проведение опроса, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов и ряда других ОРМ. Следовательно, инициатор заведения ДОУ, по нашему мнению, заведомо исключает себя из активной наступательной разведывательно-поисковой работы по выполнению задач ОРД.

Кроме того, в соответствии с действующей Инструкцией по организации взаимодействия подразделений и служб ОВД в расследовании и раскрытии преступлений,

¹ Бычков В.В., Харченко С.В. к вопросу о деятельности следователя в рамках типичной ситуации на различных этапах расследования преступлений экстремистского характера // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 2 (28). С. 102—105

его основной организационной формой является следственно-оперативная группа (СОГ), создаваемая для эффективного решения этой комплексной задачи. Однако ее практическая реализация осуществляется неудовлетворительно. Из общего количества изученных 224 уголовных дел 46,5 % из них преступления организованной группой, тем не менее для их расследования СОГ создавались только по 29 %. Не случайно почти половина из изученных дел расследовались с превышением установленных сроков: от 6 до 9 месяцев — 12,3 %; до года — 13,5 %; до двух лет — 15,8 %; свыше двух лет — 4 %. Несмотря на наличие результатов ОРД в 19,9 % изученных уголовных дел о преступлениях, совершенных организованными группами или преступным сообществом ОРО их расследования ограничивалось лишь исполнением письменных поручений следователя — 37 %, устных поручений руководителей оперативных подразделений и прокуратуры — 8,3 %.

На фоне количественно-качественных характеристик совершаемых преступлений полученные результаты исследования убедительно свидетельствуют о явной недооценке применения института оперативно-розыскного обеспечения в практической правоохранительной деятельности, на что неоднократно обращалось внимание в ряде исследований¹.

Такое положение объясняется не изжитыми стереотипами узковедомственного подхода к оценке работы отдельных оперативных подразделений, а также устаревшими представлениями о месте с роли оперативно-розыскной и уголовно-

процессуальной функции в процессе доказывании. Обычно сотрудники некоторых оперативных подразделений считают свою миссию законченной, когда полученные, в ходе проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий фактические данные реализованы посредством возбуждения уголовного дела, а дальнейшая ответственность за последующий процесс доказывания виновности подозреваемых перекладывается исключительно на «плечи» следователя, а разведывательно-поисковая работа на последующих стадиях уголовного процесса необоснованно прекращается.

Этот подход не отвечает не только интересам получения дополнительных фактических данных для доказывания виновности участников организованных групп в совершении преступлений, но и позволяет оставлять на свободе часть неизобличенных преступников, что чревато появлением новых преступлений и преступников, принижает социальный и профессиональный престиж как оперативно-розыскной, так и уголовно-процессуальной функций в борьбе с преступностью.

Соблюдение этих теоретических положений, указывающих на объективную необходимость использования фактических данных, полученных в результате оперативно-розыскного обеспечения, в решении задач уголовного судопроизводства, получили нормативное правовое закрепление в межведомственной Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности².

Таким образом, доказывание виновности подозреваемых по действующему законодательству составляет сущность раскрытия преступлений, является одинаково обязательной функцией уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности (ч. 2 ст. 21 УПК РФ, ст. 2 ФЗ об ОРД). Ее организационно-тактическое

¹ См.: Климов И.А., Синилов Г.К. Предмет, система, методология история и перспективы развития теории оперативно-розыскной деятельности. М.: ЮИ МВД России, 1995. С. 16—28; Климов И.А., Синилов Г.К. Противодействие криминальной среды как объект и предмет исследования теории оперативно-розыскной деятельности // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. М., 1997. С. 11—19; Иванов С.Н. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования групповых преступлений: дис... д-ра. юрид. наук. М.: ЮИ МВД России, 2001. С. 332.

² Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

исполнение сотрудниками оперативных и следственных подразделений могут осуществлять автономно, согласованно или совместно. На первоначальном этапе расследования преступлений задача полноты доказывания самого события и состава преступления, виновности лиц, подозреваемых в их совершении, степени их организованности имеет определяющее значение для принятия последующих процессуальных решений (избрание меры пресечения, предъявления обвинения и др.) по закреплению имеющихся и отысканию дополнительных доказательств.

Библиография

1. Билоус, Е.Н. Вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: проблемы и противоречия / Е.Н. Билоус, Н.Н. Васильев, С.В. Харченко // Государство и право. — 2006. — № 11. — С. 21—31.
2. Богданов, Б.Е. Оперативно-розыскное обеспечение расследования хищений социалистического имущества, должностных и хозяйственных преступлений / Б.Е. Богданов. — Москва, 1982.
3. Бычков, В.В. К вопросу о деятельности следователя в рамках типичной ситуации на различных этапах расследования преступлений экстремистского характера / В.В. Бычков, С.В. Харченко // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2021. — № 2 (28). — С. 102—105.
4. Иванов, С.Н. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования групповых преступлений: дис... д-ра юрид. наук / С.Н. Иванов. — М.: ЮИ МВД России, 2001.
5. Климов, И.А. Предмет, система, методология история и перспективы развития теории оперативно-розыскной деятельности / И.А. Климов, Г.К. Синилов. — М.: ЮИ МВД России, 1995.
6. Климов, И.А. Противодействие криминальной среды как объект и предмет исследования теории оперативно-розыскной деятельности / И.А. Климов, Г.К. Синилов // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. — Москва, 1997.
7. Корневский, Ю.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам : метод. пособие / Ю.В. Корневский, М.Е. Токарева. — Москва: Изд-во «Юрлитинформ», 2000.
8. Михайловская, И.Б. Теоретические вопросы изучения эффективности деятельности органов внутренних дел по раскрытию и расследованию преступлений / И.Б. Михайловская // Сборник научных статей. — Москва: Академия МВД СССР, 1982.
9. Томин, В.Т. научные проблемы предварительного расследования на современном этапе // Сборник научных статей / В.Т. Томин. — Караганда, 1985.
10. Тюрин, В.А. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия похищений и незаконного лишения свободы человека : дис... канд. юрид. наук / В.А. Тюрин. — Москва, 1999.
11. Харченко, С.В. некоторые особенности раскрытия и расследования криминального автобизнеса / С.В. Харченко // Право и государство: теория и практика. — 2015. — № 2 (122). — С. 128—131.
12. Хомколов, В.П. Правовые и организационно-тактические вопросы оперативно-розыскного обеспечения деятельности следователя по установлению лица, совершившего преступление : дис... канд. юрид. наук / В.П. Хомколов. — Москва: Академия МВД СССР, 1984.
13. Якушин, Н.М. Оперативно-розыскное обеспечение деятельности органов и учреждений внутренних дел в экстремальных ситуациях / Н.М. Якушин. — Москва: Академия МВД России, 1992.

К вопросу о признании международного общественного движения ЛГБТ экстремистской организацией

© Ермолович Ярослав Николаевич,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО «Московская академия Следствен-
ного комитета Российской Федерации им. А.Я.
Сухарева»

Аннотация. В статье анализируется решение Верховного Суда Российской Федерации о признании международного движения ЛГБТ и его структурных подразделений экстремистской организацией, исследуются вопросы уголовной ответственности за преступления экстремисткой направленности, анализируется структура и динамика экстремистской преступности в России.

Ключевые слова: уголовное право, экстремизм, преступления экстремистской направленности, экстремистская деятельность, законодательство о борьбе с экстремизмом, противодействие экстремизму, экстремистская организация, ЛГБТ.

On the issue of recognizing the international LGBT social movement as an extremist organization

© Ermolovich Ya.N.,
Doctor of Legal Sciences, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation named after A.Ya.
Sukharev

Annotation. The article analyzes the decision of the Supreme Court of the Russian Federation on the recognition of the international LGBT movement and its structural units as an extremist organization, examines the issues of criminal liability for extremist crimes, analyzes the structure and dynamics of extremist crime in Russia.

Keywords: criminal law, extremism, crimes of extremist orientation, extremist activity, legislation on combating extremism, countering extremism, extremist organization, LGBT.

30 ноября 2023 г. Верховный Суд Российской Федерации удовлетворил административное исковое заявление Минюста России, признал международное движение ЛГБТ и его структурные подразделения экстремистскими и запретил их деятельность на территории России¹. В качестве

оснований для запрета деятельности этого общественного движения Верховный Суд Российской Федерации указал следующие обстоятельства:

1) деятельность сторонников и последователей этого движения, а также формирование его структурных подразделений обусловлены внешнеполитическим воздействием. Движение получает денежные средства и иное имущество от иностранных источников, т.е. находится под иностранным влиянием, следовательно, в соответствии с Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» должно находиться

¹ Административное судопроизводство № АКПИ23-990с // Официальный интернет-портал Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 14.02.2024). Следует отметить, что приведенное решение суда не публиковалось официально, но было обнародовано в сети Интернет участниками процесса. Указанное решение 4 раза обжаловалось в апелляционном порядке и было оставлено без изменения.

под государственным контролем за соблюдением законодательства Российской Федерации об иностранных агентах (по информации Федеральной службы по финансовому мониторингу, общая сумма выявленных денежных средств, поступивших из иностранных источников в адрес движения и его отдельных участников с 1 января 2020 г., составила свыше 506 000 000 руб.);

2) в нарушение ст. 18 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», ст. 13, 13.2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» движение не зарегистрировано на территории Российской Федерации в качестве общественного объединения или некоммерческой организации, не имеет единой структуры, состоит из различных незарегистрированных организаций, в том числе представительств (филиалов) международных неправительственных организаций, а также сообществ, групп и отдельных активистов;

3) движение ведет свою деятельность на территории 60 субъектов Российской Федерации, имеет более 40 основных подразделений, некоторые из которых имеют региональные отделения, владеет более 80 Интернет-ресурсами, имеющих миллионы подписчиков, кроме того установлено 281 лицо, участвующее в деятельности движения, которые, выступая от имени всего сообщества, представляют альтернативные доклады в Комитет ООН по правам человека о положении ЛГБТ-сообщества на территории Российской Федерации, содержащие искаженную информацию, что подтверждает организационное единство движения;

4) участники движения неоднократно привлекались к административной и уголовной ответственности, в том числе за совершение правонарушений экстремистской направленности, в частности: за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений (ч. 2 ст. 6.21 КоАП РФ); за изготовление и распространение порнографических материалов (ч. 3 ст. 242 УК РФ); за пропаганду и публичное демонстрирование атрибутики или символики экстре-

мистских организаций (ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ); за организацию и участие в массовых беспорядках, сопровождающихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывчатых веществ или взрывчатых устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти (ч. ч. 1, 2 ст. 212 УК РФ); за нарушение установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 20.2 КоАП РФ); за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции (ст. 19.3 КоАП РФ); за участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации (ст. 20.33 КоАП РФ).

Собственно экстремистская деятельность, как она понимается в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», реализовывалась в следующих формах:

1) осуществление участниками движения деятельности, направленной на насильственное изменение основ конституционного строя, в виде отказа от признания в Российской Федерации идеологического многообразия, нарушения запрета на установление государственной или обязательной идеологии (ч. ч. 1, 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации), отказа от институтов семьи, материнства, отцовства и детства, находящихся под охраной государства (ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 38 Конституции), создание и участие в деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и разжигание социальной розни (ч. 5 ст. 13 Конституции);

2) систематическая пропаганда участниками движения исключительности, превосходства по признаку социальной принадлежности к ЛГБТ-сообществу, а также неполноценности человека по признаку его социальной принадлежности (принадлежности к социальной группе несогласных с идеями ЛГБТ);

3) осуществление участниками движения деятельности, направленной на возбуждение социальной розни по отношению к социальной группе лиц, не поддерживающих нетрадиционные сексуальные отношения;

4) осуществление участниками движения деятельности, направленной на воспрепятствование законной деятельности государственных органов, соединенной с угрозой применения насилия, в виде несоблюдения законодательства Российской Федерации, невыполнения решений органов государственной власти, призывов к нарушению законодательства Российской Федерации, отмене законов, которые участники движения считают неприемлемыми, призывов к массовым беспорядкам, применению насилия к представителям власти и т. п.;

5) массовое распространение участниками движения заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения (Интернет-ресурсы сообщества распространяют публикации из других каналов, авторы которых признаны иностранными агентами и экстремистами).

Следует учитывать, что Федеральным законом от 5 декабря 2022 г. № 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» была введена административная ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола (ст. 6.21 КоАП), пропаганду педофилии (ст. 6.21.1 КоАП) и распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол (ст. 6.21.2 КоАП).

Авторы законопроекта, коими являются более 380 депутатов Государственной Думы, в пояснительной записке к проекту вышеуказанного федерального закона отметили, что пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений приняла чрезвычайно широкое распространение в современном мире. Она ведется как через средства массовой ин-

формации и сеть Интернет, так и через проведение общественных мероприятий, демонстрацию таких отношений в кино, литературе, продукции музыкальной индустрии. Зачастую такая пропаганда носит агрессивный, навязчивый, оскорбительный характер, что вызывает широкое возмущение общества. Публичное одобрение и формирование привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений опасно не только для детей и молодежи, еще не способных критически мыслить, но и для всего общества в целом, поскольку несет угрозу демографическому росту и экономическому развитию страны¹.

В соответствии с п. 2 ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится информация, отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи, пропагандирующая либо демонстрирующая нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, пропагандирующая педофилию, способная вызвать у детей желание сменить пол, оправдывающая противоправное поведение, а также информация, содержащаяся в информационной продукции, произведенной иностранным агентом. Причем запрет на распространение информации, пропагандирующей педофилию или способной вызвать у детей желание сменить пол, был введен только в 2022 г. Федеральным законом от 5 декабря 2022 г. № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации», тогда как запрет на распространение среди детей информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения, был

¹ Проект Федерального закона № 217472-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (об уточнении административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений)».

введен еще в 2013 г. Федеральным законом от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей».

Таким образом введение административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола, педофилии и распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол являлось мерой административно-правовой защиты правовых отношений, охраняющих детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Как уже отмечалось выше, участники движения уже привлекались к административной ответственности по ст. 6.21 КоАП РФ. В настоящее время в связи с включением международного движения ЛГБТ и его структурных подразделений в список экстремистских организаций появилось правовое основание для привлечения участников этого движения к уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности.

С учетом положений п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» решением Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 г. была по сути введена уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) в виде обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению деятельности, направленной на насильственное изменение основ конституционного строя, в виде отказа от признания в Российской Федерации идеологического многообразия и признания идей ЛГБТ государственной или обязательной идеологией, на создание или участие в де-

ятельности, финансирование экстремистской организации — международного движения ЛГБТ и его структурных подразделений, на пропаганду исключительности, превосходства по признаку социальной принадлежности к ЛГБТ-сообществу, неполноценности человека по признаку его принадлежности к социальной группе несогласных с идеями ЛГБТ, на возбуждение социальной розни по отношению к социальной группе лиц, не поддерживающих нетрадиционные сексуальные отношения, на осуществление участниками движения деятельности, направленной на воспрепятствование законной деятельности государственных органов, соединенной с применением или угрозой применения насилия, на массовое распространение заведомо экстремистских материалов и т. п. Как правильно отметил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», указанное преступление считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет (п. 4).

Уголовная ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) для сторонников идей ЛГБТ устанавливается за высказывания или иные действия, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость совершения массовых репрессий, депортаций и иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей социальной группы лиц, несогласных с идеями ЛГБТ и не поддерживающих нетрадиционные сексуальные отношения, в том числе распространение таких экстремистских материалов, созданных другими лицами, в течение одного года после привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние по ст. 20.3.1 КоАП РФ — по ч. 1 ст. 282 УК РФ, а при наличии отягчающих обстоя-

тельств — без административной преюдиции по ч. 2 ст. 282 УК РФ.

В ходе проведенных 7 февраля 2024 г. в Общественной палате Российской Федерации общественных слушаний на тему «Система мер по предупреждению и пресечению пропаганды ЛГБТ в подростковой и молодежной среде» с учетом вновь введенных составов административных правонарушений в целях повышения уголовно-правовой защиты граждан, общества и государства от преступлений экстремистской направленности, нами было предложено внести в ч. 1 ст. 282 УК РФ ссылку и на ст. 6.21, 6.21.1, 6.21.2 КоАП, т.е. криминализовать с учетом административной преюдиции повторную в течение года пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола, педофилии, распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол, либо формализовать этот состав преступления в виде отдельной статьи УК РФ.

В решении Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 г. также отмечается, что интернациональным символом международного движения ЛГБТ и его структурных подразделений является флаг, состоящий из шести полос, цвета которых идут сверху вниз — красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий и фиолетовый. При этом существуют разнообразные вариации этого флага, иногда к нему добавляют черную полосу в качестве напоминания о жертвах СПИДа, часто имеет место добавление на поле флага различных символов движения, таких как розовый или черный треугольники, лямбда, гендерные знаки и иные. В связи с наличием в законодательстве Российской Федерации институтов административной и уголовной ответственности за пропаганду либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистской организации, изготовление или сбыт в целях пропаганды либо приобретение в целях сбыта или пропаганды указанной символики (ст. 20.3 КоАП РФ, ст. 282.4 УК

РФ) возникает вопрос об административной и уголовной ответственности участников международного движения ЛГБТ и его структурных подразделений за публичное демонстрирование, изготовление, сбыт или приобретение предметов, описанных в решении Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 г., в качестве символики экстремистской организации.

В соответствии с п. 4 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» символикой экстремистской организации является символика, описание которой содержится в учредительных документах организации, в отношении которой по основаниям, предусмотренным этим законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. По указанным выше причинам международное движение ЛГБТ и его структурные подразделения не имеют учредительных документов и не оформлены в качестве юридических лиц.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» описание символики экстремистских организаций подлежит размещению в сети Интернет на сайте федерального органа государственной регистрации. Указанный перечень также подлежит опубликованию в официальных периодических изданиях, определенных Правительством Российской Федерации. Изучение официального сайта Министерства юстиции Российской Федерации показало, что на нем отсутствует описание символики экстремистской организации международное движение ЛГБТ и его структурных подразделений¹. При этом

¹ Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Официальный интернет-портал Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 14.02.2024).

описание, данное в решении Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 г., достаточно расплывчато, может толковаться по-разному в зависимости от восприятия субъекта и вызывать ошибки в правоприменительной практике. В данном случае необходимо уточнение описания символики экстремистской организации международное движение ЛГБТ и его структурных подразделений, возможно в виде отдельного решения суда.

С учетом того, что имеется вступившее в силу решение суда о признании международного движения ЛГБТ и его структурных подразделений экстремистской организацией, участники этого движения уже по факту принадлежности несут уголовную ответственность за организацию деятельности экстремистской организации (созыв собраний, организация вербовки новых членов, организация шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации и т. п.), склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации, а также участие в деятельности такой организации, в том числе помимо приготовления и совершения преступлений экстремистской направленности, также и проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т. п. (ст. 282.2 УК РФ).

Кроме того, независимо от принадлежности к экстремистской организации международному движению ЛГБТ и(или) его структурным подразделениям уголовно-наказуемым является финансирование экстремистской деятельности, т.е. предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистской организации, включая сбор не только денежных, но и материальных средств, систематические отчисления или разовый взнос в общую кассу, приобретение недвижимости или оплату стоимости ее аренды, предоставление денежных

средств, предназначенных для подкупа должностных лиц и т. п. (ст. 282.3 УК РФ).

Говоря о динамике экстремистской преступности в России, следует отметить, что преступления экстремистской направленности составляют менее 1 % от общего количества преступлений, совершенных в отчетном периоде, а количество осужденных за эти преступления составляет менее 1 % от общего количества осужденных за все преступления, совершенные в отчетном году в среднем за последние 3 года. Так, в 2020 г. за совершение преступлений, предусмотренных ст. 280 УК РФ, было осуждено 184 лица, совершивших 210 преступлений, при 1 оправданном, а в отношении 34 человек (18,5 %) дела были прекращены в суде по не реабилитирующим основаниям, при отсутствии лиц, в отношении которых дела были прекращены по реабилитирующим основаниям¹.

В 2021 г. за совершение этих преступлений было осуждено 307 человек (почти двукратный рост), совершивших 356 преступлений (почти в полтора раза больше чем в предыдущем году), при 3 оправданных, в отношении 1 лица дело было прекращено в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 32 лиц дела были прекращены по не реабилитирующим основаниям.

В 2022 г. за совершение этих преступлений было осуждено 356 человек (рост на почти 16 % по сравнению с прошлым годом), совершивших 441 преступление (рост почти на 24 % по сравнению с прошлым годом), при отсутствии оправданных и лиц, дела в отношении которых были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 13 лиц дела были прекращены по не реабилитирующим основаниям.

В 2020 г. за совершение преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ, было

¹ См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru> (Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 2020, 2021, 2022 г. г.).

осуждено всего 18 человек, совершивших 18 преступлений, при отсутствии оправданных, в отношении 3 человек, совершивших 5 преступлений, дела были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, а в отношении 4 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям.

В 2021 г. за совершение этих преступлений было осуждено 50 человек, совершивших 58 преступлений (в 2,7—3,2 раза больше, чем в предыдущем году), при отсутствии оправданных и лиц, дела в отношении которых были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, а в отношении 5 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям.

В 2022 г. за совершение этих преступлений было осуждено 51 лицо, совершившее 64 преступления (незначительный рост по сравнению с предыдущим годом), при отсутствии оправданных и лиц, дела в отношении которых были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям, а в отношении 2 человек дела были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям.

В 2020 г. за совершение преступлений, предусмотренных ст. 282.2 УК РФ, было осуждено 100 человек, совершивших 100 преступлений, при отсутствии оправданных и лиц, дела в отношении которых были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, а в отношении 7 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям. Больше всего было осуждено за участие в деятельности экстремистской организации (65 %).

В 2021 г. за совершение этих преступлений было осуждено 138 человек, совершивших 138 преступлений (рост на 38 % по сравнению с прошлым годом), при отсутствии оправданных, в отношении 1 лица, дело было прекращено в суде по реабилитирующим основаниям, а в отношении 8 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям. Больше всего было осуждено, как и в предыдущем году, за участие в деятельности экстремистской организации (67 %).

В 2022 г. за совершение этих преступлений было осуждено 259 человек (рост почти на 88 % по сравнению с прошлым годом), совершивших 262 преступления (рост почти на 90 % по сравнению с прошлым годом), 4 человека было оправдано, при отсутствии лиц, дела в отношении которых были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, а в отношении 23 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям. Больше всего было осуждено, как и в предыдущие годы, за участие в деятельности экстремистской организации (почти 63 %).

В рассматриваемом периоде (2020—2022 г. г.) в России было признано и числилось в перечне экстремистских организаций чуть более 100 общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности. При этом средняя численность экстремистских организаций распределена неравномерно и вообще не может быть вычислена, поскольку в перечне экстремистских организаций указаны организации, запрещенные в 2002 г. и в последующие годы, и которые вполне возможно уже не осуществляют свою деятельность.

Следует отметить, что за организацию деятельности экстремистской организации, совершенную лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 282.2 УК РФ), за три года (2020—2022 г. г.) не было осуждено ни одного человека. За организацию экстремистского сообщества по ст. 282.1 УК РФ ежегодно привлекается к уголовной ответственности незначительное число лиц (до нескольких десятков человек).

В 2020 г. за совершение преступлений, предусмотренных ст. 282.3 УК РФ, было осуждено всего 4 человека, совершивших 4 преступления, при отсутствии оправданных и лиц, дела в отношении которых были прекращены в суде по реабилитирующим и по нереабилитирующим основаниям.

В 2021 г. за совершение этих преступлений было осуждено всего 6 человек, со-

вершивших 6 преступлений, при отсутствии оправданных и лиц, дела в отношении которых были прекращены в суде по реабилитирующим и по нереабилитирующим основаниям.

В 2022 г. за совершение этих преступлений было осуждено 26 человек, совершивших 26 преступлений (рост в 4 раза по сравнению с прошлым годом), при отсутствии оправданных и лиц, дела в отношении которых были прекращены в суде по реабилитирующим, в отношении 1 человека дело было прекращено по нереабилитирующим основаниям.

Таким образом, несмотря на большие темпы роста преступлений экстремистской направленности, они по-прежнему составляют очень небольшое число от общего количества совершенных преступлений и осужденных лиц (если рассматривать собственно экстремистские преступления, без учета преступлений, совершаемых с экстремистским мотивом, размещенных в разных главах УК РФ и имеющих другие объекты уголовно-правовой охраны). И пусть исследователей нестораживают колебания числа преступлений, исчисляемые десятками и сотнями процентов, поскольку в таких маленьких выборках статистические закономерности не проявляются, а подобные колебания данных статистической отчетности следует объяснять различными объективными и субъективными факторами, в том числе техническими, а не ростом преступности в целом.

Юридическая сущность военно-уставных экспертиз в уголовном судопроизводстве

© Жиленкова Татьяна Сергеевна,
юрист

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы производства военно-уставных экспертиз, в том числе допустимость постановки правовых вопросов перед экспертом. Автор анализирует вопросы, которые ставятся перед экспертом по данным экспертизам, исследуется возможность определения военно-уставной экспертизы как разновидности правовой экспертизой.

Ключевые слова: военно-уставная экспертиза, судебная экспертиза, эксперт, назначение судебной экспертизы, судебное разбирательство, заключение эксперта, специальные знания, правовые знания, юридические знания, знания в области права, специалист, судопроизводство, военное право, военнослужащие.

The legal essence of military statutory examinations in criminal proceedings

© Zhilenkova T.S.,
lawyer

Abstract. The article discusses some problems in the production of military-statutory examinations, including the admissibility of raising legal issues before an expert. The author analyzes the questions that are posed to the expert on these examinations, and explores the possibility of defining military-statutory examination as a type of legal examination.

Key words: military-statutory examination, forensic examination, expert, appointment of a forensic examination, trial, expert opinion, special knowledge, legal knowledge, knowledge in the field of law, specialist, legal proceedings, military law, military personnel.

Согласно ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» судебная экспертиза — предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

Минюстом России утвержден Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечень экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях

Минюста России¹, согласно которому производство военно-уставной экспертизы в экспертных учреждениях Минюста России не предусмотрено. Однако это не означает невозможность проведения таких экспертиз в судопроизводстве.

Военно-уставные экспертизы занимают определенное место в уголовном судопроизводстве. Они позволяют определить, соответствуют ли действия обвиняемого требованиям военного законодательства и воинских уставов, выявить возможные нарушения правил поведения

¹ Приказ Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России».

и несения военной службы. Предметом военно-уставной экспертизы являются вопросы, требующие знаний не только в области военного права, но и в области военного дела и военной науки в целом.

Однако, начиная с назначения таких экспертиз, возникает ряд сложностей, затрудняющих их использование в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве. Так, основной проблемой является отсутствие четких критериев, кто может быть экспертом в данных экспертизах. Из изученной следственной и судебной практики можно сделать вывод, что экспертом может быть любое лицо, обладающее знаниями военного дела, военной науки и ориентирующееся в нормативных правовых актах различных уровней по вопросам военного права. Как правило, производство экспертизы поручается штатному эксперту — начальнику отдела, начальнику службы, профессору образовательной организации и другим лицам. Это не противоречит требованиям ч. 2 ст. 195 УПК РФ. Отсутствие четких критериев к квалификации экспертов может повлиять на качество проводимых экспертиз и достоверность получаемых результатов.

Следователям и судьям необходимо проверять компетенцию и компетентность привлекаемых экспертов, такие эксперты должны иметь достаточный опыт и знания в области не только военных уставов, военной службы, но и военного права. Для этого необходимо установить более строгие критерии для отбора экспертов на основе опыта их работы, занимаемой должности, профессиональных знаний, а также образования.

Со стороны Министерства обороны Российской Федерации при проведении повышения квалификации военнослужащих необходимо освещать вопросы производства военно-уставных экспертиз и порядка участия в качестве эксперта по уголовным делам. Такая мера поможет повысить качество и достоверность результатов военно-уставных экспертиз.

Результаты военно-уставных экспертиз могут быть приняты судом в качестве доказательств по делу и влиять на вынесение законного и обоснованного решения по уголовному делу. Отсутствие единой

методики и единых подходов к проведению военно-уставных экспертиз может негативно отразиться на их качестве и привести к получению неоднозначных и даже субъективных заключений.

Таким образом, единый подход к проведению военно-уставных экспертиз также отсутствует, единые стандарты и методики проведения этой экспертизы не определены, требования к компетенции и компетентности таких экспертов отсутствуют, что может негативно влиять на качество проводимых военно-уставных экспертиз.

При назначении военно-уставной экспертизы могут быть поставлены вопросы, связанные не только с предметом данного вида экспертизы, но и с другими аспектами, включая технические вопросы. В этом случае экспертиза приобретает комплексный характер. Перед экспертом могут быть поставлены и правовые вопросы, которые не должны выходить за рамки предмета таких экспертиз и законодательства о судебной экспертизе, в связи с чем правовой характер военно-уставной экспертизы особенно ярко проявляется при расследовании преступлений против специальных видов служб в силу того, что диспозиции соответствующих статей в УК РФ носят бланкетный характер и отсылают к широкому кругу актов различной юридической силы, устанавливающих порядок несения специальных служб¹.

Е.А. Глухов полагает, что из самого термина «военно-уставная экспертиза» следует, что объектом экспертной оценки являются положения нормативных правовых актов — общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденных Указом Президента Российской Федерации. При проведении военно-уставной экспертизы эксперты изучают и анализируют и иные нормативные правовые акты, касающиеся вопросов во-

¹ Ренер Н.А., Исаев Н.С. Современные проблемы назначения и проведения военно-уставных экспертиз // Материалы 3-й Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М.: Проспект, 2011. С. 275.

енной службы, однако этот анализ также проводится с точки зрения права¹.

Выражая несогласие с приведенными Е.А. Глуховым аргументами, следует отметить, что заключения, полученные в результате проведения военно-уставной экспертизы, несмотря на их правовую природу, не должны содержать юридической оценки действий военнослужащего. Они должны, скорее, раскрывать обязанности и порядок осуществления его полномочий, что регламентировано соответствующими нормативными правовыми актами. Для достижения этой цели следователи и судьи при назначении военно-уставной экспертизы должны грамотно формулировать вопросы, которые будут поставлены перед экспертом. При правильной постановке вопросов эксперт при необходимости проверяет соответствие действий военнослужащего нормам уставов не как правоприменитель, а как применитель знаний в области военного дела и военной науки.

Н.А. Ренер и Н.С. Исаев провели анализ постановлений о назначении экспертизы следователей военных следственных подразделений, расположенных на территории Калининградской области, в результате чего были выявлены следующие формулировки вопросов, которые могут, по их мнению, считаться правовыми:

1) находятся ли допущенные должностными лицами корабля нарушения в прямой причинной связи с возникновением пожара и наступившими последствиями?

2) были ли соблюдены требования уставов и изданных в их развитие документов при назначении и заступлении рядовых в пограничный наряд?

3) нарушили ли рядовые какие-либо правила несения пограничной службы? Если да, то какие именно и какими действиями?

4) был ли причинен этими действиями какой-либо вред интересам безопасности

государства и мог ли быть причинен? Если да, то каковы были (могли быть) характер и степень этого вреда?²

Формулировки вопросов № 1, 3 и 4, по нашему мнению, являются некорректными, поскольку предполагают оценку действий военнослужащего, что недопустимо.

Указанные авторы также отмечают, что такое разнообразие правовых вопросов в постановлениях о назначении военно-уставной судебной экспертизы приводит к выводу о том, что военно-уставная экспертиза на сегодняшний день может рассматриваться как разновидность правовой экспертизы³.

Считаем невозможным согласиться с этим выводом, поскольку наличие правовых вопросов в постановлении о назначении экспертизы, даже если они не связаны с оценкой деяния или достоверности показаний допрошенных лиц и не выходят за пределы специальных знаний эксперта, не может определять экспертизу в качестве правовой.

Взяв за основу позицию Н.П. Ренера и Н.С. Исаева, тогда и судебно-медицинскую, и автотехническую экспертизы тоже можно назвать правовыми, поскольку в них, среди прочих, могут быть поставлены правовые вопросы. Например, при производстве автотехнической экспертизы могут быть поставлены вопросы о соответствии действий водителя Правилам дорожного движения. Однако наличие в постановлении о назначении экспертизы правовых вопросов само по себе не является достаточным основанием для отнесения данной экспертизы к категории правовых.

После анализа ряда дел, поступавших в Судебную коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, по которым назначалась военно-уставная экспертиза, в том числе комплексная военно-уставная экспертиза, вопросы, которые ставятся перед экспертом, могут быть представлены в следующем виде:

¹ Глухов Е.А. Военно-уставная судебная экспертиза — допустимое ли доказательство? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2013. № 2. С. 55—88.

² Ренер Н.А., Исаев Н.С. Указ. соч.

³ Там же.

— какими нормативными правовыми актами, приказами и инструкциями определен порядок, касающийся вопросов военной службы?

— какими нормативными правовыми актами, приказами, инструкциями должен был руководствоваться военный служащий в конкретной ситуации?

— каким образом следовало действовать военному служащему в конкретной ситуации?

— обладал ли военный служащий полномочиями для осуществления определенных действий?

— какими реквизитами должен обладать документ, чтобы считаться таковым?

— состоял ли военный служащий на момент совершения преступления в отношении подчиненности?

— *были ли нарушены* (выделено мной — Т.Ж.) требования руководящих документов военному служащему в определенной ситуации и какие именно требования были нарушены?

Следует отметить, что в соответствии с разъяснениями, представленными в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 октября 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», перед экспертом не допускается постановка правовых вопросов, связанных с оценкой деяния или оценкой достоверности показаний допрошенных лиц. Использование термина «нарушены» в данном контексте несет за собой оценочный характер, поэтому задавать вопрос о нарушении является неправомерным. Вместо этого следует говорить о соответствии действий военного служащего требованиям руководящих документов в определенной ситуации. Кроме того, рекомендуется указывать конкретные нормы в поставленном вопросе, касающиеся соответствия действий военного служащего какому-либо документу в целом.

В рассматриваемом контексте необходимо отметить, что при постановке вопросов в рамках данного исследования предпочтительно заменить оценочный термин «нарушение» на термин «соответствие».

В статье Д.В. Новокшенова и О.А. Чабукиани подчеркивается, что при про-

ведении военно-уставной судебной экспертизы изучается соответствие действий воинских должностных лиц руководящим документам, причинно-следственная связь между их действиями (бездействием) и наступившими вредными последствиями, по сути, оценивается объективная сторона преступления¹. Отсюда следует, что данная экспертиза фокусируется на объективной стороне преступления, установление которой входит в компетенцию суда, а не эксперта.

В рамках уголовного права объективная сторона представляет собой внешнее проявление преступления в реальной действительности. Она включает следующие признаки: деяние, общественно опасные последствия, причинная связь между деянием и его общественно опасными последствиями, время, место, обстановка, способ, орудия и средства совершения преступления². В преступлениях против военной службы объектом посягательства является порядок прохождения военной службы.

Установление причинной связи между действиями или бездействием и преступными последствиями, то есть определение того, что общественно опасные последствия наступили именно в результате действий или бездействия конкретного лица, относится к компетенции суда. Эксперт не занимается решением такого рода правовых вопросов, а только высказывает свое мнение о соответствии или несоответствии действий лица конкретной норме устава или уставу в целом, не давая им никакой юридической оценки. Решение

¹ Новокшенов Д.В., Чабукиани О.А. Судебная экспертиза при расследовании преступлений против военной службы: проблемные вопросы // Правовые аспекты договорной и судебно-исковой работы в войсках национальной гвардии (теория и практика) : Сборник статей международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10—11 октября 2019 года. Санкт-Петербург: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019. С. 77—81.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021.

такого рода вопросов экспертом является допустимым в рамках его компетенции и не затрагивает юридическую оценку объективной стороны преступления.

В связи с этим, мы не согласны с вышеприведенными утверждениями о том, что военно-уставная экспертиза является правовой экспертизой, поскольку право — это исключительная прерогатива суда и следствия. Военными специалистами, которые могут быть назначены экспертами по таким экспертизам, применение воинских уставов является неотъемлемой частью их деятельности в качестве военнослужащих, и при ответах на поставленные перед ними вопросы они используют свои знания с учетом правильного применения норм уставов в области военного дела и военной науки, а не с позиции правоприменителя. Кроме вопросов, связанных с военными уставами, в рамках военно-уставной экспертизы могут рассматриваться и другие вопросы, относящиеся к военному делу и военной науке.

Подводя итог всему вышесказанному, следует сказать, что заключение эксперта, данное в результате проведения военно-уставной экспертизы, может использоваться в уголовном судопроизводстве в качестве доказательства при условии соблюдения требований относимости, допустимости и достоверности, которые предъявляются к доказательствам. Такое заключение будет допустимым доказательством, если в нем не содержится оценка деяния или оценка достоверности

показаний допрошенных лиц. Постановка перед экспертом правовых вопросов, не связанных с оценкой деяния или достоверностью показаний допрошенных лиц, то есть правовых вопросов, которые не относятся к исключительной компетенции лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, является допустимой и не противоречит законодательству Российской Федерации.

Библиография

1. Глухов, Е.А. Военно-уставная судебная экспертиза — допустимое ли доказательство? / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2013. — № 2. — С. 55—88.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2021. — 816 с.

3. Новокшенов, Д.В. Судебная экспертиза при расследовании преступлений против военной службы: проблемные вопросы / Д.В. Новокшенов, О.А. Чабукиани // Правовые аспекты договорной и судебной-исковой работы в войсках национальной гвардии (теория и практика) : Сборник статей международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10—11 октября 2019 года. — Санкт-Петербург: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войска национальной гвардии Российской Федерации, 2019. — С. 77—81.

4. Ренер, Н.А. Современные проблемы назначения и проведения военно-уставных экспертиз / Н.А. Ренер, Н.С. Исаев // Материалы 3-й Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». — Москва: Проспект, 2011. — 253 с.

К понятию о «насильственном преступлении против военной службы»

© **Заказнова Алевтина Николаевна**,
старший преподаватель кафедры уголовного
права ФГКВООУ ВО «Военный университет имени
князя Александра Невского» Минобороны
России

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к определению понятий «насилие» и «насильственное преступление», предлагаемые отечественными и зарубежными представителями различных наук, в том числе правоведами. Автор также приводит собственный вариант определения понятия «насильственное преступление против военной службы», сформулированный на основании совокупности теоретического и эмпирического осмысления явления.

Ключевые слова: агрессия, насилие, насильственное преступление, армия, военная служба, военнослужащий.

To the concept of “violent crime against military service”

© **Zakaznova A.N.**,
senior lecturer of Department 29 (Criminal Law),
«Prince Alexander Nevsky Military University» of
the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. The article discusses various approaches to defining the concepts of “violence” and “violent crime”, proposed by domestic and foreign representatives of various sciences, including legal scholars. The author also provides her own version of the definition of the concept of “violent crime against military service,” formulated on the basis of a combination of theoretical and empirical understanding of the phenomenon.

Key words: aggression, violence, violent crime, army, military service, military personnel.

Фундаментом всех социальных явлений являются общественные отношения. Специальную группу в структуре общественных отношений составляют воинские общественные отношения, система которых складывается из совокупности служебных и бытовых отношений военнослужащих, а также боевой деятельности армии и флота. Военная служба как вид федеральной государственной службы порождает определенные взаимоотношения между военнослужащими, которые урегулированы нормами военного законодательства, приобретают форму воинских правоотношений, включающих юридически значимое поведение субъектов, их права и обязанности¹.

Правовую основу формирования нормальных взаимоотношений в каждом воинском коллективе составляют положения воинских уставов. Отступление от их требований является нарушением порядка воинских взаимоотношений. Наиболее опасные из этих деяний, совершаемые с применением насилия, криминализованы и предусмотрены тремя статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), которые и являются предметом исследования — ст. 333 «Сопrotивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы», ст. 334 «Насильственные действия в отношении начальника», ст. 335 «Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности». Помимо перечисленных составов гл. 33 УК РФ,

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 1. М.: Юр. лит., 1982. С. 146.

ответственность за нарушение указанных отношений со стороны начальников (командиров) в условиях военной службы предусмотрена ст. 286 УК РФ (данный состав не рассматривается в статье, так как находится вне гл. 33 УК РФ и формально не относится к преступлениям против военной службы, поскольку объектом данного преступления является осуществляемая в соответствии с законодательством деятельность государственного (муниципального) аппарата власти и управления).

Анализируя насильственные преступления, посягающие на установленный порядок прохождения военной службы, нельзя не уделить особое внимание общественной опасности этой группы преступлений. Теорией уголовного права признано, что общественная опасность — объективная категория, которая отражает существующую действительность, заключающуюся во вредном воздействии на жизнь общества, в противодействии его развитию. Согласимся с А.И. Санталовым, который отмечает: «деяние преступлением будет тогда, когда нарушит порядок общественных отношений, поэтому неизбежно включает в себя последствия в виде нарушенного порядка общественных отношений»¹.

Общественная опасность является определяющим социальным свойством преступления, его правовой оценкой. Все компоненты преступного деяния формируют его общественную опасность. При этом общественная опасность преступления находится в прямой зависимости от социальной ценности тех общественных отношений, на которые оно посягает, и выражается следующей формулой: «при прочих равных условиях общественная опасность тем выше, чем важнее и значимее общественное отношение, которое она нарушила»².

Общественная опасность насильственных преступлений против военной службы заключается в подрыве таких важных составляющих военной службы, как воинская дисциплина, внутренний порядок и принцип единоначалия. Кроме того, насильственные преступления против военной службы направлены на личность военнослужащего, препятствуют качественному исполнению военно-служебных обязанностей, что крайне негативно отражается на уровне боеготовности подразделений, воинских частей и соответственно на безопасности государства. Как справедливо заметил Чезаре Беккариа, «истинным мерилom преступлений является вред, наносимый ими обществу»³.

Наиболее распространенными преступлениями против военной службы, сопряженными с применением физического насилия, совершаемые военнослужащими в ходе исполнения ими служебных обязанностей, являются преступления, предусмотренные (по распространенности в структуре преступности против военной службы) ст. 333 УК РФ «Сопrotивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы», ст. 334 УК РФ «Насильственные действия в отношении начальника», ст. 335 УК РФ «Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности».

Общественная опасность насильственных преступлений против военной службы (ст. 333—335 УК РФ) состоит в том, что они затрудняют, а иногда делают невозможной нормальную служебную деятельность командиров (начальников) или других военнослужащих по выполнению возложенных на них обязанностей, подрывают их авторитет. При этом посягательство на установленный порядок воинских отношений носит открытый, вызывающий характер. Сопrotивление и принуждение сопровождаются насилием над личностью начальника или иного лица, исполняющего

¹ См.: Санталов А.И. Общественные отношения и преступления // Вестник Ленинградского университета. 1974. № 23. С. 129—130.

² См.: Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права : учеб. пособие. М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989. С. 39.

³ Беккариа Ч.О. Преступлениях и наказаниях. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 226.

обязанности военной службы, или угрозой такого насилия, что значительно повышает их общественную опасность. Последствиями применения насилия в условиях военной службы являются: причинение вреда здоровью военнослужащих различной степени тяжести, совершение военнослужащими самовольного оставления части или дезертирства, совершение суицида или суицидальной попытки¹, расправа над сослуживцами и т.д. В свою очередь, эти события вызывают широкий общественный резонанс в гражданском обществе (достаточно вспомнить печально известное уголовное дело рядового Шамсутдинова), потенциальные призывники боятся проходить военную службу из-за угрозы их здоровью и жизни, а деструктивные силы (иноагенты) используют эту информацию в своих целях для дестабилизации российского общества.

Применение различных видов насилия при совершении преступлений данной группы свидетельствует о посягательстве военнослужащего не только на воинский правопорядок, но и на жизнь, здоровье, честь и достоинство других военнослужащих. Поэтому борьба с этими преступлениями наряду с охраной установленного порядка несения военной службы имеет также целью защиту прав и свобод военнослужащих как человека и гражданина.

На первый взгляд, определить круг преступлений, относящихся к насильственным, не сложно, так как на уровне бытового сознания насильственная преступность включает в себя преступления, связанные с посягательствами на жизнь и здоровье личности. Однако единой точки зрения по этому вопросу нет. В УК РФ 1996 г. насчитывается более 55 статей, предусматривающих преступления, совершаемые насильственным способом, которые распределены в 6 разделах и 13 главах. При этом в разделе VII (Преступ-

ления против личности) объединены несколько глав, в которые включены насильственные преступления: гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья», гл. 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» и т.д. Раздел XI «Преступления против военной службы» также предусматривает преступления, совершенные с применением насилия (например, насильственные действия в отношении начальника и нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности). Поэтому необходимо проанализировать, что лежит в основе проявления насилия и дать определение данному понятию.

Агрессия и насилие были и остаются одним из самых нежелательных и пока неискоренимых феноменов человеческого общества. Проблемы насилия не ограничиваются рамками уголовного права и криминологии. Насилие изучается представителями многих наук: философии, социологии, психологии, медицины и т.д.

Теоретическое и экспериментальное изучение агрессии и насилия началось относительно недавно — в середине XX в., пик разработки теорий агрессии и насилия начался в 1960—70-е гг., когда были опубликованы труды выдающихся специалистов по этологии (К. Лоренца, Н. Тинбергена и др.) и бихевиоризму (А. Басса, А. Бандуры и др.), и продолжается до сих пор.

В педагогическом словаре агрессия определяется как «целенаправленное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам существования людей в обществе, причиняющее физический вред людям или вызывающее у них отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности»².

В свою очередь, в психологическом словаре агрессия — «мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам

¹ Заказнова А.Н. Место и роль неуставных взаимоотношений в механизме суицидального поведения военнослужащих // Сб. статей 15-й Междунар. научно-практич. конф. «Актуальные проблемы российского права на современном этапе». Пенза, 2017. С. 86—97.

² Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад. 3-е изд. М.: Дрофа : Большая Российская энциклопедия, 2009. С. 6.

нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт»¹.

В англоязычных словарях, в частности в «Вебстерском энциклопедическом словаре», предложено следующее определение агрессии: «Aggression: 1) the action of a state in violating by force the rights of another state, particularly its territorial rights; an unprovoked offensive, attack, invasion, or the like; 2) any offensive action or procedure; an in road or encroachment; 3) the practice of making assaults or attacks; offensive action in general; 4) psychol. Outwardly or inwardly directed, over for suppressed hostility either in hate or resulting from continued frustration («Агрессия: 1) действие государства, нарушающее силой права другого государства, в частности его территориальные права; неспровоцированное наступление, нападение, вторжение или тому подобное; 2) любое наступательное действие или процедура; вторжение или посягательство; 3) практика совершения нападений; наступательные действия в целом; 4) (психол.) внешне или внутренне направленная, открытая или подавленная враждебность, либо врожденная, либо являющаяся результатом продолжающегося разочарования». — *Перевод автора*). Здесь видим более широкое определение агрессии, затрагивающее действия как государства, так и отдельных лиц.

Агрессивность же традиционно определяется как «черта характера личности, устойчивая установка, позиция, готовность к свершению агрессивных действий»².

Ряд исследователей, не отрицая в понятии «агрессия» поведенческого момента и наличия ущерба или его угрозы, сосредоточили внимание не на внешней, а на ее внутренней, скрытой от прямого наблюдения стороне. В качестве примера можно привести определение, которое дал агрессии Л. Берковиц. Он под этой категорией

понимал «любую форму поведения, которая нацелена на то, чтобы причинить кому-то физический или психологический ущерб»³.

А.Х. Басс определяет агрессию как реакцию, посылающую болевые раздражители против другого организма: «reaction that sends hurtful stimule against another organism»⁴, и выделяет следующие пять видов агрессии⁵:

— физическая агрессия (физические действия против кого-либо);

— раздражение (вспыльчивость, грубость);

— вербальная агрессия (угрозы, крики, ругань и т.д.);

— косвенная агрессия, направленная (сплетни, злобные шутки) и ненаправленная (крики в толпе, топанье и т.д.);

— негативизм (оппозиционное поведение).

Э. Фромм, анализируя агрессию, ввел понятие «деструктивной личности» и «деструктивного характера», основной чертой которых признается страсть к разрушению⁶. Эти понятия используются в юридической конфликтологии: деструктивный тип личности — тип субъекта, склонного к развязыванию конфликта и усилению его вплоть до физического уничтожения или полного подавления противника. В психологии существует также термин «деструктивное общение», который трактуется весьма широко: это «формы и особенности контактов, которые пагубно сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения»⁷. К деструктивному общению относят не только агрессивно-

¹ Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М.: Прайм-Еврознак, 2003. С. 10.

² Налчаджян А. Агрессивность человека. СПб.: Питер, 2007. С. 24.

³ Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: ПраймЕврознак, 2002. С. 24.

⁴ Цит. по: Eibl-Eibesfeldt I. The Biology of Peace and War: Men, Animals and Aggression. N. Y. : The Viking Press, 1979. 294 p. P. 29.

⁵ Агрессия у детей и подростков : учебное пособие / Под ред. Н.М. Платоновой. СПб.: Речь, 2006.

⁶ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. С. 244.

⁷ Куницына В.Н. Межличностное общение : учеб. для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. СПб.: Питер, 2001. С. 271.

конфликтное и криминогенное общение, но и ложь, обман, манипулирование¹.

Мы согласны с Я.А. Волковой, что деструктивное общение в целом определяется через агрессию в коммуникации и представляет собой тип общения, направленного на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и осознанием собственного превосходства².

Из вышесказанного полагаем, что к преступлениям против военной службы с применением насилия термин «деструктивное общение» вполне может быть применен.

Личность в процессе своего становления и существования в обществе так или иначе постоянно соотносит свои действия, в том числе и агрессивные, с действиями других людей, сравнивает и оценивает их, тем самым вкладывая в них субъективный смысл (т.е. люди отвечают на вопрос, для чего они это делают). Этот процесс у человека как социального существа происходит только в прямом или косвенном взаимодействии с другими членами общества. Соответственно, объективно существуют два уровня человеческой агрессии: первый уровень является биологически обусловленным, врожденным, а второй следует отнести к исключительно человеческой форме агрессии, т.к. она формируется под влиянием социальных условий и носит характер социальных отношений.

Социальное взаимодействие, как правило, бывает конструктивным или неконструктивным. Наиболее известными формами неконструктивного социального взаимодействия и являются насилие и агрессия. Агрессию следует рассматривать как проявление эмоциональной реакции в результате выполнения каких-либо действий. При этом не всегда эти действия могут носить насильственный характер. Высшей

формой проявления агрессии являются гнев и ярость. Недовольство и раздражение могут быть показателем начала агрессии.

Как и в случае с агрессией, общепризнанного определения насилия до сих пор не выработано. Чаще всего исследователи под этим явлением понимают какую-либо сторону агрессии. Более того, во многих случаях эти два понятия употребляются как синонимы. К примеру, специалисты Всемирной организации здравоохранения фактически отождествляют агрессию и насилие, рассматривая последнюю как «преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб»³.

В рамках рассмотрения понятия «насилие» в юридическом смысле представляется возможным рассмотреть понятие насилия, которое дается представителями других наук.

По мнению профессора В.А. Ситарова, насилие — «это когда одна группа людей принуждает другую группу с целью приобрести или сохранить определенные выгоды и привилегии или завоевать господство (экономическое, политическое)»⁴. Автор также отмечает, что насилие является формой принуждения. Такая точка зрения представляется нам достаточно продуктивной для анализа насилия как способа достижения главенства в межличностных отношениях военнослужащих.

В свою очередь С.В. Ардашева считает насилие более узким понятием и полагает, что оно входит в понятие «агрессия»⁵.

¹ Волкова Я.А. Деструктивное общение: к определению понятия // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкозн. 2012. № 2 (16). С. 205—209.

² Там же.

³ Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Э.Г. Круга и др. М.: Весь Мир, 2003. С. 5.

⁴ Ситаров В.А. Дидактика : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В.А. Сластенина. 2-е изд., стереотип. М.: Академия, 2004. С. 162.

⁵ Ардашева С.В., Борозинец Н.М., Евмененко Е.В., Г.Ю. Козловская. Психолого-педагогические про-

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова термин «насилие» трактуется как «применение физической силы к кому-нибудь», «принудительное воздействие на кого-нибудь»¹. В этом толковании С.И. Ожегов делает акцент на наличие насильственных действий относительно другого человека. В качестве критерия ее осуществления выделяется более доступное для осознания наблюдателем нанесение внешнего физического ущерба жертве, но вот сущность подобного поведения самого агрессора остается вне поля зрения, что недостаточно раскрывает саму суть проблемы и порождает ряд новых вопросов. В этих определениях указывается как фактические, так и юридические признаки насилия. К фактическим признакам насилия необходимо отнести: 1) наличие объективных признаков, характеризующих внешнее его проявление (способ воздействия), 2) наличие субъективных признаков, которые характеризуют проявление воли лица, совершающего такое насильственное воздействие.

В.В. Лунеев справедливо предлагает положить в основу отнесения того или иного преступления к насильственному мотив, «поскольку для ориентированного на насильственное решение проблем субъекта наименование состава преступления, через который он реализует свои агрессивные установки, играет второстепенную роль»².

Иногда насилие соотносится с такой внутренней чертой человека, как жестокость, жестокое обращение. Например, криминолог Ю.М. Антонян видит в насилии «намеренное и осмысленное причинение другим мучений и страданий ради них самих или достижения других целей либо как угроза такого причинения»³.

О насилии стоит говорить лишь как о явлении социальной природы человека, биологического насилия не существует; в животном мире, живущем инстинктами, его просто нет, т.к. там нет сознательного уровня оценивания. Как замечал Л.Н. Толстой, насилие состоит в том, что «... одни люди могут силой заставить других людей жить по своей воле...»⁴.

Таким образом, существует значительное количество определений понятия «насилие». На наш взгляд, каждый насильственный акт является прямым следствием, выражением агрессивных намерений. Вероятно поэтому многие исследователи рассматривают их тождественными друг другу. Однако, несмотря на наличие тесной взаимосвязи между этими двумя понятиями, насилие имеет отличительные черты: насилие — это всегда отрицательно оцениваемое агрессивное действие, то есть оно расценивается в сообществе как нежелательное, незаконное, не соответствующее нормам морали. «В самом слове «насилие» уже скрывается отрицательная оценка: «насилие» есть деяние произвольное, необоснованное, возмутительное...» — с этим утверждением И.А. Ильина⁵ сложно не согласиться.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что насилие и агрессия — две составляющие одного явления человеческой жизни, существующие неразрывно друг от друга, как его биологическая (агрессия) и социальная (насилие) стороны.

Исходным для определения понятия насильственного преступления против военной службы является понятие криминального насилия. Несмотря на то, что ученые давно говорят о необходимости введения в оборот понятия «преступное насилие»⁶, законодатель до сих пор не дает

блемы насилия над детьми : учеб. метод. пос. Ставрополь, 2003. С. 56.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. С. 393.

² Лунеев В.В. Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. М., 1980. С. 54.

³ Антонян Ю. Психология убийства. М.: Юристъ, 1997. С. 14.

⁴ Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Высш. шк., 1993. С. 200.

⁵ Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. М.: ДАРЪ, 2005; Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 43.

⁶ Фролов М.Г. Насильственная преступность и культура / Под ред. А. И. Долговой // Преступность и культура. М.: Криминологическая ассоциация,

его легального определения, как и понятий «насилие», «физическое насилие», «психическое насилие», «угроза». Таким образом, этот вопрос так и остается одной из нерешенных проблем современного законодательства.

Исследователи не раз обращались и продолжают обращаться к данной проблеме. В юридической литературе имеется большое многообразие трактовок насилия¹.

В ряде случаев определения насилия в общих чертах повторяют определение преступления. Так, П.Н. Назаров указывает, что насилием в уголовно-правовом смысле должно признаваться волевое, общественно опасное, противоправное, виновное, с применением физической или психической силы деяние, посягающее на охраняемые законом общественные отношения и причиняющее им вред или ставящее их под угрозу².

С точки зрения уголовного права признак насилия выражен в общественной опасности, а соответственно, и в противоправности. В научной литературе, посвященной проблемам уголовного права, существует достаточно большое количество определений физического насилия, при этом в большинстве из них сделан упор на его внешнюю сторону.

Л.В. Сердюк понимает под насилием «внешнее, со стороны других лиц, виновное и общественно опасное воздействие на человека, осуществляемое помимо его воли и способное причинить ему органические, физиологические или психические травмы либо ограничить свободу его волеизъявления или действия»³.

Р.Д. Сабиров определяет насилие как умышленное воздействие на другое лицо путем использования физической силы людей или животных, а также технических

средств, поражающих факторов и свойств предметов материального мира либо различных явлений природы помимо или вопреки воле лица, подвергающегося такому воздействию, для нарушения его телесной неприкосновенности, анатомической целостности либо нормального функционирования какого-либо органа или угроза совершения подобных действий»⁴.

В.М. Лебедев рассматривает насилие как преступное воздействие одного человека на другого: «Данному воздействию подвергается как сам организм, сознание (психика), так и воля (поведение) человека. Поэтому факт насилия необходимо рассматривать с позиции как физического, так и психического воздействия, которое характеризуется способностью полностью подавлять или в значительной мере создавать ограничения волеизъявлению пострадавшего»⁵. Таким образом, по мнению В.М. Лебедева, под «насилием» понимают не только физическое, но и психическое воздействие одного человека на другого, преступно нарушающее его законное право на неприкосновенность, а также здоровье или жизнь. То есть насилие – это неправомерное применение физической силы, которое связано с причинением побоев, телесных повреждений или реальной угрозы применения, вне зависимости от наступления или не наступления вредоносных последствий и их характера. В соответствии с уголовным законодательством, «насилие» трактуется только с точки зрения «физического» насилия. Данная трактовка обусловлена буквальным толкованием, так как понятие «психическое насилие» в УК РФ отсутствует, вместо него используется словосочетание «угроза применения насилия». Физическое насилие принято считать более опасным, чем угрозу его применения. УК РФ наказуемым деянием признает исключительно угрозы убийством и причинения тяжкого вреда здоровью.

Все другие угрозы о применении насилия в отношении личности, если они не являются способом совершения другого преступления, не влекут за собой уголовного наказания.

1999. С. 47.

¹ См., напр.: Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. М.: Юрид. лит. 1969; Сабиров Р.А. Уголовно-правовая борьба с насильственными групповыми посягательствами : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1981 и др.

² Назаров П.Н. К вопросу о насилии при грабеже и разбое // Труды Киевской ВШ МООНСССР. Вып. 1. Киев, 1968. С. 91.

³ Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 2.

⁴ Сабиров Р.Д. Уголовно-правовая борьба с насильственными посягательствами групповыми посягательствами. С. 27—29.

⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. М. Лебедева. 5-е изд., доп. и испр. М.: Юрайт, 2005. С. 171.

Более точно юридическое определение физического насилия попытался сформулировать А.Н. Игнатов, указав, что насилие — «противоправное воздействие на организм потерпевшего, совершенное против его воли»¹. Анализируя это определение, согласимся с С.А. Степановым², что указание на противоправность реализует в нем формальный оттенок, при котором даже самое малозначительное действие необходимо будет относить к физическому насилию несмотря на то, что оно по своей степени не достигло того уровня общественной опасности, которое характеризует преступление (наступить на ногу, толкнуть). В связи с этим С.А. Степанов указывает на то, что физическое насилие в уголовно-правовом аспекте обязательно должно содержать признаки общественной опасности, а также умысла.

Рассматривая неправомерность насилия в условиях военной службы, необходимо отметить и то, что насилие военнослужащего по отношению к другому военнослужащему или иным лицам может осуществляться и правомерно. Военнослужащий имеет право на законных основаниях применять физическую силу, например, при пресечении совершения преступления, задержании лица, совершившего преступление, пресечения массовых беспорядков и т.д., что определяет ее применение как физическое насилие, но насилие санкционированное. Применение физической силы на занятиях при отработке приемов рукопашного боя, в ходе соревнований по различным единоборствам и т.д., в результате чего у лиц, на которых было направлено физическое воздействие, на теле могут возникнуть не только гематомы и ссадины, но и другие повреждения, не может определяться как применение

физического насилия, так как отсутствует существенный признак «против воли».

С.А. Степанов дополняет имеющееся определение насилия (данное И.А. Игнатовым) таким признаком, как «общественная опасность», и дает свое определение насилия, под которым предлагает понимать: совершенное лицом общественно опасное противоправное деяние, воздействующее на организм другого человека против его воли³. По нашему мнению, данное определение более полно отражает сущность насилия, но все же не совсем корректно. Автор определения употребил термин «деяние», который подразумевает действие и бездействие. Но, исходя из смысла слова «насилие», здесь более уместно употребить слово «действие» (воздействие), так как насилие — это акт агрессии, выраженный физически, и в реальности наносящий личности физический либо психический вред. Также в этом определении нет указания на преднамеренность совершаемых действий. Военнослужащий, осуществляющий физическое насилие против воли другого военнослужащего, желает совершать данные действия, ему не интересна воля пострадавшего. При этом он руководствуется самыми разными целями и мотивами, например, применяет физическое насилие в целях укрепления своего мнимого авторитета.

Таким образом, юридически значимыми признаками криминального насилия являются: противоправность и общественная опасность; умышленный характер; физическое воздействие на другого человека, осуществляемое вопреки его воле; опасность для жизни или здоровья в момент применения физического насилия, способность причинить физическую боль, вред здоровью различной степени тяжести или смерть.

Кроме того, применительно к насильственным преступлениям против военной службы, обязательным признаком этих преступлений является основной объект посягательства в виде порядка прохождения военной службы, объективная сторона

¹ Игнатов А.Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 65.

² Степанов С. А. Методика расследования преступлений против военной службы, сопряженных с применением физического насилия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. М., 2018. С. 29.

³ Там же.

в виде специфических условий совершения преступления, к которым относятся: совершение преступления во время исполнения виновным или потерпевшим обязанностей по военной службе; совершение преступления в связи с исполнением этих обязанностей либо проявление явного неуважения к воинскому коллективу, а также специальный субъект преступления — военнослужащий.

Таким образом, мы предлагаем сформулировать понятие насильственного преступления против военной службы как «посягающее на установленный порядок военной службы общественно опасное, противоправное, умышленное физическое воздействие одного военнослужащего на другого, вопреки его воле, причиняющее потерпевшему физическую боль, вред здоровью или смерть, а равно угроза применения такого воздействия, совершенное в связи с исполнением потерпевшим или виновным обязанностей по военной службе, во время исполнения кем-либо из них обязанностей по военной службе, либо в случае, когда такое воздействие связано с проявлением явного неуважения к воинскому коллективу».

Библиография

1. Eibl-Eibesfeldt, I. *The Biology of Peace and War: Men, Animals and Aggression*. — N.Y.: The Viking Press, 1979. 294 p.
2. *Агрессия у детей и подростков : учебное пособие* / Под ред. Н.М. Платоновой. — СПб.: Речь, 2006. — 336 с.
3. Алексеев, С.С. *Общая теория права : Курс в 2-х томах. Т. 1* / С.С. Алексеев. — Москва: Юр. лит., 1982.
4. Антонян, Ю.М. *Психология убийства* / Ю.М. Антонян. — Москва: Юрист, 1997. — 304 с.
5. Ардашева, С.В. *Психолого-педагогические проблемы насилия над детьми : учеб. метод. пос.* / С.В. Ардашева, Н.М. Борозинец, Е.В. Евмененко, Г.Ю. Козловская. — Ставрополь, 2003.
6. Беккариа, Ч.О. *Преступлениях и наказаниях* / Ч.О. Беккариа. — Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. — 464 с.
7. Берковиц, Л. *Агрессия: причины, последствия и контроль* / Л. Берковиц. — Санкт-Петербург: ПраймЕврознак, 2002. — 512 с.
8. Волкова, Я.А. *Деструктивное общение: к определению понятия* / Я.А. Волкова // *Вестник Волгоградского государственного университета*. —

Сер. 2, Языкознание. — 2012. — № 2 (16). — С. 205—209.

9. Заказнова, А.Н. Место и роль неуставных взаимоотношений в механизме суицидального поведения военнослужащих / А.Н. Заказнова // *Сб. статей 15-й Междунар. научно-практич. конф. «Актуальные проблемы российского права на современном этапе»*. — Пенза, 2017. — С. 86—97.

10. Игнатов, А.Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении / А.Н. Игнатов // *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России*. — 2016. — № 4.

11. Ильин, И.А. О сопротивлении злу силой / И.А. Ильин. — Москва: ДАРЪ, 2005. — 464 с.;

12. Камю, А. *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство* / А. Камю. — Москва: Политиздат, 1990. — 415 с.

13. Куницына, В.Н. *Межличностное общение : учеб. для вузов* / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. — Санкт-Петербург: Питер, 2001. — 544 с.

14. Лунеев, В.В. *Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика* / В.В. Лунеев. — Москва, 1980.

15. Ляпунов, Ю.И. *Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права : учеб. пособие* / Ю.И. Ляпунов. — Москва: ВЮЗШ МВД СССР, 1989.

16. Назаров, П.Н. *К вопросу о насилии при грабеже и разбое* / Н.П. Назаров // *Труды Киевской ВШ МООПСССР. Вып. 1*. — Киев, 1968.

17. Налчаджян, А. *Агрессивность человека* / А. Налчаджян. — СПб.: Питер, 2007. — 736 с.

18. *Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире* / Под ред. Э.Г. Круга и др. — Москва: Весь Мир, 2003. — 376 с.

19. Санталов, А.И. *Общественные отношения и преступления* / А.И. Санталов // *Вестник Ленинградского университета*. — 1974. — № 23. — С. 129—130.

20. Сердюк, Л.В. *Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки* : дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Сердюк. Москва, 1979.

21. Ситаров, В.А. *Дидактика : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений* / Под ред. В.А. Сластенина. 2-е изд., стереотип. — Москва: Академия, 2004. — 368 с.

22. Степанов, С.А. *Методика расследования преступлений против военной службы, сопряженных с применением физического насилия* : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / С.А. Степанов. — Москва, 2018. — 251 с.

23. Фролов, М.Г. *Насильственная преступность и культура* / Под ред. А.И. Долговой // *Преступность и культура*. — Москва: Криминологическая ассоциация, 1999.

24. Фромм, Э. *Анатомия человеческой деструктивности* / Э. Фромм. — М.: Республика, 1994. — 447 с.

О специальной уголовной ответственности участников добровольческих формирований за преступления против военной службы

© **Закомолдин Руслан Валериевич**,
кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму. НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

© **Данилов Петр Сергеевич**,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Аннотация. Статья посвящена одной из наиболее острых проблем — привлечение к уголовной ответственности за преступления против военной службы участников добровольческих формирований, выполняющих боевые задачи в особых условиях. Делается вывод о том, что добровольцев следует рассматривать в качестве специального субъекта преступлений против военной службы наравне с военнослужащими. Предлагается в главе 33 УК РФ предусмотреть соответствующее указание, распространив ее положения на участников добровольческих формирований, по аналогии с гражданами, пребывающими в запасе, в период прохождения ими военных сборов.

Ключевые слова: военно-уголовное законодательство, преступления против военной службы, специальный субъект, специальная военная операция, военное положение, военное время, условия вооруженного конфликта, ведение боевых действий, выполнение боевых задач, добровольцы, добровольческие формирования.

On the special criminal liability of members of volunteer formations for crimes against military service

© **Zakomoldin R.V.**,
candidate of law sciences, docent, researcher at the Department of scientific support for prosecutorial supervision and strengthening the rule of law in the field of federal security, interethnic relations and countering extremism of the Research Institute, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

© **Danilov P.S.**,
candidate of law sciences, senior lecturer at the department of criminal law and criminology of the faculty of law, Omsk State University after F.M. Dostoevsky, Omsk (Russia)

Abstract. The article is devoted to the problem of bringing to criminal liability for crimes against military service members of volunteer formations performing combat missions in special conditions. It is concluded that volunteers should be considered as a special subject of crimes against military service on an equal basis with military personnel. It is proposed to provide appropriate guidance in Chapter 33 of the

Criminal Code of the Russian Federation, extending its provisions to participants in volunteer formations, by analogy with citizens in the reserve during the period of their military training.

Keywords: military criminal law, crimes against military service, special subject, special military operation, martial law, wartime, conditions of armed conflict, conduct of hostilities, performance of combat missions, volunteers, volunteer formations.

Сегодня в условиях проведения специальной военной операции, введения частичной мобилизации¹ и режима военного положения на территории ряда субъектов Российской Федерации² состоялась своего рода мобилизация и милитаризация Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

Прежде всего, концептуальным шагом законодателя, определившим тенденцию дальнейшего развития, стало принятие Федерального закона от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым из УК РФ исключено положение о том, что «уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени» (ч. 3 ст. 331).

Соответственно, особые условия (время и обстановка) теперь влияют на уголовную ответственность либо как криминообразующие (ст. 352¹ УК РФ), либо как квалифицирующие и особо квалифицирующие (ст. 332—334, 337—342, 344, 346—348 УК РФ) признаки составов преступлений против военной службы. Указанным законом гл. 33 УК РФ также дополнена составом добровольной сдачи в плен — ст. 352¹ УК РФ. Изменения затронули и в целом уголовное законодательство: в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ включено соответствующее обстоятельство, отягчающее наказание за совершение любого преступ-

ления, предусмотренного УК РФ, — совершение преступления в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий³.

Активно проводится работа по толкованию военно-уголовного законодательства в целях формирования единообразной правоприменительной практики по делам о преступлениях против военной службы в новых условиях. Так, 18 мая 2023 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял Постановление № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», дав подробные актуальные разъяснения с учетом наработанной судебной практики и изменившегося военно-уголовного законодательства. Параллельно Судебной коллегией по делам военнослужащих готовится обзор судебной практики по преступлениям, совершаемым военнослужащими и иными лицами в особых условиях применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, вооруженных формирований и военизированных органов.

Вместе с тем работа по реформированию военно-уголовного законодательства продолжается на фоне изменяющихся объективных условий и трансформирующейся воинской преступности⁴.

Так, Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» закрепил институт освобожде-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей».

³ Подробнее см., напр.: Данилов П.С., Сенокосова Е.К. Новый период эволюции системы преступлений против военной службы // Юридические исследования. 2023. № 7. С. 54—70.

⁴ Подробнее об этом см.: Прудникова Л.Б., Шеншин В.М. Вопросы актуализации криминологической оценки воинских преступлений и воинской преступности в современных военно-политических условиях // Военное право. 2023. № 1(77). С. 181—187.

ния от уголовной ответственности и от наказания лиц, призываемых на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации, заключающих или уже заключивших контракт о прохождении военной службы либо проходящих военную службу в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, и снятия с них судимости. Безусловно, такое законодательное решение не бесспорно, как по форме, так и по содержанию. Данный закон заслуживает отдельного детального анализа. Отметим лишь, что, приняв такой специальный правовой акт, законодатель фактически вновь вернулся к тезису о наличии уголовного законодательства военного времени и, более того, реализовал его, поставив под сомнение положение ч. 1 ст. 1 УК РФ о том, что УК РФ является единственным источником уголовно-правового воздействия¹. Вместе с тем принятие такого решения было продиктовано сложившимися геополитическими условиями и стало закономерным продолжением принятых ранее руководством страны решений.

В новых условиях увеличивается круг категорий лиц, привлекаемых к прохождению военной службы. Это, безусловно, расширяет и круг лиц, нарушающих порядок ее прохождения, что требует адекватной ответной реакции государства, включая уголовно-правовое воздействие на таких лиц².

Так, остается открытым вопрос об уголовной ответственности добровольцев за преступления против военной службы,

который нами уже неоднократно ставился³.

Примеры решения данного вопроса можно встретить в зарубежном законодательстве, поскольку условия вооруженных конфликтов априори допускают появление такой категории лиц. Например, параграф 4 Военно-уголовного кодекса Норвегии 1902 г. к военнотружущим приравнивает добровольцев, поступающих на военную службу в ряды вооруженных сил⁴.

По российскому законодательству добровольцами являются граждане Российской Федерации, поступившие в добровольческие формирования, создаваемые государством для выполнения отдельных задач в области обороны, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за

¹ Антонова Е.Ю. Особенности уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: новый вектор уголовно-правовой политики или уголовное законодательство военного времени? // Искусство правоведения. 2023. № 3(7). С. 37—42.

² См. напр.: Данилов П.С. Субъект преступлений против военной службы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 2. С. 190—192; Меркурьев В.В., Агапов П.В., Закомолдин Р.В. Об уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу в порядке мобилизации // Военно-юридический журнал. 2023. № 1. С. 5—8.

³ Закомолдин Р.В. К вопросу о субъекте преступлений против военной службы // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения) : сб. меатер. III Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 23—24 марта 2023 г.) / науч. ред. В.В. Меркурьев, Ю.А. Тимошенко; [сост. М.В. Ульянов, Р.В. Закомолдин]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, Рос. криминолог. ассоц. М., 2023. С. 293—299; Закомолдин Р.В. О тенденциях действующего военно-уголовного законодательства и практики его применения // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (к 100-летию со дня рождения Г.М. Миньковского): сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Победкин А.В., Титушкина Е.Ю., Лелетова М.В., Ищук Я.Г., Моргун Д.О., Саркисян Г.Г. М.: Акад. упр-я МВД России, 2023. С. 162—166; Закомолдин Р.В. Уголовно-правовая охрана и обеспечение военной безопасности // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами: сб. тр. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. в рамках III Саратов. юрид. форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России» (9 июня 2023 г.) / под общ. ред. А.Г. Блинова, Е.В. Кобзевой, Н.С. Мановой. Саратов: Изд. СГЮА, 2023. С. 140—148.

⁴ Военно-уголовный кодекс Норвегии 1902 г. // <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1902-05-22-13> (дата обращения: 27.01.2024).

пределами территории Российской Федерации. Такие граждане должны соответствовать определенным требованиям и заключить соответствующий контракт с Министерством обороны России. При соблюдении перечисленных условий на данных граждан в период их пребывания в добровольческом формировании распространяется статус военнослужащих (п. 10 ст. 22¹ Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»). Порядок поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них детально регламентируется специальным приказом Министра обороны России¹.

Добровольческие формирования обеспечиваются вооружением, военной техникой и иными материально-техническими средствами, привлекаются к выполнению боевых задач. Безусловно, добровольцы могут совершить и деяния, содержащие признаки составов преступлений против военной службы. Однако уголовная ответственность для таких лиц в гл. 33 УК прямо не предусмотрена, что, как представляется, является пробелом.

Указанное подтверждается тем, что в ноябре 2023 г. в Госдуму внесен законопроект № 482168-8 «О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части уточнения ответственности за преступления против военной службы), которым предложено ряд положений гл. 33 УК РФ распространить на граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, тем самым устранив законодательный пробел.

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 15 февраля 2023 г. № 67 «Об определении порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, а также порядка заключения контракта гражданами Российской Федерации о пребывании в добровольческом формировании и типовой формы контракта».

В целом идея указанного законопроекта, несомненно, является справедливой, его общая концепция заслуживает поддержки, поскольку он предполагает устранение законодательной неопределенности. Однако некоторые положения законопроекта заслуживают критики. Так:

1) предлагается перечневый подход в определении круга составов преступлений против военной службы, субъектами которых признаются добровольцы. Предполагается, что они могут совершить только отдельные преступления против военной службы. Между тем граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения военных сборов также могут совершить не любое преступление против военной службы ввиду особенностей прохождения военных сборов и своего статуса². Однако для них соответствующего перечня в ст. 331 УК РФ не установлено. На это указывает и Верховный Суд Российской Федерации в своем официальном отзыве, размещенном вместе с законопроектом, разъясняя, что «вопрос о субъекте определенного преступления против военной службы разрешается с учетом особенностей регламентации признаков состава этого преступления в уголовном законе и взаимосвязанных нормативных правовых актах, регулирующих общественные отношения в области обороны, воинской обязанности и военной службы»;

2) предлагается определить, как термины «военная служба», «воинская часть» и «место службы» трансформируются относительно особенностей статуса добровольцев. Очевидно, что раскрытие содержания данных терминов не относится к предмету правового регулирования УК РФ, содержащего преимущественно бланкетные нормы в гл. 33;

3) в ст. 331 УК РФ устанавливаются специальные положения о применении к гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, отдельных наказаний. Полагаем, что систематизация УК РФ предполагает отнесение данных норм к гл.

² Данилов П.С. Субъект преступлений против военной службы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 2. С. 191.

9 «Понятие и цели наказания. Виды наказаний»;

4) регулирующие общественные отношения нормы предлагается внести в примечание к ст. 331 УК РФ. Однако такое юридико-техническое решение необоснованно. Примечание к статье УК РФ, как представляется, не должно содержать правового регулирования такого особенного вопроса и противоречить логике построения ст. 331 УК РФ.

Вместе с тем решать вопрос об уголовной ответственности граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, необходимо. Как верно указывают Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова и С.Л. Богданов, названную проблему «необходимо урегулировать именно путем внесения соответствующих изменений в законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации»¹. Однако авторы не дают конкретного решения.

Представляется, что нужно исходить из содержания статуса добровольцев, установленного военным законодательством. А именно, п. 3, 10 ст. 22¹ Федерального закона «Об обороне» наделяют их своим особенным правовым положением, устанавливая, что статус военнослужащих лишь распространяется на них в отдельных случаях, а также допускают одновременную службу в одном формировании как добровольцев, так и военнослужащих. При этом в подп. 4 п. 7 этой статьи закреплено, что лицо подлежит исключению из добровольческого формирования в связи с поступлением на военную службу, то есть один статус исключает другой. В то же время п. 20 Порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 15 февраля 2023 г. № 67, предусматривает случаи, когда доброволец считается «исполняющим обязанности по контракту

о пребывании в добровольческом формировании, например, при участии в боевых действиях, исполнении должностных обязанностей, выполнении приказов, нахождении в расположении добровольческого формирования, следовании к месту выполнения задач и т.д.».

Схожая логика правового регулирования заложена в основу установления статуса граждан, пребывающих в запасе, проходящих военные сборы. Так, п. 5 ст. 54 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» устанавливает для граждан, призванных на военные сборы, особый правовой статус. Кроме того, военное законодательство прямо устанавливает, что в отдельных случаях на таких граждан распространяется статус военнослужащих, и они при прохождении военных сборов исполняют обязанности военной службы (п. 15, 27 Положения о проведении военных сборов, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2006 г. № 333).

Это не значит, что граждане-добровольцы и граждане во время прохождения военных сборов имеют аналогичный статус (они являются разными категориями лиц), а полагаем, что в основу правового регулирования их статусов положена схожая логика построения правовых норм, хоть и добровольцы при исполнении обязанностей все же признаются теми, кто исполняет не обязанности военной службы, а обязанности по контракту о пребывании в добровольческом формировании, что можно признать правовой коллизией. По сути, добровольцы и военнослужащие исполняют одни и те же обязанности в условиях боевых действий и в иной подобной обстановке.

Представляется, что продолжение логики законодателя, а также предположение, что добровольцы путем неисполнения своих обязанностей нарушают условия своего контракта и дестабилизируют общественные отношения, складывающиеся на военной службе², позволяют прийти к

¹ Кириченко Н.С., Александрова Н.Г., Богданов С.Л. Юридическая ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях // Военное право. 2024. № 1(83). С. 55.

² Закомолдин Р.В., Данилов П.С. Воинская обязанность как объект уголовно-правовой охраны и пре-

выводу о допустимости признания их специальными субъектами преступлений против военной службы.

В частности, законодателю следует ч. 1 ст. 331 УК РФ дополнить словами «гражданами, пребывающими в добровольческих формированиях, при исполнении возложенных на них обязанностей», что позволит устранить правовые коллизии и решить проблему наличия правового пробела в вопросе уголовной ответственности добровольцев за преступления против военной службы.

Библиография

1. Антонова, Е.Ю. Особенности уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: новый вектор уголовно-правовой политики или уголовное законодательство военного времени? / Е.Ю. Антонова // Искусство правоведения. — 2023. — № 3(7). — С. 37—42.
2. Данилов, П.С. Новый период эволюции системы преступлений против военной службы / П.С. Данилов, Е.К. Сенокосова // Юридические исследования. — 2023. — № 7. — С. 54—70.
3. Данилов, П.С. Субъект преступлений против военной службы / П.С. Данилов // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2017. — № 2. — С. 190—192.
4. Закомолдин, Р.В. Воинская обязанность как объект уголовно-правовой охраны и преступных посягательств / Р.В. Закомолдин, П.С. Данилов // Искусство правоведения. — 2023. — № 3(7). — С. 49—56.
5. Закомолдин, Р.В. К вопросу о субъекте преступлений против военной службы / Р.В. Закомолдин // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения) : сб. материалов. III Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 23—24 марта 2023 г.) / науч. ред. В.В. Меркурьев, Ю.А. Тимошенко; [сост. М.В. Ульянов, Р.В. Закомолдин]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, Рос. криминолог. ассоц. — М., 2023. — С. 293—299.
6. Закомолдин, Р.В. О тенденциях действующего военно-уголовного законодательства и практики его применения / Р.В. Закомолдин // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (к 100-летию со дня рождения Г.М. Миньковского) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Победкин А.В., Титушкина Е.Ю., Лелетова М.В., Ищук Я.Г., Моргун Д.О., Саркисян Г.Г. — М.: Акад. упр-я МВД России, 2023. — С. 162—166.
7. Закомолдин, Р.В. Уголовно-правовая охрана и обеспечение военной безопасности / Р.В. Закомолдин // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами : сб. тр. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. в рамках III Сарат. юрид. форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России» (9 июня 2023 г.) / под общ. ред. А.Г. Блинова, Е.В. Кобзевой, Н.С. Мановой. — Саратов: Изд. СГЮА, 2023. — С. 140—148.
8. Кириченко, Н.С. Юридическая ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях / Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова, С.Л. Богданов // Военное право. — 2024. — № 1(83). — С. 49—56.
9. Меркурьев, В.В. Об уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу в порядке мобилизации / В.В. Меркурьев, П.В. Агапов, Р.В. Закомолдин // Военно-юридический журнал. — 2023. — № 1. — С. 5—8.
10. Прудникова, Л.Б. Вопросы актуализации криминологической оценки воинских преступлений и воинской преступности в современных военно-политических условиях / Л.Б. Прудникова, В.М. Шеншин // Военное право. — 2023. — № 1(77). — С. 181—187.

О праве государства на уголовное наказание по материалам военно-судебной практики

© Зюбанов Юрий Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент, профессор
Военного университета;

© Харитонов Станислав Станиславович,

кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. Статья посвящена отдельным аспектам назначения военными судами уголовного наказания лицам, признанным виновными в совершении преступлений.

Ключевые слова: судебная практика военных судов, назначение наказания, уголовная ответственность военнослужащих.

On the state's right to criminal punishment based on materials from military judicial practice

© Zyubanov Yu.A.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Military University

© Kharitonov S.S.,

Candidate of Legal Sciences, Professor

Abstract. The article is devoted to certain aspects of the imposition of criminal punishment by military courts on persons found guilty of committing crimes.

Key words: judicial practice of military courts, sentencing, criminal liability of military personnel

Благородный человек предъявляет требования к себе,
низкий человек предъявляет требования к другим.

Конфуций

В Уголовном законе указано (ч. 1 ст. 60 УК РФ), что лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей частью статьи Особенной части УК РФ, и с учетом положений Общей части УК РФ. При назначении наказания в силу ч. 3 ст. 60 УК РФ учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Отметим, что различным вопросам назначения уголовного наказания посвя-

щены публикации многих военных юристов¹.

¹ См., например : Раков А.В. Применение военными судами уголовных наказаний в отношении военнослужащих : автореф. Дис. ... канд. юрид. наук. М. 2004; Власов С.Ю., Харитонов С.С. О некоторых аспектах практики применения уголовного наказания военными судами // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 168—172; Заказнова А.Н., Моргуленко Е.А. Особенности детерминации насильственных преступлений против военной службы в условиях боевых действий // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7 (182). С. 250—255; Мозговой О.А. Использование опыта деятельности военного следователя в условиях вооруженного конфликта для оптимизации военно-уголовного законодательства и в учебном процессе // Военное право. 2018. № 3 (49). С. 177—183; Назаров А.А., Харитонов С.С. Обоснованность назначения военными судами уголовного наказания: материалы судебной практики // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 193—198;

Важное значение в формировании единого понимания сущности правовых предписаний, их разъяснения и толкования о назначении наказания отведено Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», а применительно к военнослужащим — Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

С учетом разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и обобщений судебной практики военные суды в основном правильно применяют уголовный закон в части назначения наказания. Между тем в ходе рассмотрения военными судами уголовных дел периодически возникают ситуации, требующие комплексного подхода к решению вопроса о наказании виновного в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Иллюстрация судебных решений по назначению наказаний военнослужащим это подтверждает.

1. Если наряду с обстоятельствами, указанными в ч. 1 ст. 62 УК РФ, суд устанавливает наличие других смягчающих обстоятельств, наказание должно назначаться

с учетом всех смягчающих обстоятельств.

По приговору гарнизонного военного суда от 22 марта 2010 г. А. наряду с осуждением его за другие преступления признан виновным в убийстве и осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к лишению свободы на срок 12 лет.

Постановлением президиума Северо-Кавказского окружного военного суда от 7 сентября 2010 г. по результатам рассмотрения надзорного представления военного прокурора Северо-Кавказского военного округа наказание осужденному по ч. 1 ст. 105 УК РФ назначено с учетом положений ч. 1 ст. 62 УК РФ на срок 10 лет, в связи с признанием судом наличия смягчающего наказания обстоятельства, предусмотренного пунктом «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ (явка с повинной и активное содействие расследованию преступления).

В кассационной жалобе А. просил снизить размер наказания, назначенного ему за данное преступление, ссылаясь на то, что судом надзорной инстанции при назначении ему наказания по ч. 1 ст. 105 УК РФ не учтено наличие по делу иных обстоятельств, смягчающих наказание.

Изменяя принятые по делу судебные акты суд кассационной инстанции указал следующее.

На основании положений ст. 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ и с учетом положений Общей части УК РФ. При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

В соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пп. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее

Лобов Я.В., Шарапов С.Н. Исполнение наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части (научно-практический комментарий к главе 20 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 3 (165). С. 108—116; Моргуленко Е.А., Харитонов С.С. Стоящие на повестке дня проблемы военно-судебной практики назначения уголовного наказания // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 9 (302). С. 43—49; Смирнов Д.В., Сотникова В.В. Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 2832 УК РФ // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 199—208; Харитонов В.С. О возможностях проявления вигилантизма в армии: нормативный и криминологический аспект // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 11 (316). С. 126—128, и др.

строного вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Часть 1 ст. 105 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет.

Как видно из материалов дела, президиум окружного военного суда, изменяя приговор на основании надзорного представления прокурора, признал наличие по делу смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, в связи с чем применил в отношении А. положения ч. 1 ст. 62 УК РФ и назначил осужденному по ч. 1 ст. 105 УК РФ лишение свободы на максимально возможный срок в 10 лет (2/3 от 15 лет).

Таким образом, президиум окружного военного суда назначил А. наказание только по правилам ч. 1 ст. 62 УК РФ без учета других смягчающих наказание обстоятельств, установленных судом первой инстанции (наличие на иждивении малолетнего ребенка, воспитание без родителей) и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств.

Данный вывод согласуется и с разъяснением Пленума Верховного Суда Российской Федерации, приведенным в п. 36 Постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», согласно которому если наряду с обстоятельствами, указанными в ч. 1 ст. 62 УК РФ, суд установит наличие других смягчающих обстоятельств, наказание должно назначаться с учетом всех смягчающих обстоятельств.

В связи с изложенным кассационный военный суд снизил размер назначенного А. наказания за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, а также срок окончательного наказания по совокупности преступлений.¹

2. В случае, если на день вступления в силу акта об амнистии обвинительный приговор, которым подтвержден факт совершения осужденным новых преступлений в период испытательного срока, установленного предыдущим приговором, не вступил в законную силу, то основания для назначения наказания по правилам ст. 70 УК РФ отсутствуют.

По приговору гарнизонного военного суда П. ранее осужденный районным судом 5 декабря 2011 г. по ч. 1 ст. 159 УК РФ, ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 159 УК РФ к лишению свободы на срок 2 года условно с испытательным сроком 3 года, осужден к лишению свободы по ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ на срок 7 лет.

При этом суд отменил П. условное осуждение по приговору районного суда и окончательное наказание осужденному назначил в соответствии с ч. 1 ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров в виде лишения свободы на срок 8 лет в исправительной колонии общего режима.

Кассационный военный суд, проверив уголовное дело по кассационной жалобе П. в полном объеме, изменил приговор, указав следующее.

Как установлено гарнизонным военным судом, преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 159 УК РФ, П. совершено с 19 сентября 2013 г. по 5 июня 2017 г., то есть преступные действия осужденным начаты в период испытательного срока, установленного указанным выше приговором районного суда.

При вынесении приговора по данному делу гарнизонный военный суд, ссылаясь на ч. 5 ст. 74 УК РФ, отменил П. условное осуждение по приговору районного суда и назначил осужденному окончательное наказание на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров.

Между тем судами обеих инстанций оставлено без внимания, что согласно положениям п. 4 и подп. 6 п. 13 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» условно осужденные подле-

¹ См.: Обзор судебной практики кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях за 1-е полугодие 2023 года, утвержденный Президиумом кассационного военного суда 24 августа 2023 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=31 (дата обращения 04.03.2024).

жали освобождению от наказания, если они не являлись злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания.

Преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 159 УК РФ, за которые П. осужден приговором районного суда, не входят в перечень преступлений, на которые не распространяются действие данного Постановления (подп. 2 п. 13 Постановления).

В соответствии с подп. 5 п. 19 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24 апреля 2015 г. № 6578-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 года № 6576-6 ГД "Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов"» злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания при применении акта об амнистии следует считать осужденных, совершивших умышленные преступления в течение установленного судом испытательного срока.

При этом по смыслу указанного подпункта факт совершения осужденным нового умышленного преступления в течение установленного судом испытательного срока должен подтверждаться на день вступления в силу акта об амнистии — 24 апреля 2015 г. — постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию либо вступившим в законную силу итоговым судебным решением (постановлением о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию или обвинительным приговором). При отсутствии на указанный день таких процессуальных документов акт об амнистии подлежит применению (п. 45 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 7 апреля 2021 г.).

Поэтому П. на основании акта амнистии подлежал освобождению от наказания, назначенного ему приговором районного суда, и оснований для отмены ему

условного осуждения при постановлении приговора по настоящему уголовному делу у гарнизонного военного суда не имелось. Также суд не вправе был указывать в приговоре на наличие у осужденного судимости.

С учетом изложенного, кассационный военный суд исключил из судебных актов указание на наличие у П. судимости по приговору районного суда, а также указание на отмену в соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ П. условного осуждения по этому же приговору и назначение ему наказания по совокупности приговоров¹.

3. При назначении наказания по статьям уголовного закона, предусматривающим возможность применения дополнительных наказаний по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания их применения с приведением соответствующих мотивов.

Приговором гарнизонного военного суда К. осужден по ч. 2 ст. 350 УК РФ за нарушение правил вождения специальной машины, повлекшее по неосторожности смерть человека, к лишению свободы на срок 2 года с лишением права заниматься деятельностью, связанной с вождением, эксплуатацией транспортных средств, боевых и специальных машин в течение двух лет.

В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное наказание в виде лишения свободы суд постановил считать условным с испытательным сроком 2 года.

В апелляционном порядке приговор не обжаловался.

Кассационный военный суд изменил приговор по следующим основаниям.

Согласно п. 4 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания.

¹ См.: Обзор судебной практики кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях за 1-е полугодие 2023 года, утвержденный Президиумом кассационного военного суда 24 августа 2023 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=31 (дата обращения 04.03.2024).

В соответствии с п. 59 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» при назначении наказания по статьям уголовного закона, предусматривающим возможность применения дополнительных наказаний по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания их применения с приведением соответствующих мотивов.

Санкция ч. 2 ст. 350 УК РФ предусматривает дополнительное наказание в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с вождением, эксплуатацией транспортных средств, боевых и специальных машин, которое не является обязательным и может быть применено по усмотрению суда.

Вместе с тем, назначив К. данное дополнительное наказание, суд вопреки приведенным выше положениям закона мотивы принятого решения в описательно-мотивировочной части приговора не привел.

В связи с изложенным суд кассационной инстанции исключил назначение осужденному дополнительного наказания, предусмотренного ч. 2 ст. 350 УК РФ¹.

4. Лицам, осужденным за преступления, совершенные в состоянии вменяемости, но нуждающимся в лечении психических расстройств, не исключающих вменяемости, суд наряду с наказанием может назначить принудительную меру медицинского характера. При этом психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания.

По приговору гарнизонного военного суда К. осужден по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ к лишению свободы на срок 13 лет в исправительной колонии строгого режима.

Из положений ч. 2 ст. 99 УК РФ и п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» следует, что принудительные меры медицинского характера могут быть применены судом к лицу, совершившему преступление и страдающему психическим расстройством, не исключающим вменяемости, но нуждающемуся в лечении психического расстройства. Такому лицу наряду с наказанием суд может назначить принудительную меру медицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра (ч. 2 ст. 99 УК РФ). Решение об этом должно содержаться в резолютивной части приговора.

Согласно имеющемуся в материалах дела заключению экспертов К. представляет общественную опасность и нуждается в применении к нему принудительных мер медицинского характера, предусмотренных п. «д» ч. 1 ст. 97 и ч. 2 ст. 99 УК РФ.

Поскольку указанные обстоятельства при постановлении приговора учтены не были, рассматривая дело в апелляционном порядке окружной военный суд посчитал необходимым назначить осужденному принудительную меру медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях по месту отбывания наказания.

Кроме того, в силу ч. 2 ст. 22 УК РФ психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания.

Поскольку выявленное у К. психическое расстройство не было учтено судом при назначении наказания, то судебная коллегия по уголовным делам окружного военного суда посчитала необходимым учесть это обстоятельство, смягчив назначенное наказание в виде лишения свободы (См.: *Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2023 г., утвержденный постановлением президиума Южного окружного военного суда 14 июля 2023 г. № 17 URL:*

¹ См.: Обзор судебной практики кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях за 1-е полугодие 2023 года, утвержденный Президиумом кассационного военного суда 24 августа 2023 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=31 (дата обращения 04.03.2024).

http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=319 (дата обращения 06.03.2024).

Библиография

Власов, С.Ю. О некоторых аспектах практики применения уголовного наказания военными судами / С.Ю. Власов, С. С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 2 (78). — С. 168—172.

Заказнова, А.Н. Особенности детерминации насильственных преступлений против военной службы в условиях боевых действий / А.Н. Заказнова, Е.А. Моргуленко // Евразийский юридический журнал. — 2023. — № 7 (182). — С. 250—255.

Мозговой, О.А. Использование опыта деятельности военного следователя в условиях вооруженного конфликта для оптимизации военно-уголовного законодательства и в учебном процессе / О.А. Мозговой // Военное право. — 2018. — № 3 (49). — С. 177—183.

Лобов, Я.В. Исполнение наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части (научно-практический комментарий к главе 20 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) / Я.В. Лобов, С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 3 (165). — С. 108—116.

Моргуленко, Е.А. Стоящие на повестке дня проблемы военно-судебной практики назначения уголовного наказания / Е.А. Моргуленко, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 9 (302). — С. 43—49.

Назаров, А.А. Обоснованность назначения военными судами уголовного наказания: материалы судебной практики / А.А. Назаров, С.С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 4 (80). — С. 193—198.

Раков, А.В. Применение военными судами уголовных наказаний в отношении военнослужащих : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Раков Андрей Владимирович. — Москва, 2004. — 26 с.

Смирнов, Д.В. Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 283² УК РФ / Д. В. Смирнов, В. В. Сотникова // Военное право. — 2023. — № 3 (79). — С. 199—208.

Харитонов, В.С. О возможностях проявления вигилантизма в армии: нормативный и криминологический аспект / В. С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 11 (316). — С. 126—128.

Об ужесточении уголовной ответственности за преступления против безопасности Российской Федерации

© Кириченко Николай Сергеевич,

кандидат юридических наук, юрист

© Александрова Наталья Геннадиевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
кадрового, правового и психологического обес-
печения Академии Государственной противопо-
жарной службы МЧС России

Аннотация. В статье изложен краткий обзор изменений, внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации, заключающихся в дополнении его положениями, предусматривающими ужесточение уголовной ответственности (дополнение наказания механизмом, предусматривающим конфискацию денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для их финансирования, а также лишением специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград) за совершение преступных деяний диверсионной направленности и направленных против безопасности Российской Федерации. Указанные изменения обусловлены активизацией противоправной деятельности лиц из числа вооруженных сил Украины и их сторонников, в том числе в виде финансирования указанной деятельности в целях вовлечения в нее различных других лиц. Такие изменения приобрели наибольшую актуальность в условиях проведения специальной военной операции.

Ключевые слова: военная служба, уголовный кодекс, уголовная ответственность, специальная военная операция, оборона, безопасность.

On tightening criminal liability for crimes against the security of the Russian Federation

© Kirichenko N. S.,

Lawyer, Candidate of Legal Sciences

© Alexandrova N.G.,

Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Personnel, Legal and Psychological
Support of the Academy of the State Fire Service of
the Ministry of Emergency Situations of Russia

Abstract: the article provides a brief overview of the changes made to the Criminal Code of the Russian Federation, consisting in supplementing it with provisions providing for tougher criminal liability (supplementing punishment with a mechanism providing for the confiscation of money, valuables and other property used or intended for their financing, as well as the deprivation of a special, military or honorary title, class rank and state awards) for committing criminal acts against the security of the Russian Federation. These changes are due to the intensification of illegal activities of persons from among the armed forces of Ukraine and their supporters, including in the form of financing of these activities in order to involve various other persons in it. Such changes have become most relevant in the context of a special military operation.

Keywords: military service, criminal code, criminal liability, special military operation, defense, security.

Сложившаяся в настоящее время геополитическая обстановка в мире, а также проведение Российской Федерацией специальной военной операции все более ак-

туализирует вопрос усиления безопасности населения нашего государства. Указанное направление также включает в себя необходимость ужесточения уголовной ответ-

ственности за совершение преступлений, направленных против безопасности Российской Федерации, путем внесения соответствующих изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации.

Указанный вопрос также был предметом рассмотрения других научных работ российских ученых в области военного права¹.

Все больше и больше действия националистов из числа вооруженных сил Украины похожи на деятельность террористических организаций, они все чаще совершают различные диверсии на территории нашей страны. При этом они пытаются вовлечь в указанную преступную деятельность других граждан, в том числе проживающих в России, путем подкупа и другими незаконными способами.

Учитывая данные обстоятельства, Федеральным законом от 14 февраля 2024 г. № 11-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УК РФ были внесены, направленные на ужесточение уголовной ответственности за ряд преступлений, направленных против безопасности Российской Федерации.

1. Федеральным законом предусматривается возможность по решению суда применить дополнительное уголовное наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания и государственных наград в отношении лиц, совершивших преступления против безопасности Российской Федерации, в том числе

предусмотренные ст. 207.3 (распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации), 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), 280.1 (публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение целостности Российской Федерации), 280.3 (публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил Российской Федерации), 280.4 (публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности), 284.2 (призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и граждан Российской Федерации), 284.3 (оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов) и 354.1 (реабилитация нацизма) УК РФ.

2. Одновременно устанавливается повышенная уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, когда они совершаются из корыстных побуждений или по найму, а также по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Так, ст. 104.1 (конфискация имущества) дополнена составами преступлений, за которые на основании обвинительного приговора может быть осуществлено принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства имущества. К ним относятся 207.3 (публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации) и ст. 280.4 (публичные

¹ См. напр.: Корякин В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Военное право. 2022. № 2 (72). С. 30—34; Харитонов С.С., Воробьев А.Г. Практические аспекты квалификации преступлений по материалам практики военных судов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 3 (296). С. 61—77; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Обзор некоторых изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, обусловленных проведением специальной военной операции // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 183—187; Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Правовые основания проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 22—32.

призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства), если указанные преступления совершены из корыстных побуждений.

Кроме этого, конфискация также предусматривается за деятельность, направленную против безопасности Российской Федерации, под которой, согласно дополненному в ст. 104.1 примечанию, понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями: 189 (незаконный экспорт из Российской Федерации или передача товаров или технологий, вооружения или военной техники, незаконное выполнение работ либо незаконное оказание услуг, в отношении которых установлен экспортный контроль), 200.1 (контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов), 209 (бандитизм), 210 (организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)), 222 (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов), 222.1. (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств), 222.2. (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему), 223 (незаконное изготовление оружия), 223.1 (незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконное изготовление, переделка или ремонт взрывных устройств), 226 (хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств), 226.1 (контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, иного вооружения, иной военной техники, а также сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации или результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техни-

ки, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов), 229.1 (контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ), 274.1 (неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации), 275 (государственная измена), 275.1 (сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией), 276 (шпионаж), 281 (диверсия), 281.1 (содействие диверсионной деятельности), 281.2 (прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности), 281.3 (организация диверсионного сообщества и участие в нем), 283 (разглашение государственной тайны), 283.1 (незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну), 284.1 (осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности), 284.3 (оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов), 290 (получение взятки), 291 (дача взятки), 322 (незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации), 322.1 (организация незаконной миграции), 323 (противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации), 332 (неисполнение приказа), 338 (дезертирство), 355 (разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения), 356 (применение запрещенных средств и методов ведения войны), 357 (геноцид), 359 (наемничество) УК РФ.

Необходимо обратить внимание, что идентичное примечание содержалось в ст. 280.4 (публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства), в котором были перечислены преступные деяния, относящиеся к деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации. При этом очередным изменением данное примечание в ст. 280.4 приобретает отсылочный характер, перенаправляя к примечанию ст. 104.1 УК РФ. Это сделано, чтобы исключить излишнее дублирование идентичных примечаний.

3. Следующее изменение заключается в дополнении ч. 2 ст. 280.4 (публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства) квалифицирующими признаками в виде совершения деяния из корыстных побуждений или по найму (подп. «г») и по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (подп. «д»).

Таким образом, законодатель предусмотрел дополнительные виды наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания и государственных наград, а также конфискации определенных видов имущества, в отношении лиц, совершивших преступления против безопасности Российской Федерации, что, конечно, является обоснованной мерой.

Реализация указанного Федерального закона, прежде всего, направлена на повышение эффективности защиты национальных интересов Российской Федерации, упреждение и пресечение преступной деятельности, осуществляемой в целях подрыва основ конституционного строя, на повышение эффективности его уголовно-правовой охраны, обороноспособности страны и безопасности государства.

Важно отметить, что сравнительно недавно УК РФ также пополнился новыми и важными составами преступлений, например, за осуществление диверсионной деятельности и др.¹

¹ См. напр.: Корякин В.М. Юридическая ответственность военнослужащих в условиях специальных режимов: проблемные вопросы // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 116—122; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Об уголовной ответствен-

Необходимо отметить, что верное установление виновных лиц, а главное — неотвратимость уголовного наказания за совершенное преступление, это важный критерий соблюдения законности в современном обществе². При этом Ермолович Я.Н., рассматривая вопрос об общем понятии преступлений против обороны Российской Федерации указал, что оно является одним из наименее разработанных в теории уголовного права³.

В заключении необходимо отметить, что указанные изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, несомненно, положительным образом повлияют на уровень безопасности нашего государства.

Библиография

1. Ермолович, Я.Н. К вопросу о проблеме преступлений против обороны Российской Федерации / Я.Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 1. — С. 68—74.

2. Кириченко, Н.С. Проведение должностными лицами органов военного управления административных расследований или служебных разбирательств, как способ выявления преступлений, совершаемых военнослужащими / Н.С. Кириченко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2010. — № 11 (161). — С. 33—34.

3. Кириченко, Н.С. Обзор некоторых изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, обусловленных проведением специальной военной операции / Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 183—187.

4. Кириченко, Н.С. Об уголовной ответственности за деяния, связанные с диверсионной деятельностью: краткий правовой анализ с учетом условий специальной военной операции / Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова // Военное право. — 2023. — № 2 (78). — С. 173—176.

ности за деяния, связанные с диверсионной деятельностью: краткий правовой анализ с учетом условий специальной военной операции // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 173—176.

² Кириченко Н.С. Проведение должностными лицами органов военного управления административных расследований или служебных разбирательств, как способ выявления преступлений, совершаемых военнослужащими // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2010. № 11 (161). С. 33—34.

³ Ермолович Я.Н. К вопросу о проблеме преступлений против обороны Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 1. С. 68—74.

5. Корякин, В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / В.М. Корякин // Военное право. — 2022. — № 2 (72). — С. 30—34.

6. Корякин, В.М. Юридическая ответственность военнослужащих в условиях специальных режимов: проблемные вопросы / В.М. Корякин // Военное право. — 2023. — № 2 (78). — С. 116—122.

7. Кудашкин, А.В. Правовые основания проведения специальной военной операции / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 7 (300). — С. 22—32.

8. Харитонов, С.С. Практические аспекты квалификации преступлений по материалам практики военных судов / С.С. Харитонов, А.Г. Воробьев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 3 (296). — С. 61—77.

Правомерное причинение вреда при осуществлении законного права

© Попов Константин Иванович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), член Российской Академии Юридических Наук, член Ассоциации юристов России, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена анализу института правомерного причинения вреда при осуществлении законного права как обстоятельства, исключающего преступность деяния, рассмотрению условий правомерности причинения такого вреда, а также содержит предложения по совершенствованию уголовного законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: обстоятельства правомерного причинения вреда; условия правомерности; осуществление законного права; исключение ответственности; обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Lawful infliction of harm in the exercise of a legitimate right

© Popov K.I.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of "Criminal Law, Criminal Procedure and Law Enforcement" of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), member of the Russian Academy of Legal Sciences, member of the Russian Bar Association, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Annotation: the article is devoted to the analysis of the institution of lawful infliction of harm in the exercise of legal rights as a circumstance excluding the criminality of the act, consideration of the conditions for the legality of causing such harm, and also contains proposals for improving criminal legislation in the area under consideration.

Keywords: circumstances of lawful infliction of harm; conditions of legality; exercise of legal rights; exclusion of liability; circumstances excluding the criminality of the act.

Обстоятельствами правомерного причинения вреда¹ следует признавать предусмотренные различными отраслями законодательства и внешне сходные с преступлениями социально приемлемые и допустимые правомерные деяния, совершаемые при наличии определенных внешних осно-

ваний, исключающие общественную опасность либо противоправность деяния, а, следовательно, и уголовную ответственность лица за причиненный вред. В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) такие обстоятельства регламентированы гл. 8 и именуются обстоятельствами, исключающими преступность деяния.

Как известно, УК РСФСР 1960 г. содержал лишь два таких обстоятельства —

¹ Подробнее см.: Попов К.И. Правомерное причинение вреда при противодействии преступности // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 183—186.

необходимую оборону и крайнюю необходимость. Кроме того, еще одно обстоятельство правомерного причинения вреда — задержание преступника — регламентировалось ст. 8 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1973 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью».

Многие авторы выделяют значительно большее количество обстоятельств правомерного причинения вреда, чем предусмотрено действующим уголовным законом. Так, например, Н.Г. Кадников, помимо указанных в УК РФ, называет: согласие потерпевшего, осуществление своего права, исполнение профессиональных функций и обязанностей¹. В.В. Орехов дополняет законодательный перечень согласием потерпевшего и причинением вреда при выполнении специального задания².

В Модельном Уголовном кодексе для государств — участников СНГ, в котором, как и в гл. 8 УК РФ, содержатся шесть обстоятельств, исключающих преступность деяния, вместо физического или психического принуждения предусмотрено такое обстоятельство, как исполнение закона (ст. 44)³.

Тенденция расширения круга обстоятельств, исключающих преступность деяния, наблюдается также и в Уголовных кодексах стран СНГ.

Так, в ст. 43 Уголовного кодекса Украины 2001 г. предусмотрено такое неизвестное российскому законодательству обстоятельство как выполнение специального задания по предупреждению или раскрытию преступной деятельности органи-

зованной преступной группы либо преступной организации⁴.

Ст. 34.1 Уголовного кодекса Республики Казахстан регламентирует осуществление оперативно-розыскных мероприятий как обстоятельство, исключающее преступность деяния⁵.

Ст. 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь признает правомерным причинение вреда при пребывании среди соучастников преступления по специальному заданию⁶.

Представляется, что все указанные обстоятельства являются ничем иным, как частными случаями осуществления своего законного права.

Следовательно, изложенное выше допускает возможность говорить об осуществлении законного права как о самостоятельном обстоятельстве правомерного причинения вреда, исключающем преступность деяния. Это подтверждается исследованием положений зарубежных уголовных законодательств и теоретических разработок российских ученых.

По справедливому мнению Г.К. Рахимжановой неразработанность проблемы уголовно-правовой оценки осуществления лицом своего права в теоретическом плане ведет на практике к произвольному применению норм уголовного закона и создает предпосылки для ущемления прав и свобод граждан, что недопустимо в правовом государстве⁷.

¹ Кадников Н.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. М.: Бизнес Ченел интернешнл, 1998. С. 39—45.

² Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 161—164.

³ Модельный Уголовный кодекс для государств — участников СНГ. Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ 17 февраля 1996 г.: Приложение к «Информационному бюллетеню» № 10. М., 1996. Гл. 8.

⁴ Уголовный кодекс Украины. Научно-практический комментарий / отв. ред. Е.Л. Стрельцов. Харьков: ООО «Одиссей», 2007. С. 37.

⁵ Уголовный кодекс Республики Казахстан / под ред. И.И. Рогова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 37. Подробнее см.: Попов К.И. Правомерное причинение вреда при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2013. № 1(34). С. 31—33.

⁶ Уголовный кодекс Республики Беларусь / авт. вступ. ст. А.И. Лукашов, Э.А. Саркисова / 2-е изд. перераб. и доп. Минск: Тесей, 2001. С. 29.

⁷ Рахимжанова Г.К. Осуществление лицом своего права как обстоятельство, исключающее преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Высшая школа милиции МВД России, 1994. С. 6.

Деятельность, осуществляемая, с одной стороны, в правовых рамках, но, с другой стороны, сопряженная с причинением вреда охраняемым уголовным законом интересам, обладает определенной степенью вредоносности. В этих случаях приходится вынужденно причинять вред ради достижения общественно полезных либо социально приемлемых и допустимых целей, что без причинения вреда является весьма затруднительным. Названные обстоятельства предлагается признавать обстоятельствами правомерного причинения вреда¹, исключаящими преступность деяния.

Ранее нормы, признававшие правомерным подобное поведение, существовали еще в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором регламентировалось исключение ответственности за недонесение о совершении общеуголовных преступлений детей на родителей и вообще на родственников по прямой восходящей линии, а равно родителей на детей и прочих нисходящих по прямой линии супругов на супругов, родных братьев и сестер на сестер и братьев. Сохранились подобные положения и в Уголовном уложении 1903 г., где в Общей части содержалась норма, регламентирующая непреступность деяния, совершенного во исполнение закона².

Представляется, что *осуществление законного права* — это совершенное с общественно полезной целью деяние, причинившее вред охраняемым уголовным законом интересам, при наличии оснований и с соблюдением регламентированных нормами Конституции Российской Федерации, УК РФ или иного федерального закона пределов правомерности, признаваемое правомерным и исключаящим преступность деяния.

Можно выделить следующие условия правомерности осуществления законного права:

1) регламентированность права, позволяющего причинить вред объекту, охраняемому уголовным законом, нормами Конституции Российской Федерации, УК РФ или иного федерального закона;

2) наличие самого деяния, причинившего вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Для признания осуществления законного права обстоятельством правомерного причинения вреда оно должно представлять собой осознанное, волевое поведение, причинившее вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом;

3) осуществление законного права должно быть действительным (реальным). Действительность осуществления законного права означает его существование в объективной реальности. При осуществлении только предполагаемого права его можно признать мнимым. Мнимое осуществление законного права может обуславливаться наличием объективных обстоятельств, которые дают основание полагать, что такое право у лица существует. При определении юридических последствий мнимого осуществления законного права следует использовать общие правила об ошибке в уголовном праве;

4) признаком, характеризующим осуществление законного права как обстоятельство правомерного причинения вреда, является его совершение при наличии предусмотренных законом оснований и с соблюдением установленных пределов правомерности;

5) самостоятельным признаком осуществления законного права, характеризующим его как обстоятельство правомерного причинения вреда, является социальная приемлемость деяния, причинившего вред охраняемым уголовным законом интересам;

7) право должно осуществляться только в тех формах и в том порядке, которые разрешены законом — только тогда его и можно считать законным правом;

6) субъективными признаками осуществления законного права являются вменя-

¹ Подробнее см.: Попов К.И. Позитивная уголовная ответственность и правомерное причинение вреда // Военное право. 2018. № 6 (52). С. 266—269.

² Чистяков О.И. Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юрид. лит., 1988. С. 199, 285.

емость лица, его реализовавшего, достижение возраста уголовной ответственности и наличие общественно полезной цели. Отсутствие общественно полезной цели исключает наличие осуществления законного права как обстоятельства правомерного причинения вреда.

Можно выделить следующие условия правомерности осуществления законного права, определяющие пределы его допустимости.

Во-первых, если действие какого-либо права ограничено существованием внешних факторов, то оно может быть реализовано только во время существования этого фактора (темпоральный (временной) предел осуществления законного права).

Во-вторых, если размер причиняемого вреда уголовно охраняемому объекту зависит от внешнего фактора, то должна быть соблюдена регламентированная законом соразмерность (интенсивный предел осуществления законного права).

Следует особо отметить, что в настоящее время продолжает существовать регламентация правомерного причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам не только в гл. 8 УК РФ, но также и в Конституции Российской Федерации и иных федеральных законах. Так, например, правомерное причинение вреда при противодействии терроризму закреплено в ст. 22 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹.

Представляется возможной следующая классификация видов осуществления своего законного права как обстоятельства правомерного причинения вреда.

I. По кругу лиц, которым принадлежит это право:

— осуществление общих прав, принадлежащих всем гражданам;

— осуществление специальных прав, принадлежащих только отдельным категориям граждан.

II. По критерию отраслевой регламентации:

— право, регламентированное Конституцией Российской Федерации, с дублированием его в Особенной части УК РФ (ст. 51 Конституции Российской Федерации и примечание к ст. 308 УК РФ «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний», закрепляющие свидетельский иммунитет);

— право, регламентированное Особенной частью УК РФ (примечание к ст. 316 УК РФ «Укрывательство преступлений» — освобождение от уголовной ответственности лица за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником);

— право, регламентированное федеральным законом без его дублирования в Особенной части УК РФ (ч. 16 ст. 9 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-I «О государственной границе Российской Федерации» — вынужденное пересечение Государственной границы Российской Федерации, осуществляемые в силу чрезвычайных обстоятельств).

На основании изложенного предлагается внести изменение в действующее уголовное законодательство, в частности, дополнить гл. 8 УК РФ новой статьей 42.1 следующего содержания:

«Статья 42.1. Осуществление законного права.

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом при осуществлении своего законного права, регламентированного Конституцией Российской Федерации, Особенной частью настоящего Кодекса или иным федеральным законом.

2. Превышением пределов правомерности осуществления законного права является причинение охраняемым уголовным законом интересам большего вреда, чем допускается законом, его регламентирующим. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

3. В случае несоблюдения оснований, порядка и формы осуществления своего законного права, причинившего вред

¹ Подробнее см.: Попов К.И. Правомерное причинение вреда при противодействии терроризму // Право и государство: теория и практика. 2010. № 2 (62). С. 98—101.

охраняемым уголовным законом интересам, лицо подлежит уголовной ответственности на общих основаниях».

Представляется, что практическая реализация указанных теоретических выводов и практических рекомендаций будет служить дальнейшему укреплению правовой защиты прав и свобод человека и гражданина в России, а также гуманизации российского уголовного законодательства.

Библиография

1. Кадников, Н.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / Н.Г. Кадников. — Москва: Бизнес Ченел интернешнл, 1998. — 65 с.
2. Орехов, В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. — 217 с.
3. Попов, К.И. Правомерное причинение вреда при противодействии терроризму / К.И. Попов // Право и государство: теория и практика. — 2010. — № 2 (62). — С. 98—101.
4. Рахимжанова, Г.К. Осуществление лицом своего права как обстоятельство, исключающее преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Г.К. Рахимжанова. — Москва: Высшая школа милиции МВД России, 1994. — 23 с.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь / авт. вступ. ст. А.И. Лукашов, Э.А. Саркисова. — 2-е изд. перераб. и доп. — Минск: Тесей, 2001. — 312 с.
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан / под ред. И.И. Рогова. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. — 266 с.
7. Уголовный кодекс Украины. Научно-практический комментарий / отв. ред. Е.Л. Стрельцов. — Харьков: ООО «Одиссей», 2007. — 472 с.
8. Чистяков, О.И. Российское законодательство X—XX веков : В 9 т. Т. 6 : Законодательство первой половины XIX века / О.И. Чистяков. — Москва: Юрид. лит., 1988. — 432 с.

К вопросу о незаконном изготовлении и обороте порнографических материалов или предметов (практика военных судов)

© **Сотникова Валерия Владимировна,**

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации.

© **Кондрашин Георгий Кириллович,**

курсант 3 курса прокурорско-следственного факультета ФГКВОУВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация: в статье исследуются юридико-технические особенности преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, которые влекут сложности применения данной нормы. Выводы авторов основаны на анализе положений действующего законодательства РФ и практике его применения (на примерах совершения данных преступлений военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации).

Ключевые слова: уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов, порнография, незаконная деятельность, порнографическая экспертиза.

On the question of the illegal manufacture and circulation of pornographic materials or objects (practice of military courts)

© **Sotnikova V.V.,**

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, of the Federal State Educational Institution «Prince Alexander Nevsky Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

© **Kondrashin G.K.,**

Cadet of the 3rd year of the Prosecutor's and Investigative Faculty Federal State Educational Institution «Prince Alexander Nevsky Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract: the article examines the legal and technical features of the crime under art. 242 of the Criminal Code of the Russian Federation, which entail the difficulties of applying this rule. The authors' conclusions are based on an analysis of the provisions of the current legislation of the Russian Federation and the practice of its application (based on examples of these crimes by military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation).

Keywords: criminal liability for illegal distribution of pornographic materials, pornography, illegal activity, pornographic expertise.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 242 УК РФ в Российской Федерации запрещается

незаконное изготовление и (или) перемещение через Государственную границу

Российской Федерации в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования либо распространение, публичная демонстрация или рекламирование порнографических материалов или предметов.

Наличие данной нормы в уголовном законе свидетельствует о том, что государство, заботясь о нравственных ценностях и устоях нашего общества, признает общественную опасность незаконных действий с порнографической продукцией. Возникает резонный вопрос: что законодатель понимает под термином «незаконный» в контексте данной статьи УК РФ? Уголовному закону известно много статей, названия и диспозиции которых содержат термин «незаконный» (ст. 123, 124, 127, 128, 138.1, 142.2, 154, 171, 171.2, 171.3, 171.4, 171.5, 172, 222, 228 и др.). Согласно определению, содержащемуся в словарях русского языка, «незаконный» означает «нарушающий закон, права» (словарь Ушакова), «противоречащий закону или законам, произвольный, недозволенный» (словарь Ефремовой)¹. Таким образом, напрашивается логический вывод, что правоотношения, признаваемые государством законными, им же самим разрешаются и регулируются, как например, правоотношения в области оборота оружия или наркотических средств. Вместе с тем, в России не существует закона, регулирующего законный оборот порнографических материалов или предметов, данный вид деятельности в нашей стране не легализован. Таким образом, налицо терминологическая ошибка, приводящая к множеству научных дискуссий на данную тему, и снижающая авторитет законодательства в целом².

Следует заметить, что УК РСФСР 1960 г. не связывал наступление уголовной ответственности за изготовление или сбыт порнографических предметов с незаконно-

стью таких действий, поскольку любое их распространение было запрещено и потому считалось незаконным a priori.

Переходя к анализу состава преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, необходимо отметить, что все существующие юридико-технические особенности данного преступления и терминологические недостатки текста диспозиции статьи, влекущие сложности в правоприменительной практике, неоднократно становились предметом обсуждения среди ученых и практиков, однако, следует это признать, так и не нашли своего разрешения на законодательном уровне.

Так, неоднократно обсуждалось, что «производные» от ст. 242 УК РФ статьи 242.1 и 242.2 урегулированы примечанием, дающим определение понятию «материалы и предметы с порнографическими изображениями несовершеннолетних», которого нет в ст. 242 (в отношении «взрослой» порнографии), в связи с чем у правоприменителя возникает множество проблемных вопросов. Осмелимся предположить, что причиной этого является наметившаяся в последние годы тенденция к изменению сексуальных взглядов, в том числе, в отношении к порнографии, ее массовая доступность посредством сети Интернет, и как следствие этого, возможная ее частичная легализация, что может повлечь за собой декриминализацию ст. 242 УК РФ. Необходимо отметить, что ряд авторов тоже поддерживают точку зрения о необходимости легализации части действий с порнографической продукцией. Так, М.П. Полянская³ предлагает установить правила оборота продукции порнографического характера, которая не представляет опасности, на уровне федерального законодательства. При этом абсолютно запрещена должна быть порнография с изображением несовершеннолетних, а также сексуальных сцен насилия, сексуальных действий людей с животными, некрофилии.

¹ Словарь Ефремовой. [электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/> (дата обращения: 16.01.2024).

² Аксенов О.А. Ответственность за преступления против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности по новому уголовному законодательству России. Ростов на Дону, 2015. С. 227.

³ Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов [электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/> (дата обращения: 16.01.2024)

Таким образом, на данный момент в примечании к ст. 242.1 закреплено только понятие порнографических предметов и материалов с изображением несовершеннолетних. Также оно нашло своё отражение в ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2020 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». В данной статье дано определение информации порнографического характера, она представляет собой натуралистические изображения или описания:

- а) половых органов человека;
- б) полового сношения;
- в) сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе в отношении животного.

Данный закон послужил основанием для разработки критериев оценки порнографических материалов, которые утверждены приказом Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 27 февраля 2023 г. № 25¹. Так, в п. 1.2 Критериев, утвержденных данным приказом, определено, что порнографическим материалом признается наличие любого изображения ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или изображения половых органов ребенка в сексуальных целях, а в п. 1.4 указано, что, порнографи-

ческой признается та информация, которая направлена на возбуждение сексуальных чувств по отношению к несовершеннолетним либо оправдывающая сексуальное поведение в отношении несовершеннолетних².

К сожалению, все вышеприведенные понятия не являются определяющими для «взрослой» порнографии, хотя нет никаких препятствий к их отождествлению с понятием детской порнографии.

Критериями для признания материалов или предметов порнографическими (с изображением лиц, достигших 18-летнего возраста) является экспертиза порноматериалов и материалов откровенно сексуального содержания или экспертиза порнографии — это один из видов искусствоведческих и культурологических экспертных исследований, при проведении которой экспертами изучаются видеозаписи и печатные материалы, в том числе, фотоматериалы, с целью выявления признаков порнографии, установления отличительных признаков порнографии от материалов искусства и материалов, используемых в качестве учебно-методической литературы, а также, для разрешения иных вопросов из области искусствоведения, культурологии, сексологии, психологии и социологии³. Однако и здесь существует множество неразрешенных проблем, которые также негативно отражаются на работе правоохранительных органов по борьбе с преступлениями, причиняющими вред здоровью граждан и общественной нравственности, например, отсутствие единых методических рекомендаций по исследованиям продукции порнографического характера, в том числе, «рисованной» порнографии, и т.д.

¹ Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 27 февраля 2023 г. № 25 «Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", в единую автоматизированную информационную систему "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

² Григорьев А.Н. Безопасность в эпоху информатизации: новые угрозы и новые возможности // Материалы XIII Международной конференции «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов», Москва, 25—26 июня 2004 г. М.: Академия управления МВД России, 2004. С. 26—31.

³ Джинджолия Р.С. Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов или предметов. М-Сочи, 2012. С. 19.

Однако здесь возникает еще одна проблема. Если для установления того, носит ли тот или иной материал или предмет порнографический характер, требуются специальные познания, то простой гражданин, как правило, не обязан обладать подобными познаниями, а потому не может знать о том, что соответствующие материалы или предметы имеют порнографический характер¹. Вместе с тем, на наш взгляд не вполне правомерно связывать решение вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности по ст. 242 УК РФ с наличием или отсутствием у него специальных познаний в сфере порнографии, поскольку это не соответствует принципу равенства граждан перед законом и размывает критерии преступности деяния. Представляется обоснованным, чтобы материалы или предметы, с которым гражданин совершает действия, ранее были квалифицированы в качестве порнографических (что определяется по специальной маркировке — штампу, печати, пояснению на обложке или упаковке и т.п.). При этом смысл соответствующих обозначений должен быть понятен каждому гражданину. Кроме того, для субъектов, распространяющих произведения литературы, искусства или предметы широкого потребления, может быть установлена особая разрешительная система для обнародования сюжетов сексуального содержания. В таком случае при наличии заключения о порнографическом характере материала или предмета изготовитель может считаться лицом осведомленным, а потому подлежащим ответственности за выпуск своей продукции как порнографической. Лицо, которое изготовило материал или предмет порнографического характера без получения соответствующего заключения, может быть привлечено к уголовной ответственности².

¹ Кириллова Н.М. Размещение материалов и предметов порнографического содержания в сети «Интернет»: особенности уголовной ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2019. № 6. С. 75—85.

² См.: Шишков С. Об ответственности за незаконные действия с порнографическими предметами // Российская юстиция. 1996. № 5. С. 37—39.

В настоящее время в связи с происходящими в нашей стране активными положительными процессами, связанными со сменой идеологии, происходит оживление интереса к нравственным проблемам в армии.

Нравственная культура военнослужащего проявляется в способности личности воина, офицера сознательно и по собственной воле воплощать в жизнь требования моральных норм и воинского долга.

Армия является отражением общества, поэтому все его внутренние беды, в том числе и духовные, явно обостряются и акцентируются в воинской среде³.

Изучение судебной практики, имеющейся в свободном доступе, показало, что совершение военнослужащими преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, довольно-таки редкое явление, нежели совершение данного преступления «гражданскими» лицами. Кроме того, каких-либо особенностей совершения военнослужащими преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, также не выявлено⁴.

Совершение данных преступлений военнослужащими обусловлено особыми условиями несения службы, и прежде всего, это гомогенность однополной социальной группы, однако, мотивы, побудившие их совершить данные преступления, в своем большинстве тождественны с мотивами «гражданских» лиц — это измена девушки, желание отомстить.

Так, приговором Реутовского гарнизонного военного суда рядовой М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 242 УК РФ, при следующих обстоятельствах: он незаконно распространил в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» посредством пересылки по личному сообщению со своей страницы в социальной сети «ВКонтакте» своему брату фотографию своей знакомой П. содержащую порнографический материал, из за желаний

³ Присягаем Отечеству: Отечество. Честь. Долг. Вып. 3 / под общ. ред. В.Ф. Кулакова. М., 1998.

⁴ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/>

отомстить потерпевшей, которая ему изменила¹.

Как справедливо отмечает И.В. Крупнов, «в условиях воинского коллектива длительное совместное проживание в замкнутом пространстве (что само по себе является фрустрирующим фактором) большого количества молодых людей, имеющих в силу возрастных психофизиологических особенностей повышенный уровень тестостерона в крови, повышенную возбудимость с преобладанием последней над стадией торможения нервного процесса человеческой деятельности, проявления агрессивности носят высокий вероятностный характер»².

Рассмотрение заявленной темы позволяет сделать вывод, что, несмотря на существование в УК РФ нормы, устанавливающей уголовную ответственность за незаконное изготовление в целях распространения или рекламирования порнографических материалов, или предметов, ее применение осложняется полным законодательным отсутствием понятийного аппарата в отношении «взрослой порнографии» и наличием терминологических недостатков названия и диспозиции статьи. Это влечет за собой огромный пласт проблем, частично разрешаемый судебной практикой³.

Кроме того, государство и общество, объективно осознавая деструктивное влияние «взрослой» порнографии, не может не признавать, что эволюция сексуальных взглядов изменила отношение людей к «взрослой порнографии»⁴, и общество не готово и не может отказаться от нее, что подтверждается предоставляемыми поисковыми системами (например, в поисковой системе Яндекс запрос «порно» занимает 4 место). Таким образом, государство должно взять на себя ответственность по оценке общественной опасности изготов-

ления и оборота «взрослой» порнографии (в случае, когда данные материалы или предметы не содержат изображения несовершеннолетних, не направлены в отношении данной возрастной категории, не содержат также сексуальных сцен насилия, сексуальных действий людей с животными, некрофилии) с нравственной, медицинской и психологической точки зрения.

библиография

1. Аксенов, О.А. Ответственность за преступления против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности по новому уголовному законодательству России / О.А. Аксенов. — Ростов на Дону, 2015.
2. Григорьев, А.Н. Безопасность в эпоху информатизации: новые угрозы и новые возможности / А.Н. Григорьев // Материалы XIII Международной конференции «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов», Москва, 25—26 июня 2004 г. — Москва: Академия управления МВД России, 2004. — С. 26—31.
3. Джинджолия, Р.С. Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов или предметов / Р.С. Джинджолия. — Москва—Сочи, 2012.
4. Кириллова, Н.М. Размещение материалов и предметов порнографического содержания в сети «Интернет»: особенности уголовной ответственности / Н.М. Кириллова // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2019. — № 6. — С. 75—85.
5. Крупнов, И.В. Социально-психологические аспекты криминальной агрессии в воинском коллективе : дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Крупнов. — Москва, 2003.
6. Шишков, С. Об ответственности за незаконные действия с порнографическими предметами / С. Шишков // Российская юстиция. — 1996. — № 5. — С. 37—39.

¹ URL:<https://rgvs.mo.sudrf.ru/>

² Крупнов И.В. Социально-психологические аспекты криминальной агрессии в воинском коллективе : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 34.

³ Савельева О. Грязное порно или крылатый эрос? // Бизнес-адвокат. 2014. № 9. С. 25.

⁴ Шишков С. Указ. соч.

Некоторые аспекты квалификации убийства в условиях проведения специальной военной операции

© Тищенко Александр Олегович,
соискатель по кафедре уголовного процесса Во-
енного университета им. князя Александра
Невского Министерства обороны Российской
Федерации

Аннотация. Статья содержит анализ конкретного преступления – убийства военнослужащего, совершенного командиром подразделения в условиях боевых действий при выполнении боевого задания и дискуссионные вопросы квалификации этого преступления.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, выполнение боевой задачи, необходимая оборона, применение оружия, убийство.

Some aspects of the qualification of murder in the context of a special military operation

© Tishchenko A.O.,
candidate for the Department of Criminal Procedure
of the Military University named after Prince
Alexander Nevsky" of the Ministry of Defense of
the Russian Federation

Annotation. The article contains an analysis of a specific crime – the murder of a serviceman committed by the commander of a unit in combat conditions while performing a combat mission and controversial issues of the qualification of this crime.

Keywords: abuse of official authority, performance of a combat mission, necessary defense, use of weapons, murder.

В условиях проведения специальной военной операции (СВО) нередки случаи, когда командиру для выполнения поставленной задачи на передовой приходится принимать сложные оперативные решения, которые зачастую не всегда могут быть правомерны как с точки зрения уголовного права, так и морали.

Разберем реальный пример возникновения сложной ситуации в непосредственной зоне ведения боевых действий:

16.07.2023 в 6 часов разведывательное отделение из 9 военнослужащих во главе с капитаном Б. выдвинулось в зону боевых действий, в точку соприкосновения с противником (военнослужащими ВСУ) в населенный пункт А. ЛНР, для выполнения боевого задания по разведке данных. Заняв укрепленную позицию в одном из зданий на линии соприкосновения с противником военнослужащие стали вести наблюдение. В мо-

мент артиллерийского обстрела рядовой И. подвергся панике, выбежал из укрытия в зону прямой видимости противника, стал размахивать руками и выкрикивать панические изречения. Предпринятые командиром меры словами успокоить военнослужащего, должного результата не принесли. Б. с целью исключения паники других военнослужащих, а также возможной расшифровки их позиции противником принял решение застрелить рядового И. и реализовал задуманное. Далее подразделение выполнило поставленную боевую задачу и вернулось в пункт постоянной дислокации. Рядовой И. был «списан» на боевые потери.

Должностное лицо — командир подразделения капитан Б. является субъектом рассматриваемого преступления, который постоянно осуществляет организационно-распорядительные функции в Вооружен-

ных силах Российской Федерации по отношению к своим подчинённым, в том числе и к рядовому И.

Объектом превышения должностных полномочий являются интересы службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также авторитет занимаемой должности. Дополнительным объектом преступления выступают права и законные интересы граждан — рядового И., либо охраняемые законом интересы общества и государства.

На первый взгляд, возможно предположить, что капитан Б. в условиях крайней необходимости совершил самосуд, самоуправство, т.е. преступление, попадающее под признаки ст. 330 УК РФ. Под самоуправством понимается самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред, а часть вторая данной статьи устанавливает еще и применение насилия или его угрозу.

Как видно из диспозиции ст. 330 УК РФ, она не предусматривает тяжкий вред или смерть потерпевшего, поэтому однозначно к рассматриваемому примеру ее применить нельзя.

Рассмотрим приведенный нами пример, когда капитан Б. совершил убийство, т.е. умышленное причинение смерти другому человеку, преступление, предусмотренное ст. 105 УК РФ. Объектом убийства является жизнь человека — рядового И.

Вместе с тем, из комментария к УК РФ следует: «признак противоправности в характеристике убийства является необходимым, что позволяет отграничить убийство от правомерного лишения жизни человека. Так причинение смерти при необходимой обороне не только не влечет уголовной ответственности, но и не может быть названо убийством. Равным образом не являются убийством и другие случаи правомерного лишения жизни: при исполнении приговора в виде смертной казни, в

ходе боевых действий, при убийстве противника»¹.

В рассматриваемом примере все указывает на то, что командир Б. совершил умышленное убийство другого военнослужащего, своего подчиненного, который не являлся противником, а действие в пределах необходимой обороны необходимо рассмотреть подробнее. Кроме того, преступление совершено должностным лицом по отношению к своему подчиненному, что указывает на признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Согласно комментарий к УК РФ первого заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.И. Радченко квалификацией по ч. 3 ст. 286 УК РФ охватывается причинение потерпевшему любого вреда здоровью, кроме случаев причинения тяжкого вреда здоровью, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ, а также умышленного убийства (ст. 105 УК РФ). По мнению В.И. Радченко, в последних случаях действия виновного должностного лица нужно квалифицировать по совокупности ч. 3 ст. 286 и ч. 3 или ч. 4 ст. 111 УК РФ, или ч. 3 ст. 286 и ст. 105 УК РФ. При этом убийство, совершенное представителем власти при превышении пределов необходимой обороны, либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, квалифицируются только по ст. 108 или ст. 114 УК РФ².

В рассматриваемой ситуации командир подразделения, находясь в зоне боевых действий, с целью исключить, либо предотвратить реальную угрозу нападения со стороны третьих лиц (противника, неонацистов), срыва выполнения боевой задачи, принял сложное решение, о самообороне и обороне своих подчиненных, желая предотвратить смерть других военнослужащих, так как угроза их жизням и

¹ См.: Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации. Интернет ресурс: <http://www.stykrf.ru/105>

² См.: Комментарий к УК РФ первого заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заслуженного юриста РФ В.И. Радченко. 2-е издание. // СПС «Консультант Плюс».

жизни самого командира реально существовала.

Вместе с тем, нельзя сказать, что капитан Б. оборонялся, так как со стороны рядового И. нападения не было. В этом случае отсутствует наличие посягательства, в связи с чем необходимая оборона исключается, а поэтому нельзя говорить о превышении ее пределов. Лицо, лишившее жизни нападавшего, после того как посягательство было предотвращено или окончено, а в применении средств защиты явно отпала необходимость, подлежит ответственности за убийство по ст. 105 УК РФ. Вместе с тем, следует учитывать, что состояние необходимой обороны может возникнуть и при наличии реальной угрозы нападения, и для обороняющегося не был ясен момент его окончания¹. В указанном случае действия лица, совершившего преступление, следует квалифицировать по ст. 108 УК РФ.

В то же время, из диспозиции ст. 37 УК РФ следует, что причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны не является преступлением, т.е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо непосредственной угрозой применения такового насилия.

Рассматривая в этом контексте необходимую оборону, можно разделить ее на три составляющих: общественная опасность, наличие самого посягательства и его действительность (реальность).

В большинстве случаев необходимая оборона осуществляется против лица, которое осуществляет уголовно наказуемое посягательство. При этом, не следует забывать, что данное посягательство может исходить и от невменяемых лиц, в том числе, находящихся в состоянии временного помешательства (паники). Оборона против невменяемого лица допустима

лишь при условии, если были исчерпаны другие, не общественно опасные способы пресечения посягательства, без причинения тяжких последствий для нападающего².

Рассматривая приведенный пример, не стоит забывать и о том, что военнослужащие в повседневной деятельности руководствуются Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации. Командир действовал применительно к анализируемой ситуации руководствуясь ст. 13 УВС ВС РФ, которая устанавливает право военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы на применение и использование оружия. Законодатель выделил и утвердил широкий спектр обстоятельств применения оружия военнослужащим: в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости; для отражения вооруженного либо группового нападения на охраняемые государственные и военные объекты, воинские части и иные воинские формирования и подразделения; для пресечения попытки насильственного завладения вооружением, военной техникой; для защиты военнослужащих и гражданских лиц от нападения, угрожающего их жизни или здоровью; для задержания лица, совершившего противоправные действия и оказывающего вооруженное сопротивление, а также вооруженного лица, отказывающегося выполнить законные требования о сдаче оружия, если иными способами и средствами их защитить невозможно.

Отдельный абзац ст. 13 УВС ВС РФ регламентирует действия командира (начальника), который имеет право применить оружие лично или приказать применить оружие подчиненному в случае открытого неповиновения военнослужащих в боевых условиях, когда действия субъекта, игнорирующего приказ командира, явно направлены на государственную измену или срыв выполнения боевой задачи, а также при выполнении задач в условиях чрезвычайного положения.

¹ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 сентября 2012. № 19.

² См. Комментарий к УК РФ // СПС «Консультант Плюс».

Возникает вопрос, правомерно ли применение оружия капитаном Б. в условиях боевых действий, при выполнении боевой задачи, по отношению к рядовому И. на поражение, является ли действия командира оправданными, при решении убить подчиненного?

Ст. 13 УВС ВС РФ хоть и разъясняет случаи, когда военнослужащий (командир) имеет право применить оружие, однако не указывает на то, что возможно совершить убийство. Применению оружия должны предшествовать все возможные способы и иные средства, позволяющие пресечь, предотвратить противоправность поведения военнослужащего.

Возвращаясь к ситуации на поле боя, следует учесть, что командир применил оружие против рядового И. в то время как последний в отношении него (капитана Б.) или других лиц угрозу применения оружия (которое имел), не высказывал, на своих сослуживцев не направлял, т.е. угрозу их жизни в моменте не создавал, находился во временном психическом расстройстве (паниковал), но при этом, потенциально мог сорвать выполнение боевой задачи. Как известно из обстоятельств происшествия, поставленная задача была выполнена. Однако возникает вопрос, кто больше создал угрозу: крики паникующего военнослужащего или звук выстрела командира, кто больше привлек внимание противника на скрытую позицию, командир или паникёр, чье действие подвергло опасности срыва выполняемой боевой задачи больше?

Отвечая на данный вопрос, можно с уверенностью сказать, что командиром не были приняты все исчерпывающие меры по пресечению противоправных действий подчиненного, находящегося во временном психическом расстройстве (в панике), т.е. не отвечающего за свои действия. Например, командир мог ранить или применить насилие, не опасное для жизни, связать, скрутить и т.п. способы и средства без причинения смерти военнослужащего.

Анализируя рассматриваемую ситуацию, нельзя забывать и про опыт нашей страны, который она получила в период Великой Отечественной войны. Как из-

вестно, в то время действовал приказ наркома обороны СССР И.В. Сталина от 28 июля 1942 г. № 227 «Ни шагу назад», который предписывал «паникеров и трусов истреблять на месте». Применительно к рассматриваемой в статье ситуации, полагаю необходимым отметить, что у командиров в период Великой Отечественной войны имелся официальный документ, на который они могли опираться при принятии решения на поле боя об убийстве военнослужащего, нарушающего дисциплину, проявившего трусость и панику, т.е. их действия фактически были легитимными.

В период Великой Отечественной войны на фронтах работали военные прокуроры и следователи, которые расследовали, в том числе, должностные преступления в отношении командиров и начальников, вольно трактовавших приказ № 227 и занимавшихся произволом и самочинными расстрелами. Указанное происходило из-за того, что порядок процедуры принятия таких решений был весьма неопределенным.

Главный военный прокурор СССР В.И. Носов выступал за более взвешенный подход к бойцам и командирам, подозреваемым в совершении преступлений на поле боя, и требовал всестороннего и объективного выяснения всех обстоятельств в ходе расследования указанных деяний, требовал устанавливать время, место, обстоятельства, данные личности, подстрекателей и пособников. Такой подход позволял исключить поспешность объявления военнослужащего преступником или снизить вероятность его необоснованного обвинения.

Таким образом, подчиненный военнослужащий рядовой И., находящийся в состоянии временного психического расстройства, умышленно убит должностным лицом — командиром подразделения капитаном Б. в условиях боевых действий при выполнении боевой задачи. При этом капитаном Б. не были приняты исчерпывающие, возможные меры и способы пресечения противоправного поведения военнослужащего И., что, по нашему мнению, позволяет сделать вывод о совершении капитаном Б. преступлений, предусмотр-

ренных ч. 3 ст. 286 и ст. 105 УК РФ: превышение должностных полномочий и умышленное убийство.

Если каждый военнослужащий, командир будет вольно трактовать установленные законом нормы права в области применения оружия, то мы столкнемся с проблемами, возникшими в первые годы Великой Отечественной войны — произволом и самочинными расстрелами военнослужащих, что породит страх, который будет только сковывать разумную инициативу, порождать нерешительность командиров и военнослужащих при принятии

ответственных решений, а также обнажать трусость и паникерство у морально и психологически неустойчивых военнослужащих.

Деятельность военного следствия, в первую очередь, направлена на защиту человеческой жизни, прав и свобод личности, призвана защищать военнослужащих от произвола неуравновешенных командиров и начальников, которые на основе своих ложных и ошибочных выводов могут совершать тяжкие преступления, оправдывая себя «правом на убийство».

Военные проблемы международного права

Статус комбатантов в современных вооруженных конфликтах

© Белый Павел Филиппович,
старший помощник военного прокурора 72 военной прокуратуры гарнизона, капитан юстиции

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена разночтениями в понимании статуса комбатанта в современных условиях. Особое внимание уделено правам комбатантов, включая их гарантированное право на жизнь и недопустимость пыток и жестокого обращения, а также обязанностям комбатантов по соблюдению принципов военного права и защите невооруженных гражданских лиц. Цель исследования заключается в рассмотрении основных современных прав и обязанностей участников военных конфликтов. В рамках международного гуманитарного права рассматриваются механизмы обеспечения правомерного поведения военнослужащих в ходе их участия в боевых действиях. Методология исследования основана на анализе международных правовых источников, регламентирующих правовой статус комбатантов. В ходе проведенного исследования выявлены также и условия юридической ответственности за несоблюдение участниками боевых действий норм международного гуманитарного права.

Ключевые слова: комбатанты, участники вооруженных конфликтов, военные действия, гуманитарное право.

The status of combatants in modern armed conflicts

© Belyi P.F.,
Senior Assistant to the Military Prosecutor 72
Military Prosecutor's Office of the garrison, Captain
of Justice

Abstract. The relevance of this study is due to discrepancies in the understanding of combatant status in modern conditions. Special attention is paid to the rights of combatants, including their guaranteed right to life and the inadmissibility of torture and ill-treatment, as well as the obligations of combatants to comply with the principles of military law and protect unarmed civilians. The purpose of the study is to examine the basic modern rights and obligations of participants in military conflicts. Within the framework of international humanitarian law, mechanisms are being considered to ensure the lawful behavior of military personnel during their participation in hostilities. The research methodology is based on the analysis of international legal sources regulating the legal status of combatants. The study also revealed the conditions of legal liability for non-compliance by participants in hostilities with the norms of international humanitarian law.

Keywords: combat soldiers, participants in international conflicts, military operations, humanitarian law.

Основополагающее право на жизнь и здоровье, которое принадлежит всем людям, включая комбатантов, считается общепризнанным. Тем не менее, в ходе вооруженного конфликта эти права зачастую нарушаются. Принципы Женевской конвенции устанавливают одинаковые права

для всех участников вооруженного конфликта. Женевская конвенция призвана обеспечить гуманное и достойное обращение с военнопленными, а также защиту их прав и благополучия во время вооруженного конфликта. Конвенция является краеугольным камнем международного гума-

нитарного права, и ее положения широко признаются и соблюдаются международным сообществом.

Женевская конвенция содержит 143 статьи, которые регулируют правовой статус, процедуру обращения и освобождения военнопленных, а также права и обязанности государств-удерживающих. Важным принципом конвенции является гуманное обращение с военнопленными и защита их физического и психического здоровья. Оно включает адекватное питание, одежду и медицинское обслуживание, а также доступ к религиозным обрядам и общение с членами семьи. Конвенция также запрещает пытки, бесчеловечное обращение и акты насилия в отношении военнопленных.

Женевская конвенция также устанавливает процедуры освобождения и репатриации военнопленных. Задержавшая страна должна освободить военнопленных сразу после окончания военных действий, и они должны быть без промедления репатрированы. Конвенция также предусматривает наличие статуса Держав-покровительниц, которые являются нейтральными странами, уполномоченными контролировать выполнение Конвенции и защищать интересы военнопленных. В соответствии со ст. 12 III Женевской конвенции с военнопленными должны обращаться с уважением к их чести и достоинству, а также они вправе получать необходимую медицинскую помощь от «принимающей» стороны, берущей на себя ответственность за их благополучие. Исходя из ст. 16 III Женевской конвенции, в отношении военнопленных категорически запрещена дискриминация на религиозной, национальной, политических почве и т.п.

Следовательно, одно из главных прав комбатантов в ходе вооруженного конфликта — право на защиту своей жизни и здоровья. В соответствии с Женевскими конвенциями о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительными протоколами к ним, комбатанты, попавшие в плен, должны быть защищены от насилия, пыток, жестокого обращения и убийства¹. Так,

согласно требованиям Третьей Женевской конвенции, комбатантам гарантируется право на надлежащее обращение и своевременное лечение и уход, независимо от их местонахождения, находятся ли они под стражей своих собственных сил или сил оппонента. Помимо этого, удерживающая в плену сторона обязана гуманно относиться к раненым и больным, предполагая того же уровня заботы и внимания, которое предоставляется военнослужащим удерживающей стороны.

Сами комбатанты обязаны соблюдать нормы международного гуманитарного права, в том числе те, которые регулируют поведение во время боевых действий. Комбатам запрещается атаковать гражданские объекты, культурные объекты, а также использовать запрещенные виды оружия: химическое, биологическое, зажигательное². Эти правила направлены на обеспечение защиты и безопасности гражданского населения от чрезмерных страданий и неоправданных жертв при конфронтации. При этом, комбатантам не разрешается использовать средства ведения войн, направленные на причинение избыточного ущерба для достижения их военных целей. Соответствующие нормы закреплены в Женевской конвенции и направлены на сдерживание разрушительных последствий военных действий. Это позволяет обеспечить защиту прав и достоинство всех лиц, вовлеченных в вооруженных конфликт.

Основными требованиями к поведению комбатантов в ходе вооруженных действий являются: уважение достоинств и прав других участников конфликта, а также соблюдение международных гуманитарных прав. В частности, комбатанты имеют право на защиту жизни и здоровья, а также на защиту от попадания в плен. В том числе, соблюдать правила ведения боевых действий, включая отказ от использования запрещенного оружия и

Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 134—143.

² Зверев П.Г. Проблемы взаимодействия международной защиты прав человека и международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов // Международное право. 2015. № 4. С. 1—22.

¹ Алешин В.В. Правовое регулирование вооруженного конфликта немеждународного характера //

предотвращение нападений на гражданских. При нарушении правил комбатант подлежит ответственности перед мировым сообществом и судами государств, где совершены соответствующие нарушения. Участники боевых действий несут ответственность за свои поступки в ходе вооруженных конфликтов. В соответствии с международным правом, комбатанты могут быть привлечены к уголовной ответственности за несоблюдение международного гуманитарного права, в том числе военные преступления, такие как убийства, пытки и принуждение к труду¹.

В числе ключевых обязанностей участников вооруженных конфликтов стоит выделить строгое соблюдение запрета на нападение на гражданских лиц. Эта норма войдет в историю как одна из самых первых в доктрине вооруженных конфликтов. Большинство ученых соглашаются с тем, что главной целью вооруженных конфликтов является подавление военной мощи противника, а гражданские население не должно быть жертвой этой борьбы. Этот принцип закреплен практически во всех международных нормативных актах, касающихся конфронтации. В 1971 г., например, Генеральная Ассамблея ООН вынесла приговор Португалии за массовые бомбардировки гражданского населения, а также за беспощадное и массовое уничтожение деревень и имущества в Анголе и Мозамбике. Прецедентом подобного рода действий служит Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ), созданный Организацией Объединенных Наций с целью судебного преследования лиц, ответственных за военные преступления в период конфликтов на Балканах в 1990-х годах.

При этом статус комбатанта не является бессрочным и подлежит утрате при нарушении правил ведения боевых действий или в случае прекращения активного участия в вооруженном конфликте. При этом лица, утратившее статус комбатанта,

обязаны соблюдать правила, установленные для гражданских лиц в период вооруженного конфликта. Правовой статус комбатантов играет важную роль в регулировании вооруженных конфликтов и защите прав и интересов всех участников. Правовой статус комбатантов имеет значение в контексте международного уголовного права, где нарушение правил ведения военных действий может рассматриваться как военное преступление².

Командиры, которые также являются комбатантами, обязаны контролировать соблюдение норм международного гуманитарного права и предпринимать действия для того, чтобы их подчиненные были в курсе своих обязательств по соблюдению Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительного протокола I от 1977 г. Они обязаны: придерживаться принципов международного гуманитарного права; гарантировать соблюдение своими подчиненными его норм; знакомить своих подчиненных с нормами международного гуманитарного права и принимать меры для предотвращения нарушений этих норм в ходе военных действий. Если нарушения уже были совершены, командиры должны принять меры по пресечению и уведомлению вышестоящих органов военного управления об этих нарушениях. Кроме того, они должны принимать профилактические меры и привлекать к дисциплинарной или уголовной ответственности тех, кто совершил нарушения.

В соответствии с п. 2 ст. 44 Дополнительного протокола I комбатанты, нарушающие нормы международного гуманитарного права в ходе военных конфликтов, привлекаются к соответствующей ответственности. При этом они могут быть лишены правового статуса комбатанта. Вместе с тем комбатанты не могут быть лишены своего статуса комбатанта, если попадают в плен, а также не могут быть лишены и статуса военнопленных.

¹ Фирузи Ш.Ф. Понятие и особенности комбатантов в международном гуманитарном праве // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4. С. 190—196.

² Киркитадзе Э.Е. Понятие «комбатант» и «некомбатант» в международном праве // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 3. С. 214—218.

Само понятие «военнопленный» относится к лицу, которое было захвачено в плен во время военного конфликта противником и которое служило в армии, являлось участником ополчения или добровольческого отряда, выступавшего открыто против врага и соблюдающего законы войны. Также запрещено причинять физическое калечение или использовать военнопленных в качестве объектов научных или медицинских экспериментов, которые не обусловлены лечебными целями и не соответствуют интересам военнопленного. Эти действия признаются военными преступлениями. Однако исключения (только при добровольном согласии военнопленного) разрешены в соответствии со ст. 11 Дополнительного протокола I, которая допускает взятие крови для переливания или кожи для пересадки.

Комбатанты могут быть привлечены к уголовной ответственности в случае совершения преступлений до или во время интернирования. Однако III Женевская конвенция определяет, что если военнопленный был оправдан судом, то он должен быть освобожден. В случае, если возникают вопросы относительно статуса военнопленного, его статус должен быть определен компетентным судом. Права и обязанности комбатантов соответствуют принципам международного гуманитарного права, регулирующимся Гаагскими конвенциями и обычаями войны. В период военных действий существуют ограничения на действия комбатантов, а командиры ответственны за действия своих подчиненных.

Что же касается такой категории, как партизаны, то нормы международного гуманитарного права, которые касаются их правового статуса, на протяжении всей истории были предметом постоянных дебатов и изменений. Современное понимание правового статуса партизан было сформировано рядом важных международных инструментов, которые обеспечивают основу для защиты гражданских лиц и комбатантов, не входящих в состав вооруженных сил, а также для регулирования боевых действий во время вооруженных конфликтов. Правовой статус партизан

основывается на принципе различия, согласно которому стороны конфликта должны проводить различие между комбатантами и некомбатантами. Партизаны считаются комбатантами, если они входят в состав организованных вооруженных формирований, находящихся под ответственным командованием, носят закрепленный отличительный знак, узнаваемый на расстоянии, и открыто носят оружие во время боевых действий¹.

Помимо Четвертой Женевской конвенции о защите жертв военных действий существуют и другие международные документы, предусматривающие защиту партизан в соответствии с международным гуманитарным правом. Так, Протокол II содержит нормы, направленные на обеспечение гуманного обращения с непричастными к вооруженному конфликту лицами и защиту прав и интересов населения в немеждународных вооруженных конфликтах, которые могут включать партизанскую войну². Он устанавливает права и обязанности воюющих сторон в отношении лиц, которые участвуют в военных действиях.

Вместе с тем не все государства ратифицировали Протокол II, и даже те, которые это сделали, могут не полностью выполнять его положения. В ситуациях, когда нет вооруженного конфликта, партизаны могут считаться преступниками в соответствии с национальным законодательством, а не комбатантами согласно международному гуманитарному праву. Однако там, где конфликт соответствует критериям немеждународного вооруженного конфликта, принимаются нормы международного гуманитарного права о статусе партизан³.

¹ International Committee of the Red Cross. Interpretive guidance on the notion of direct participation in hostilities under international humanitarian law. 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/icrc-002-0990.pdf>

² Scheipers S. Fighting irregular fighters: Is the law of armed conflict outdated? // Parameters. 2014.

³ Zegveld L., Kalshoven F. Constraints on the Waging of War // Constraints on the Waging of War. 2001.

В целом нормы международного гуманитарного права предполагают защиту и партизан, если они отвечают определенным критериям для того, чтобы считаться комбатантами, а не гражданскими лицами. В соответствии с международным гуманитарным правом партизаны, которые принимают непосредственное участие в боевых действиях в рамках вооруженного конфликта, могут получить статус военнопленных, а те, кто не соответствует этим критериям, должны по-прежнему иметь право на гуманное отношение и защищаться от насилия и запугивания. Однако применение этих норм зависит от конкретных обстоятельств каждого конфликта и действий вовлеченных сторон.

Принципы международного гуманитарного права о статусе партизан являются важной составляющей правовой базы, регулирующей вооруженные конфликты. В то время как критерии определения статуса партизан являются предметом постоянных дискуссий, защита, предоставляемая комбатантам, отвечающим этим критериям, хорошо зарекомендовала себя в соответствии с Женевскими конвенциями и Дополнительными протоколами. Однако обеспечение соблюдения этих норм остается проблемой, особенно в ситуациях, когда негосударственные субъекты вовлечены в вооруженные конфликты.

Таким образом, в соответствии с международным гуманитарным правом комбатанты имеют определенные права и обязанности, которые направлены, в том числе, и на обеспечение защиты гражданских лиц и минимизацию последствий вооруженных конфликтов:

— право на использование насилия, но только в рамках необходимости в военном конфликте. Запрещается нападение на гражданских лиц или некомбатантов;

— при попадании в плен, комбатант автоматически приобретает статус «покровительствуемого лица» согласно положениям Женевских конвенций, который предоставляется ему автоматически и без формального признания;

— комбатант обязан быть в форме, предусмотренной правилами, и иметь установленные знаки отличия, а также носить предписанное оружие;

— комбатант должен соблюдать баланс между требованиями гуманности и необходимостью в военном конфликте.

Комбатанты должны уважать правила войны и следить за тем, чтобы их действия не причиняли вреда раненым, гражданскому населению или военнопленным. Соблюдение правил ведения войны является обязательным для комбатантов, и нарушение этих правил может привести к привлечению к уголовной ответственности в соответствии с международным правом.

Соблюдение комбатантами правил войны дает им право на определенную защиту, в частности, на получение статуса военнопленного или защиту от судебного преследования за действия, которые были совершены во время конфликта. В этой связи, правовой статус комбатантов является важнейшим элементом международного гуманитарного права и должен соблюдаться всеми сторонами в вооруженных конфликтах.

Библиография

1. Алешин, В.В. Правовое регулирование вооруженного конфликта немеждународного характера / В.В. Алешин // Московский журнал международного права. — 2021. — №. 2. — С. 134—143.
2. Грицаев, С.А. Международный уголовный суд: принципы деятельности, юрисдикция, правила процедуры / С.А. Грицаев // Вестник Московского университета МВД России. — 2013. — №. 10. — С. 124—133.
3. Зверев, П.Г. Проблемы взаимодействия международной защиты прав человека и международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов / П.Г. Зверев // Международное право. — 2015. — №. 4. — С. 1—22.
4. Киркитадзе, Э.Е. Понятие «комбатант» и «некомбатант» в международном праве / Э.Е. Киркитадзе // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. — 2018. — №. 3. — С. 214—218.
5. Лукашук, И.И. Международный уголовный суд / И.И. Лукашук // Российский юридический журнал. — 1999. — №. 2. — С. 71—83.
6. Лямин, Н.М. Международный уголовный суд и ответственность за преступные нарушения прав человека / Н.М. Лямин. — Москва, 2017.
7. Фирузи, Ш.Ф. Понятие и особенности комбатантов в международном гуманитарном праве / Ш.Ф. Фирузи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. — 2019. — №. 4. — С. 190—196.
8. Scheipers, S. Fighting irregular fighters: Is the law of armed conflict outdated? / S. Scheipers // Parameters. — 2014.

Законодательное регулирование статуса внутренних войск в Азербайджанской Республике

© Милёхин Валентин Анатольевич,
генерал-майор полиции, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

Аннотация. Потребности совершенствования российского законодательства в области обороны и обеспечения национальной безопасности требуют четкого установления правового положения всех субъектов, входящих в государственную военную организацию нашей страны, в том числе органов и войск национальной гвардии. Образование в соответствии с Указом Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации явилось продолжением начатых ранее реформ государственной военной организации для повышения её эффективности в целях обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Правовой статус Росгвардии до настоящего времени не является до конца определенным, что показало участие войск национальной гвардии в специальной военной операции. С целью совершенствования правового положения, организации и деятельности Росгвардии и войск национальной гвардии необходимо провести сравнительно-правовые исследования российского и зарубежного законодательства в рассматриваемой области, положительные результаты которых можно было бы использовать в целях совершенствования российского законодательства.

Ключевые слова: конституционное право; военное право; административное право; законодательное регулирование; оборона; национальная безопасность; охрана общественного порядка; обеспечение общественной безопасности; войска национальной гвардии; внутренние войска; интересы личности, общества и государства; конституционные права и свободы граждан; преступные и иные противоправные посягательства; правовой статус; сравнительное правоведение.

Legislative regulation of the status of internal troops in the Republic of Azerbaijan

© Milekhin V.A.,
Major General of the Police, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Management of the Activities of Public Order Units of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Resume: The needs of improving Russian legislation in the field of defense and ensuring national security require a clear establishment of the legal status of all entities included in the state military organization of our country, including the bodies and troops of the National Guard. The formation in accordance with Decree of the President of the Russian Federation of April 5, 2016 No. 157 of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation was a continuation of the previously begun reforms of the state military organization to increase its effectiveness in order to ensure state and public security, protection rights and freedoms of man and citizen. The legal status of the FSVNG has not yet been fully determined, as demonstrated by the participation of National Guard troops in a special military operation. In order to improve the legal status, organization and activities of the National Guard and the National Guard troops, it is necessary to conduct comparative legal studies of Russian and foreign legislation in the area under consideration, the positive results of which could be used to improve Russian legislation.

Key words: constitutional law; military law; administrative law; legislative regulation; defense; National security; public order protection; ensuring public safety; National Guard troops; internal troops; interests of the individual, society and state; constitutional rights and freedoms of citizens; criminal and other illegal attacks; legal status; comparative law.

Одной из важнейших задач, стоящих перед военно-правовой наукой, является четкое определение сил и средств, обеспечивающих оборону и национальную безопасность Российской Федерации¹. Совершенствование российского законодательства в области обороны и обеспечения национальной безопасности требует четкого определения правового положения всех субъектов, входящих в государственную военную организацию Российской Федерации², в том числе органов и войск национальной гвардии. Образование в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 Росгвардии явилось продолжением начатых ранее реформ государственной военной организации³ для повышения её эффективности в целях обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина⁴.

¹ Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10(291). С. 2—10; Корякин В.М. Военное право как наука // Военное право. 2021. № 5(69). С. 9—21; Туганов Ю.Н., Аулов В. К. Объективация национальных интересов Российской Федерации в нормах военного права: современный подход // Военное право. 2022. № 4(74). С. 73—81.

² Корякин В.М. Военная организация государства: эволюция структуры // Военный академический журнал. 2016. № 2(10). С. 12—22; Корякин В.М. Военная организация государства: структура, предназначение и перспективы развития // Вестник военного права. 2016. № 1. С. 47—54.

³ Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А.А. Прохожева» (РАН-ХиГС, Москва, 21 апреля 2023 г.) / О.Ф. Акбашев, К.В. Алексеев, В.П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4(48). С. 158—191; Туганов Ю.Н. Аулов В.К. Объективация национальных интересов Российской Федерации в нормах военного права: современный подход // Военное право. 2022. № 4(74). С. 73—81.

⁴ Правовое обеспечение национальной безопасности : учебное пособие / Ю.Н. Туганов, В.И. Баро-

Указом Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации» было утверждено Положение о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, в соответствии с которым Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности, в сфере частной детективной деятельности, в сфере вневедомственной охраны, а также в сфере обеспечения общественной безопасности в пределах своих полномочий.

Был принят Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (далее — ФЗ № 226), в котором войска национальной гвардии были определены как государственная военная организация, предназначенная для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. С образованием Росгвардии заметно усилилась функция обеспечения национальной безопасности как одна из важнейших функции современного российского государства⁵.

С учетом образования Росгвардии изменилась компетенция органов внутренних дел Российской Федерации, изменения и дополнения были внесены в значитель-

нов, С.И. Журавлев [и др.]. — 2-е изд., пер. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2023.

⁵ Редкоус В.М. К вопросу об обеспечении национальной безопасности как функции современного российского государства // Право и государство: теория и практика. 2009. № 1(49). С. 97—100.

ное количество законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регламентирующих различные стороны деятельности государства и его органов в сфере обороны и обеспечения национальной безопасности¹. И этот процесс формирования компетенции органов и войск национальной гвардии продолжается и в настоящее время, с учетом их активного участия в решении задач специальной военной операции².

Правовой статус Росгвардии четко и окончательно не определен и до настоящего времени, что показало участие войск национальной гвардии в специальной военной операции. С целью совершенствования правового положения, организации и деятельности Росгвардии и войск национальной гвардии необходимо провести сравнительно-правовые исследования российского и зарубежного законодательства, а полученные положительные результаты использовать в целях совершенствования российского законодательства.

Рассмотрим опыт Азербайджанской Республики в рассматриваемой области. Базовым законодательным актом, регламентирующим общественные отношения в области деятельности внутренних войск, является Закон Азербайджанской Республики от 8 февраля 1994 г. № 781 «О статусе внутренних войск» (далее — Закон АЗР о ВВ). В соответствии с данным законом АЗР внутренние войска Азербайджанской Республики (далее — ВВ АЗР, ВВ) во исполнение возложенных на них обязанностей, защищают интересы личности, общества и государства, конституционные права и свободы граждан от преступных и

иных противоправных посягательств. В ст. 6 Закона АЗР о ВВ закреплён состав внутренних войск. Внутренние войска АЗР состоят из:

- а) воинских частей и подразделений по охране важных государственных объектов и специальных грузов;
- б) моторизованных, морских, авиационных воинских частей и подразделений;
- в) воинских частей и подразделений оперативного назначения;
- г) военно-образовательных заведений;
- д) органов и учреждений управления, а также специальных подразделений по обеспечению деятельности внутренних войск (строительство, связи и др.)³.

Войска национальной гвардии Российской Федерации, как закреплено в ФЗ № 226, являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, произошло определенное смещение акцентов в предназначении войск национальной гвардии Российской Федерации к обеспечению государственной и общественной безопасности в их современном понимании⁴.

Основными принципами деятельности ВВ АЗР являются законность, уважение прав и свобод человека, гуманизм, единоначалие, централизация управления, всеобщая воинская обязанность и комплектование войск в добровольном порядке по контракту, экстерриториальное прохождение службы военнослужащими. Войска национальной гвардии Российской Федерации осуществляют свою деятельность на основе принципов законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, единоначалия и централизации управления. Несмотря на определенные различия в формулировках, можно говорить об отно-

¹ Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности / Милёхин В.А., Носатов Ю.Н., Шевцов А.В. [и др.] : учебник : в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2023. Ч. 1; Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : учебник : в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2023. Ч. 2.

² Корякин В.М. Специальная военная операция диктует необходимость корректировки законодательства о военной службе и социальной защите военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 9(302). С. 2—5.

³ Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. Военная администрация : учебное пособие для вузов / 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2022.

⁴ Редкоус В.М. Некоторые вопросы совершенствования стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2009. № 8(56). С. 83—88.

сительном единстве основных принципов деятельности и внутренних войск АзР, и войск национальной гвардии Российской Федерации.

Внутренние войска АзР защищают от преступных посягательств каждую личность независимо от ее гражданства, места жительства, социального происхождения, имущественного и должностного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, возраста, образования, языка, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям. Любое ограничение прав и свобод граждан допустимо лишь на основании и в порядке, предусмотренных законом.

В основе правового статуса ВВ АзР лежат обязанности и права, закрепленные законодательством. Обязанности и права характеризуют компетенцию любого органа исполнительной власти, а также любой организации¹.

Внутренние войска АзР, реализуя возложенные на них Законом АзР обязанности: а) охраняют важные государственные объекты, коммуникационные сооружения, специальные грузы; б) участвуют в ликвидации последствий катастроф, пожаров, стихийных бедствий и других подобных случаев на охраняемых объектах и сооружениях; в) участвуют в розыске и задержании лиц, проникших на охраняемую территорию; г) помогают в пресечении массовых беспорядков в исправительно-трудовых учреждениях; д) участвуют в розыске и задержании осужденных и лиц, заключенных под стражу, бежавших из-под охраны; е) охраняют склады и военные базы управлений материально-технического и военного снабжения МВД АзР; ж) участвуют совместно с другими органами внутренних дел в охране общественного порядка посредством несения патрульно-постовой службы в городах и других населенных пунктах, а также в обеспечении общественной безопасности

при проведении массовых мероприятий; з) оказывают содействие органам внутренних войск в принятии неотложных мер по спасению людей, охране имущества, оставшегося без присмотра, охране общественного порядка при авариях, катастрофах, пожарах, стихийных бедствиях и других чрезвычайных обстоятельствах, а также при обеспечении правового режима чрезвычайного положения; и) участвуют в пресечении массовых беспорядков в населенных пунктах; к) в случае необходимости участвуют в территориальной обороне АзеР. Иные обязанности на ВВ АзР могут быть возложены только законом. При этом устанавливается запрет на привлечение ВВ АзР для пресечения несанкционированных митингов, собраний, уличных шествий и демонстраций ненасильственного характера.

Закон АзР устанавливает, что военнослужащие внутренних войск при исполнении возложенных на них обязанностей имеют право: а) требовать от граждан и должностных лиц соблюдения общественного порядка, пресекать преступления, административные правонарушения и действия, препятствующие исполнению их обязанностей; б) проверять у граждан и должностных лиц документы, удостоверяющие их личность, если имеются достаточные основания подозревать их в совершении преступления или административного правонарушения; в) задерживать и доставлять в органы полиции лиц, совершивших правонарушение или покушающихся на его совершение, либо с целью установления личности в порядке, установленном законом; г) задерживать на срок до трех часов и содержать в служебных помещениях до передачи органам полиции лиц, посягавших на охраняемые объекты, производить их личный досмотр, досмотр их вещей и документов; д) производить досмотр транспортных средств и плавательных средств (судов), нарушивших правила, установленные на охраняемых внутренними войсками объектах; е) в случае необходимости входить в порядке, установленном законодательством на территории, в помещения предприятий, учреждений, организаций независимо от форм

¹ Прудникова Т.А., Редкоус В.М., Акимова С.А. Административно-правовой статус органов исполнительной власти (на примере миграционных служб) : учебн. пос. по спец. «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

собственности (за исключением имеющих дипломатический иммунитет) и осматривать их в целях пресечения преступлений, поиска и задержания лиц, проникших на охраняемую территорию, розыска лиц, отбывающих наказание или находящихся в местах предварительного заключения и бежавших из мест лишения свободы или из-под охраны; ж) производить по решению старшего оперативного начальника, а в исключительных случаях — командира воинской части или подразделения оцепление участков местности, отдельных строений и других объектов при розыске лиц, отбывающих наказание или находящихся в местах предварительного заключения и бежавших из мест лишения свободы или из-под охраны, преследовании лиц, проникших на охраняемую территорию, пресечении массовых беспорядков и групповых нарушений общественного порядка, а также при ликвидации последствий стихийных и других бедствий, аварий и катастроф, эпидемий и эпизоотий, других подобных случаев, осуществляя при необходимости досмотр транспортных средств и плавательных средств (судов); з) производить обыск при задержании лиц, отбывающих наказание или находящихся в местах предварительного заключения и бежавших из мест лишения свободы или из-под охраны; и) поощрять граждан, оказавших содействие внутренним войскам при исполнении возложенных на эти войска обязанностей.

Особенно важно учитывать возможности внутренних войск в реализации административно-правовых режимов, устанавливаемых в целях обеспечения национальной безопасности, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности¹.

В Законе АзР о ВВ определены Полномочия Верховного Совета АзР, Президента АзР и Кабинета министров АзР, а также обязанности государственных орга-

нов и их должностных лиц, по содействию ВВ.

Так, государственные органы и их должностные лица в пределах своих полномочий оказывают содействие ВВ в выполнении возложенных на них задач. Министерство обороны АзР осуществляет призыв граждан на военную службу и военные сборы во внутренние войска, предоставляет самолеты военно-транспортной авиации для перевозки личного состава и техники внутренних войск при выполнении ими задач в условиях чрезвычайных обстоятельств, оказывает помощь в подготовке и повышении квалификации офицерских кадров внутренних войск.

Министерства и ведомства АзР на основании отдельного распоряжения Кабинета министров АзР осуществляют в первоочередном порядке бесплатно: на своих аэродромах посадку, стоянку, заправку и взлет воздушных судов, выполняющих специальные полетные задания для выполнения задач, возложенных на внутренние войска; предоставляют внутренним войскам во временное пользование специальные вагоны, плавательные средства (суда), выделяют на железнодорожных станциях оборудованные места для отстоя, перегона вагонов, посадки-высадки вооруженного конвоя в специальные вагоны; оказывают содействие в перевозке военнослужащих внутренних войск, исполняющих служебные обязанности, всеми видами транспорта; предоставляют линии и каналы связи для управления воинскими частями и подразделениями внутренних войск, выполняющими задачи по обеспечению правового режима чрезвычайного положения и устранению последствий чрезвычайных обстоятельств.

Министр внутренних дел АзР в пределах предоставленной компетенции: осуществляет руководство ВВ и обеспечивает при исполнении возложенных на них обязанностей соблюдение законности и выполнение требований законов АзР, нормативных актов и решений Президента и Кабинета министров АзР; представляет Президенту АзР кандидатуру к назначению командующего ВВ АзР и офицеров к присвоению воинских званий высшего офи-

¹ Редкоус В. М. Понятие административно-правовых режимов, устанавливаемых в области обеспечения национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2009. № 12 (60). С. 92—95.

церского состава; назначает по представлению командующего ВВ АзР офицеров на должности от командира полка и выше; присваивает первичные офицерские звания и звание полковника; увольняет с военной службы офицеров в соответствии с действующим законодательством; организует отбор лиц, призванных во ВВ АзР на основании указов Президента АзР, через командующего ВВ АзР, территориальные органы ВВ; оказывает членам семей погибших (умерших) военнослужащих ВВ содействие в трудоустройстве, принимает меры по их материальному и бытовому обеспечению в соответствии с действующим законодательством; 3) определяет состав военного совета ВВ АзР.

Командующий ВВ АзР, будучи одновременно заместителем министра внутренних дел АзР и прямым начальником всего личного состава внутренних войск: осуществляет непосредственное управление ВВ АзР, несет персональную ответственность за поддержание боевой и мобилизационной готовности и успешное выполнение возложенных на них задач; готовит и вносит на рассмотрение министра внутренних дел АзР предложения по совершенствованию деятельности и структуры ВВ, проведению организационных мероприятий; принимает меры для комплектования ВВ АзР военнослужащими срочной службы по призыву, производит их увольнение с военной службы в соответствии с указами Президента АзР и приказами министра внутренних дел АзР; издает приказы, директивы, инструкции, положения; утверждает планы и программы боевой и мобилизационной подготовки ВВ АзР, а также планы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; утверждает и вносит изменения в штаты воинских частей, учреждений и военно-образовательных заведений в пределах установленной для внутренних войск численности; в соответствии с законодательством поощряет и привлекает к ответственности военнослужащих, служащих и рабочих внутренних войск; дает заявки в Кабинет министров АзР и МВД АзР для обеспечения ВВ АзР материально-техническими средствами,

оружием, специальными средствами и боевой техникой; списывает пришедшие в негодное состояние имущество или утраченные материальные ценности и денежные средства войскового (бюджетного) учета в порядке, устанавливаемом министром внутренних дел и министром финансов АзР; в пределах полномочий, предоставленных в соответствии с законодательством АзР, в условиях введения режима чрезвычайного положения координирует действия ВВ АзР, соответствующих территориальных органов внутренних дел, привлекаемых для обеспечения режима чрезвычайного положения; изучает материалы по документальной ревизии и проверке деятельности частей ВВ АзР и утверждает заключения по данным материалам, принимает в соответствии с законодательством меры в отношении виновных лиц и по устранению выявленных нарушений и недостатков; определяет полномочия своих заместителей, руководителей отделов и других структурных подразделений Главного управления внутренними войсками, реализует иные полномочия.

Главное управление ВВ АзР (далее — ГУ ВВ АзР) возглавляет командующий внутренними войсками. ГУ ВВ АзР, будучи независимым структурным подразделением МВД АзР и юридическим лицом, обладает действительным и условным наименованием, соответствующими печатью и штампами. Порядок деятельности ГУ ВВ АзР устанавливается положением, утверждаемым министром внутренних дел АзР.

В ГУ ВВ АзР действует военный совет в соответствии с положением, утверждаемым Президентом АзР. В состав военного совета входят командующий ВВ (председатель совета), первый заместитель командующего ВВ — начальник штаба (заместитель председателя совета), заместители командующего ВВ, а также другие должностные лица ГУ ВВ АзР.

Самостоятельная гл. III Закона АзР посвящена службе во внутренних войсках¹. Личный состав ВВ включает воен-

¹ Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. К вопросу о понятии и системе кадрового обеспечения государ-

нослужащих, служащих и рабочих. Военнослужащие ВВ должны иметь необходимую профессиональную, правовую и физическую подготовку, умело владеть табельным оружием, специальными средствами и закрепленной за ними техникой. Служебная и трудовая деятельность служащих и рабочих ВВ регулируется соответствующими законодательными актами Азербайджанской Республики.

Военнослужащие ВВ проходят военную службу в соответствии с Законом АзР «О военной службе» и другими законодательными актами АзР, с учетом особенностей задач, устанавливаемых в Законе АзР о ВВ.

Комплектование ВВ осуществляется в добровольном порядке по контракту, а также на основе призыва граждан АзР на военную службу. Отбор призывников для прохождения военной службы во ВВ осуществляют совместно военные комиссариаты, территориальные органы внутренних дел и представители частей внутренних войск.

Внутренние войска имеют военно-образовательные заведения, осуществляющие подготовку и повышение квалификации кадров. Курсанты военно-образовательных заведений ВВ наряду с военно-учебной специальностью получают образование по одной из гражданских специальностей. Офицеры ВВ могут получать образование и в других специализированных учебных заведениях.

Военнослужащие ВВ АзР находятся при исполнении обязанностей военной службы при несении боевой службы в расположении воинской части, подразделения, учреждения, военно-образовательного заведения или вне их. Должностные обязанности военнослужащих ВВ и порядок их исполнения определяются Законом АзР, Уставом ВВ АзР, утверждаемым Президентом АзР, общевоинскими уставами

Вооруженных сил АзР и нормативными актами МВД АзР.

Исполнение обязанностей, возложенных на ВВ, осуществляется посредством боевой службы личного состава караулов и войсковых нарядов. Порядок и условия несения боевой службы военнослужащими ВВ, а также размеры ее оплаты устанавливаются законами АзР, указами Президента АзР и решениями Кабинета министров АзР.

Продолжительность исполнения обязанностей военнослужащих ВВ на боевой службе определяется фактическим временем нахождения военнослужащего в составе караула, войскового наряда, назначаемых для охраны порученных объектов, общественного порядка и других обязанностей, предусмотренных Законом АзР.

Порядок исполнения обязанностей, возложенных на воинские части и подразделения внутренних войск определяется Законом АзР, Уставом боевой службы ВВ и нормативными актами МВД АзР. Привлечение воинских частей и подразделений ВВ к исполнению обязанностей за пределами районов их дислокации может осуществляться министром внутренних дел АзР.

Внутренним войскам при исполнении обязанностей в условиях режима чрезвычайного положения в соответствии с законодательством АзР могут быть предоставлены следующие дополнительные права: а) входить в жилые и иные помещения граждан, на принадлежащие им земельные участки, на территории и в помещения предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности (за исключением имеющих дипломатический иммунитет), при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступления, либо при наличии достаточных данных о том, что там совершено или совершается преступление либо произошел несчастный случай; б) временно запрещать или ограничивать движение транспорта и пешеходов, осуществлять их досмотр на улицах и дорогах в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан; в) использовать транспортные средства предприятий, учреждений, организаций независимо от

ственной безопасности в деятельности органов государственной власти // Военно-юридический журнал. 2017. № 3. С. 3—6; Туганов Ю.Н. Некоторые аспекты системы кадрового обеспечения государственной безопасности Российской Федерации // Вестник военного права. 2017. № 3. С. 30—32.

форм собственности, общественных объединений или граждан (кроме средств, принадлежащих лицам, имеющим дипломатический иммунитет, или международным организациям) для проезда к месту чрезвычайных обстоятельств, доставления в лечебные учреждения граждан, нуждающихся в срочной медицинской помощи, преследовании лиц, совершивших преступления, и доставления их в органы полиции; г) не допускать граждан на отдельные участки местности и объекты, обязывать их остаться там или покинуть эти участки и объекты в целях защиты здоровья, жизни и имущества граждан; д) пользоваться беспрепятственно в служебных целях средствами связи, принадлежащими предприятиям, учреждениям, организациям независимо от форм собственности (за исключением имеющих дипломатический иммунитет) и общественным объединениям; е) получать безвозмездно от предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности (за исключением имеющих дипломатический иммунитет) информацию, необходимую для исполнения служебных обязанностей (за исключением случаев, когда законом установлен иной порядок получения соответствующей информации); ж) осуществлять при необходимости проверку у граждан документов, а в исключительных случаях, при имеющихся данных о наличии у них оружия, производить их личный досмотр, досмотр их вещей и транспортных средств; з) задерживать граждан, нарушивших режим комендантского часа, до его окончания, а лиц, не имеющих при себе документов, — до установления их личности в установленный законом срок. Обо всех случаях нарушения ВВ АзР личных или имущественных прав граждан или собственников командир воинской части в течении 24 часов уведомляет соответствующего прокурора или суд, занимающийся судебным надзором, совершает иные действия, предусмотренные законодательством Азербайджанской Республики.

Внутренние войска АзР имеют право применять физическую силу, хранить и применять специальные средства, табельное оружие и штатную боевую технику

только в случаях и порядке, предусмотренных Законом АзР (ст. 19). Военнослужащие ВВ обязаны проходить специальную подготовку, а также периодическую проверку на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств, оружия и боевой техники, а также на умение оказывать доврачебную помощь пострадавшим.

При применении физической силы, специальных средств, оружия или боевой техники военнослужащие ВВ обязаны:

- а) предупредить о намерении их использовать, предоставив при этом достаточно времени для выполнения своих требований, за исключением тех случаев, когда промедление в применении физической силы, специальных средств, оружия или боевой техники создает непосредственную опасность жизни и здоровью граждан, военнослужащих или сотрудников органов внутренних дел, может повлечь иные тяжкие последствия или когда такое предупреждение в создавшейся обстановке является неуместным или невозможным;
- б) обеспечить оказание доврачебной помощи лицам, получавшим телесные повреждения;
- в) незамедлительно доложить по команде о каждом случае применения физической силы, специальных средств, оружия и боевой техники;
- г) соответствующие командиры и начальники внутренних войск обязаны незамедлительно уведомить прокурора территории обо всех случаях ранения или смерти при применении физической силы, специальных средств, оружия и боевой техники. Применение физической силы, специальных средств, оружия или боевой техники с превышением полномочий влечет ответственность военнослужащих, установленную законодательством.

Военнослужащие ВВ АзР имеют право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, для пресечения преступлений и административных правонарушений, задержания лиц, их совершивших, преодоления противодействия законным требованиям военнослужащих внутренних войск, если иные способы не

обеспечивают исполнения возложенных на них обязанностей.

Военнослужащие ВВ АзР могут применять при необходимости перечисленные ниже специальные средства: резиновые палки; слезоточивый газ; наручники; светозвуковые средства отвлекающего воздействия; средства разрушения преград; средства принудительной остановки транспорта; водометы и бронемашинны (только по указанию командира воинской части с последующим уведомлением прокурора территории в течение 24 часов с момента применения); служебных собак.

Военнослужащие ВВ АзР имеют право лично или составом подразделения применять только указанные специальные средства в следующих случаях: а) для отражения нападения на граждан, военнослужащих или сотрудников органов внутренних дел — резиновые палки, слезоточивый газ, светозвуковые средства отвлекающего воздействия, служебных собак; б) для пресечения незаконного сопротивления, оказываемого военнослужащему внутренних войск, — резиновые палки, слезоточивый газ, наручники, служебных собак; в) для задержания лиц, застигнутых при совершении преступления против жизни, здоровья или собственности граждан и пытающихся скрыться — наручники, служебных собак; г) для задержания лиц, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они намерены оказать вооруженное сопротивление, — слезоточивый газ, наручники, светозвуковые средства отвлекающего воздействия, средства разрушения преград, водометы и бронемашинны, служебных собак; д) для доставления задержанных лиц в органы полиции, конвоирования и охраны лиц, подвергнутых административному аресту, когда они своим поведением дают основания полагать, что могут совершить побег либо причинить вред окружающим или себе, или оказывают противодействие военнослужащему внутренних войск, — служебных собак; е) для отражения нападения на военные городки, воинские эшелоны и колонны, охраняемые объекты, сооружения и грузы — резиновые палки, слезоточивый газ, светозвуковые средства отвлекающего

воздействия, водометы и бронемашинны, служебных собак; ж) для освобождения заложников, захваченных зданий, помещений, сооружений, транспортных средств и участков местности — резиновые палки, слезоточивый газ, светозвуковые средства отвлекающего воздействия, средства разрушения преград, водометы и бронемашинны, служебных собак; з) для пресечения массовых беспорядков и действий, нарушающих работу транспорта, связи, предприятий, учреждений и организаций, резиновые палки, слезоточивый газ, светозвуковые средства отвлекающего воздействия, водометы и бронемашинны, служебных собак; и) в условиях правового режима военного и чрезвычайного положения для остановки транспортных средств, водители которых не выполнили их законных требований остановиться, а также при задержании на транспортном средстве лиц, отбывающих наказание или находящихся в местах предварительного заключения и бежавших из мест лишения свободы или из-под охраны, — средства принудительной остановки транспорта; к) для розыска и задержания осужденных и лиц, отбывающих наказание или находящихся в местах предварительного заключения и бежавших из мест лишения свободы или из-под охраны, — резиновые палки, слезоточивый газ, наручники, светозвуковые средства отвлекающего воздействия, средства разрушения преград, средства принудительной остановки транспорта, водометы и бронемашинны, служебных собак.

Все виды специальных средств могут применяться также в случаях, предусмотренных частью первой ст. 22 Закона АзР.

Запрещается применять специальные средства в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности и малолетних, кроме случаев оказания ими вооруженного сопротивления, совершения нападения, угрожающего жизни и здоровью людей. В состоянии необходимой обороны или при крайней необходимости военнослужащий внутренних войск при отсутствии специальных средств или огнестрельного оружия вправе использовать подручные средства.

При необходимости после предупреждения военнослужащими ВВ АзР лично или составом подразделения оружие применяется в следующих случаях: а) для защиты граждан от нападения, угрожающего их жизни или здоровью; б) для отражения нападения на военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел и работников исправительно-трудовых учреждений, когда их жизни или здоровью угрожает опасность, а также для пресечения попыток завладеть их оружием; в) для освобождения заложников, захваченных охраняемых объектов, сооружений, грузов и боевой техники; г) для задержания лиц, застигнутых при совершении преступления против жизни, здоровья и собственности граждан и пытающихся скрыться, а также оказывающих вооруженное сопротивление; д) для пресечения побега из-под стражи лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления; лиц, в отношении которых мерой пресечения избрано заключение под стражу; лиц, осужденных к лишению свободы, а также для пресечения попыток насильственного освобождения указанных в настоящем пункте лиц; е) для остановки транспортного средства путем его повреждения, если водитель, в условиях режима чрезвычайного положения, отказывается остановиться на постах въезда-выезда из населенного пункта, несмотря на требование сотрудника или военнослужащего; ж) для отражения группового или вооруженного нападения на военные городки, воинские эшелоны и колонны, охраняемые объекты, сооружения и грузы, жилища граждан, помещения государственных органов, общественных объединений, предприятий, учреждений и организаций, в том числе с использованием транспортных средств; з) для подавления противодействия вооруженных групп, отказывающихся выполнить законные требования военнослужащих внутренних войск о сдаче имеющихся у них оружия и боевой техники; для прекращения противоправных действий; и) для предупреждения граждан о намерении применить оружие, подачи сигнала тревоги и вызова помощи.

Без предупреждения оружие применяется в следующих случаях: а) при отражении нападения с использованием оружия, боевой техники, и транспортных средств, в том числе летательных аппаратов, морских судов на охраняемый объект, подразделение, караул (войсковой наряд); б) при отражении нападения лиц, лишенных свободы, либо совершении с их стороны иных умышленных действий, непосредственно угрожающих жизни исполняющих служебные обязанности личного состава внутренних войск и органов внутренних дел, работников суда и прокуратуры; в) при задержании преступника (нарушителя), оказывающего вооруженное сопротивление; а равно при побеге осужденного из-под охраны с оружием или при помощи транспортных средств, либо в условиях ограниченной видимости, либо в лесистой местности, либо из транспортных средств во время движения.

Оружие запрещается применять в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности и несовершеннолетних, когда возраст очевиден, кроме случаев оказания ими вооруженного сопротивления либо группового нападения, угрожающих жизни людей, а также на многолюдных улицах, площадях и в других общественных местах, когда могут пострадать посторонние лица, и в направлении огнеопасных и взрывоопасных складов (хранилищ). За незаконное применение оружия военнослужащий несет ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Штатная боевая техника, состоящая на вооружении внутренних войск, применяется в следующих случаях: а) для освобождения заложников, захваченных охраняемых объектов, сооружений, грузов и боевой техники; б) для задержания лиц, оказывающих вооруженное сопротивление; в) для остановки транспортных средств в условиях правового режима чрезвычайного положения; г) для отражения группового или вооруженного нападения на военные городки, воинские эшелоны и колонны, охраняемые объекты, сооружения и грузы, жилища граждан, помещения государственных органов, обще-

ственных объединений, предприятий, учреждений и организаций, в том числе с использованием транспортных средств; д) для подавления противодействия вооруженных групп, отказывающихся выполнить законные требования военнослужащих внутренних войск о сдаче имеющихся у них оружия и боевой техники, для прекращения противоправных действий.

Закон АзР устанавливает гарантии личной безопасности военнослужащего ВВ. Так, военнослужащий ВВ АзР имеет право обнажить оружие и привести его в готовность, если считает, что в создавшейся обстановке могут возникнуть основания для его применения, предусмотренные ст. 22 Закона АзР. Попытки задерживаемого лица приблизиться к военнослужащему ВВ АзР с обнаженным холодным или огнестрельным оружием либо предметами, с помощью которых может быть нанесено телесное повреждение, сократив при этом указанное военнослужащим расстояние, а также попытки прикоснуться к оружию военнослужащего предоставляют право последнему применить оружие в соответствии с пунктом «б» ч. 1 ст. 22 Закона АзР. В интересах обеспечения безопасности военнослужащих и членов их семей не допускается обнародование в медиа сведений о местах дислокации (передислокации) воинских частей, прохождения службы и жительства военнослужащих ВВ. Информация о служебно-боевой деятельности ВВ АзР может предоставляться только с разрешения командира воинской части, Главного управления внутренними войсками или начальника военно-образовательного заведения.

Достаточно важные положения закреплены в ст. 26 Закона АзР, которая называется «Правовое положение военнослужащих внутренних войск». Права, обязанности, гарантии военнослужащих ВВ АзР, ограничение их прав и ответственность в связи с несением военной службы определяются Законом АзР «О статусе военнослужащих» и другими законодательными актами. Военнослужащие ВВ АзР при исполнении своих служебных обязанностей, находясь под защитой государства, самостоятельно принимают реше-

ния, относящиеся по закону к их компетенции, и осуществляют (в том числе в принудительном порядке) их исполнение.

Анализируя положения Закона Азербайджанской Республики от 8 февраля 1994 г. № 781 «О статусе внутренних войск», вспоминается старый добрый Федеральный закон от 6 февраля 1997 г. № 27-ФЗ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», с его достоинствами и недостатками, утративший силу в связи с принятием Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

Закон Азербайджанской Республики от 8 февраля 1994 г. № 781 является свидетельством имевших место единых подходов законодателей государств — участников СНГ к определению места и роли внутренних войск в деле обеспечения безопасности личности, общества и государства, защиты прав и свобод человека и гражданина от преступных и иных противоправных посягательств. Однако и сейчас, несмотря на появившиеся различия, во многом задачи, стоящие перед и войсками национальной гвардии Российской Федерации, и перед внутренними войсками Азербайджанской Республики, обладают достаточной степенью схожести, что создает хорошие условия для проведения сравнительно-правовых исследований¹ и

¹ Редкоус В.М. Сравнительному правоведению в области обеспечения национальной безопасности - новые грани развития // Актуальные вопросы применения норм административного права («Корневские чтения») (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя): Сб. науч. тр. VI Межд. науч.-практ. конф., Москва, 28 апреля 2022 г. / Сост. Г.Н. Василенко. — М.: Московский университет Министерства внутренних дел РФ им. В.Я. Кикотя, 2022. — С. 329-336; Туганов, Ю.Н. Оперативно-разыскная, разведывательная и контрразведывательная деятельность: сравнительно-правовой анализ зарубежного и отечественного законодательства / Ю.Н.

взаимного обогащения национальных правовых систем новыми подходами к решению вопросов, возникающих в деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации и внутренних войск Азербайджанской Республики.

Библиография

1. Корякин, В.М. Военная организация государства: структура, предназначение и перспективы развития / В.М. Корякин // Вестник военного права. — 2016. — № 1. — С. 47—54.
2. Корякин, В.М. Военная организация государства: эволюция структуры / В.М. Корякин // Военный академический журнал. — 2016. — № 2(10). — С. 12—22.
3. Корякин, В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 10(291). — С. 2—10.
4. Корякин, В.М. Военное право как наука / В.М. Корякин // Военное право. — 2021. — № 5(69). — С. 9—21.
5. Корякин, В.М. Специальная военная операция диктует необходимость корректировки законодательства о военной службе и социальной защите военнослужащих / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 9(302). — С. 2—5.
6. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А. А. Прокожева» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 г.) / О.Ф. Акбашев, К.В. Алексеев, В.П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. — 2023. — № 4(48). — С. 158—191.
7. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности / Милёхин В.А., Носатов Ю.Н., Шевцов А.В. [и др.] : учебник : в 2 ч. — Москва: Академия управления МВД России, 2023. — Ч. 1. — 360 с.
8. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : учебник : в 2 ч. — Москва: Академия управления МВД России, 2023. — Ч. 2. — 312 с.
9. Правовое обеспечение национальной безопасности : учеб. пос. / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. — 2-е изд., пер. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 180 с.
10. Прудникова, Т.А. Административно-правовой статус органов исполнительной власти (на примере миграционных служб) : учеб. пос. по спец. «Юриспруденция» / Т.А. Прудникова, В.М. Редкоус, С.А. Акимова. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 139 с.
11. Редкоус, В.М. К вопросу об обеспечении национальной безопасности как функции современного российского государства / В.М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. — 2009. — № 1(49). — С. 97—100.
12. Редкоус, В.М. Некоторые вопросы совершенствования стратегии национальной безопасности Российской Федерации / В.М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. — 2009. — № 8(56). — С. 83—88.
13. Редкоус, В.М. Понятие административно-правовых режимов, устанавливаемых в области обеспечения национальной безопасности / В.М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. — 2009. — № 12(60). — С. 92—95.
14. Редкоус, В.М. Сравнительному правоведению в области обеспечения национальной безопасности - новые грани развития / В.М. Редкоус // Актуальные вопросы применения норм административного права («Кореневские чтения») (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) : Сб. науч. тр. VI Межд. науч.-практ. конф., Москва, 28 апреля 2022 г. / сост. Г.Н. Василенко. — Москва: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. — С. 329—336.
15. Туганов, Ю.Н. Военная администрация: учеб. пос. для вузов / Ю.Н. Туганов, С.И. Журавлев. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Изд-во Юрайт, 2022. — 197 с.
16. Туганов, Ю.Н. Некоторые аспекты системы кадрового обеспечения государственной безопасности Российской Федерации / Ю.Н. Туганов // Вестник военного права. — 2017. — № 3. — С. 30—32.
17. Туганов, Ю.Н. К вопросу о понятии и системе кадрового обеспечения государственной безопасности в деятельности органов государственной власти / Ю.Н. Туганов, С.И. Журавлев // Военно-юридический журнал. — 2017. — № 3. — С. 3—6.
18. Туганов, Ю.Н. Объективация национальных интересов Российской Федерации в нормах военного права: современный подход / Ю.Н. Туганов, В. К. Аулов // Военное право. — 2022. — № 4(74). — С. 73—81.
19. Туганов, Ю.Н. Оперативно-разыскная, разведывательная и контрразведывательная деятельность: сравнительно-правовой анализ зарубежного и отечественного законодательства / Ю.Н. Туганов, И.В. Петров // Военное право. — 2017. — № 1(41). — С. 340—349.

Правовое регулирование прохождения военной службы по законодательству Азербайджанской Республики

© Редкоус Владимир Михайлович,
доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук

Аннотация. Потребности совершенствования российского законодательства о воинской обязанности и военной службе, вызванные возрастанием значимости военной деятельности для обеспечения обороны и безопасности государства, фактором проведения специальной военной операции, обуславливают возрастание роли сравнительно-правовых исследований, результаты которых могут быть использованы в целях совершенствования российского законодательства. В статье рассмотрены основные положения Закона Азербайджанской Республики от 23 декабря 2011 г. № 274-IVQ «О воинской обязанности и военной службе», выработан ряд предложений по совершенствованию Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

Ключевые слова: государственная служба; военная служба; военнослужащие; поступление на военную службу; прохождение военной службы; воинский учет граждан; подготовка граждан к военной службе; призыв на действительную военную службу; отсрочка и освобождение от призыва на срочную действительную военную службу; служба в запасе; оборона; национальная безопасность; сравнительное правоведение.

Legal regulation of military service under the legislation of the Republic of Azerbaijan

© Redkous V.M.,
D.Sc. in law, Professor, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of the State and Law, Russian Academy of Science

Resume. The needs of improving Russian legislation on conscription and military service, caused by the increasing importance of military activities for ensuring the defense and security of the state, the factor of conducting a special military operation, determine the increasing role of comparative legal research, the results of which can be used to improve Russian legislation. The article examines the main provisions of the Law of the Azerbaijan Republic dated December 23, 2011 No. 274-IVQ «On military duty and military service», a number of proposals for improving the Federal Law dated March 28, 1998 No. 53-FZ «On military duty and military service» are developed».

Key words: public service; military service; military personnel; entry into military service; military service; military registration of citizens; preparing citizens for military service; conscription for active military service; deferment and exemption from conscription for urgent active military service; reserve service; defense; National security; comparative law.

Одной из наиболее значимых для развития не только современной России, но и в масштабе человечества, является профессия юриста, справедливо говорит профессор Ю.Н. Туганов¹. Во многом от юристов зависит качество подготавливаемых

нормативных правовых актов, их ответственность и эффективность, что говорит об их решающем вкладе в формировании правовой системы государства. Все эти вопросы актуализировались в связи с проведением специальной военной операции².

¹ Туганов Ю.Н. Роль юриста в современном мире // Заслуженные юристы Российской Федерации. М.: ИГ «Юрист», 2022. С. 718—719.

² Корякин В.М. Специальная военная операция диктует необходимость корректировки законодательства о военной службе и социальной защите

Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» расширил горизонты конституционно-правового регулирования общественных отношений в Российской Федерации¹, что позволило уточнить и частично переосмыслить характер отраслевого правового регулирования², сделать его более адекватным складывающимся реалиям, в том числе и в сфере обороны и обеспечения национальной безопасности³. Поиск правовых средств регламентирования усложняющихся общественных отношений усиливает роль сравнительно-правовых исследований⁴, результаты которых можно было бы использовать в российских условиях для совершенствования правового регулирования в области обороны и безопасности, военной службы и статуса военнослужащих⁵.

военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 9(302). С. 2—5.

¹ Виноградова Е.В. Институционализация доктрины публичной власти в конституционном пространстве современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № S3-1. С. 109—119.

² Кобзарь-Фролова М.Н. О конституционализации административных правоотношений // Государство и право. 2023. № 12. С. 66—71; Гришковец А.А. К вопросу об административной политике в Российской Федерации // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 3(38). С. 67—75.

³ Редкоус В.М. Конституционное развитие государств — участников СНГ в контексте обеспечения национальной безопасности // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : Матер. VII межд. науч.-практ. конф., Омск, 08—09 декабря 2022 г. / Предс. редк. С.К. Буряков. Омск: Омская академия МВД РФ, 2023. С. 65—69.

⁴ Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А.А. Прохожева» (РАН-ХиГС, Москва, 21 апреля 2023 года) / О.Ф. Акбашев, К.В. Алексеев, В.П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4(48). С. 158—191.

⁵ Правовое обеспечение национальной безопасности : учебное пособие / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. 2-е изд., пер. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2023; Туганов Ю.Н. Военная

Рассмотрим опыт правового регулирования прохождения военной службы по законодательству Азербайджанской Республики.

На правовом пространстве СНГ Азербайджанская Республика является государством, в Конституции которого предусмотрена самостоятельная ст. 9 «Вооруженные Силы», где закреплено, что: «I. Азербайджанская Республика с целью обеспечения своей безопасности и обороны создает Вооруженные Силы. Вооруженные Силы состоят из Азербайджанской армии и других вооруженных формирований. II. Азербайджанская Республика отвергает войну как средство посягательства на независимость других государств и как способ решения международных конфликтов. III. Президент Азербайджанской Республики является Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил Азербайджанской Республики».

Ч. I ст. 9 Конституции Азербайджанской Республики была изменена в соответствии с Постановлением Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 25 июля 2016 г. «Относительно дачи заключения по проекту Акта референдума Азербайджанской Республики "О внесении изменений в Конституцию Азербайджанской Республики"». В предыдущей редакции в ч. I ст. 9 Конституции Азербайджанской Республики было записано, что «I. Азербайджанская Республика с целью обеспечения своей безопасности создает Вооруженные Силы и другие вооруженные формирования». Части II и III

администрация : учебное пособие для вузов / Ю.Н. Туганов, С.И. Журавлев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2022; Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Объективация национальных интересов Российской Федерации в нормах военного права: современный подход // Военное право. 2022. № 4(74). С. 73—81; Туганов Ю.Н., Аулов В.К., Самарченко О.И. Прагматизм и рациональность: содержательный аспект совершенствования военного права / Ю.Н. Туганов, // Военно-юридический журнал. 2022. № 7. С. 4—8; Туганов Ю.Н., Петров И.В. Оперативно-розыскная, разведывательная и контрразведывательная деятельность: сравнительно-правовой анализ зарубежного и отечественного законодательства // Военное право. 2017. № 1(41). С. 340—349.

ст. 9 Конституции Азербайджанской Республики изменений не претерпели.

В Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) самостоятельной статьи, посвященной Вооруженным Силам Российской Федерации, нет. Данный термин употребляется в Конституции нашей страны только 3 раза; в п. «л» ст. 83 в закреплено право Президента Российской Федерации назначать и освобождать высшее командование Вооруженных Сил Российской Федерации; согласно ч. 1 ст. 87 Президент Российской Федерации является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации; в соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 102 к ведению Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации отнесено «решение вопроса о возможности использования Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации».

Говоря о правовом регулировании военной службы в Азербайджанской Республике и правовом регулировании ее прохождения, необходимо, прежде всего, обратиться к положениям Закона Азербайджанской Республики от 23 декабря 2011 г. № 274-IVQ «О воинской обязанности и военной службе» (далее — Закон АЗР), который определяет правила правового регулирования воинской обязанности и военной службы в области выполнения задач, возложенных на Вооруженные Силы Азербайджанской Республики, а также на иные воинские формирования, созданные в соответствии с законодательством Азербайджанской Республики (далее — АЗР).

В Российской Федерации базовым законодательным актом, на основе которого осуществляется правовое регулирование в области воинской обязанности и военной службы в целях реализации гражданами Российской Федерации конституционного долга и обязанности по защите Отечества, а также правовое регулирование поступления на военную службу и военной службы в Российской Федерации иностранных граждан, является Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской

обязанности и военной службе» (далее — Федеральный закон № 53-ФЗ).

Структурно Закон АЗР состоит из 9 глав: Глава 1. Общие положения; Глава 2. Воинский учет граждан; Глава 3. Подготовка граждан к военной службе; Глава 4. Призыв на действительную военную службу; Глава 5. Отсрочка и освобождение от призыва на срочную действительную военную службу; Глава 6. Военная служба; Глава 7. Прохождение военной службы; Глава 8. Служба в запасе; Глава 9. Заключительные положения.

Достоинством Закон АЗР является то, что в нем в ст. 2 закреплено содержание основных понятий, используемых в Законе АЗР.

В частности, это:

— *воинская обязанность* — это «в порядке, предусмотренном законодательством, воинский учет, допризывная подготовка, призыв на военную службу, прохождение военной службы по призыву и добровольно, пребывание в запасе, призыв на военные сборы и прохождение военных сборов, выполнение обязанностей по мобилизации гражданами АЗР»;

— *военная служба* — «особый вид государственной службы, включающий прохождение службы в Вооруженных Силах АЗР или других воинских формированиях, созданных в соответствии с законодательством АЗР, гражданами АЗР, иностранцами и лицами без гражданства, в порядке и в сроки, предусмотренные законодательством»;

— *служба в резерве* — «служебная деятельность, заключающаяся в прохождении сборов и соблюдении правил призыва по мобилизации в военное время»;

— *воинский учет* — «составление в порядке, определяемом органом исполнительной власти, списков призывников и военнообязанных в целях комплектования личным составом Вооруженных Сил АЗР или других воинских формирований, созданных в соответствии с законодательством АЗР»;

— *воинская регистрация* — «регистрация всех призывников и военнообязанных в соответствующем органе исполнительной власти с целью комплектации

личным составом Вооруженных сил АзР и других воинских формирований, созданных в соответствии с законодательством АзР»;

— *военно-учетная специальность* — «регистрация лиц, подлежащих призыву на действительную военную службу (или которые могут быть приняты) в Вооруженных Силах АзР или других воинских формированиях, созданных в соответствии с законодательством АзР, возможность использования которых по военным специальностям установлена»;

— *военнослужащие* — «лица, состоящие на действительной военной службе. Лицо, призванное или добровольно поступившее на действительную военную службу, снимается с воинской регистрации и принимается на особую регистрацию в соответствующем органе исполнительной власти, в котором оно проходит службу»;

— *военнообязанные* — «граждане АзР, переведенные в запас»;

— *невоеннообязанные* — «граждане АзР, не подлежащие постановке на военный учет, уволенные (переведенные) в отставку»;

— *лица, не подлежащие воинской регистрации* — «лица, не имеющие гражданства АзР, граждане, которые признаны негодными к военной службе как в мирное, так и в военное время, осуждены к наказанию в виде лишения свободы на определенный срок или пожизненно за совершенное тяжкое или особо тяжкое преступление, достигли предельного возраста пребывания в запасе, и женщины (кроме женщин, имеющих военно-учетную специальность, прошедших воинскую регистрацию по собственному желанию)».

В соответствии с ч. I ст. 76 Конституции АзР защита Родины — долг каждого гражданина страны. Каждый гражданин АзР мужского пола, достигший 18-летнего возраста и годный к военной службе по состоянию здоровья, в порядке, установленном Законом АзР, должен пройти действительную срочную военную службу в Вооруженных Силах АзР или других воинских формированиях, созданных в соответствии с законодательством АзР. В соответствии с частью II ст. 76 Конституции

АзР, если убеждения граждан противоречат прохождению действительной военной службы, то в установленных законодательством случаях допускается замена действительной военной службы на альтернативную военную службу.

Граждане АзР женского пола в возрасте от 19 до 40 лет, имеющие военно-учетную специальность, список которых утвержден соответствующим органом исполнительной власти, с их согласия могут быть поставлены на воинский учет и согласно договору проходить военную службу в Вооруженных Силах АзР или других воинских формированиях, созданных в соответствии с законодательством АзР.

Все военнообязанные и призывники подлежат воинскому учету. Воинский учет призывников и военнообязанных (за исключением военнообязанных, предусмотренных ст. 4.4 Закона АзР) проводится соответствующим органом исполнительной власти по месту их жительства, а при изменении места жительства более чем на 3 месяца — по месту пребывания. Порядок ведения воинского учета призывников и военнообязанных устанавливается соответствующим органом исполнительной власти. Воинский учет военнообязанных, уволенных в запас соответствующего органа исполнительной власти, в централизованном порядке ведется этим органом. Военнослужащие, уволенные с действительной военной службы в соответствующем органе исполнительной власти, а также лица, уволенные с действительной военной службы в соответствующем органе исполнительной власти и не уволенные в запас этого органа, или снятые с воинского учета, ставятся на учет в порядке, предусмотренном ст. 4.2 Закона АзР.

Подготовка граждан к военной службе осуществляется в следующих формах: допризывная подготовка; подготовка граждан по специальным военным специальностям; военная подготовка студентов высших учебных заведений по специальной программе для подготовки офицеров.

Допризывная подготовка в АзР, включая подготовку по гражданской обороне, проводится в общеобразовательных школах, учреждениях профессионального и

среднего специального образования для целей получения начальных знаний в сфере обороны, подготовки по основам военной службы и военно-патриотического воспитания. До призыва на действительную военную службу с гражданами допризывного возраста повсеместно без отрыва от учебы проводится допризывная подготовка с целью получения ими начальных знаний в сфере обороны. Обучение данному предмету осуществляется руководителем допризывной подготовки.

Подготовка граждан по специальным военным специальностям осуществляется в соответствии со ст. 10 Закона РАЗ. Так, граждане и призывники, достигшие 17-летнего возраста, могут проходить ежегодно с отрывом от работы подготовку в образовательных учреждениях, определенных соответствующим органом исполнительной власти по военно-специальным квалификациям. Соответствующий орган исполнительной власти определяет перечень военных специальностей и программы подготовки и дает заказы на подготовку по этим специальностям граждан и призывников, достигших 17-летнего возраста. Количество достигших 17-летнего возраста граждан и призывников, подлежащих подготовке по данным специальностям, определяется соответствующим органом исполнительной власти. За гражданами, привлекаемыми к допризывной подготовке с отрывом от рабочего места, на время обучения сохраняется место работы, занимаемая должность и выплачивается средний заработок по месту основной работы, а также стоимость проезда к месту учебы и обратно.

Посещение занятий является обязательным. Соответствующий орган исполнительной власти сообщает о непосещении занятий (уроков) гражданами, привлекаемыми для прохождения допризывной подготовки, на их место работы и в соответствующий орган исполнительной власти.

Порядок подготовки по специальной программе офицеров в высших учебных заведениях и перечень соответствующих военных специальностей устанавливает соответствующий орган исполнительной власти. Военная подготовка по специаль-

ной программе студентов, получающих образование по очной форме, организовывается и проводится в высшем учебном заведении. Военную подготовку по специальной программе для подготовки офицеров проходят студенты, годные для военной службы офицеров по состоянию здоровья. Общее руководство военной подготовкой студентов осуществляет соответствующий орган исполнительной власти.

По способам комплектования личным составом Вооруженных Сил АЗР или других воинских формирований, созданных в соответствии с законодательством АЗР, военная служба подразделяется на добровольную и по призыву. Граждане АЗР, отвечающие установленным требованиям призыва на военную службу, могут быть призваны:

— на срочную действительную военную службу — граждане АЗР мужского пола, достигшие 18 лет и годные к военной службе по состоянию здоровья, не имеющие право на освобождение или отсрочку от призыва;

— на действительную военную службу офицеров — офицеры запаса, в возрасте до 35 лет, годные по состоянию здоровья к военной службе, ранее не проходившие срочную действительную военную службу, не имеющие право на освобождение или отсрочку от призыва.

Призыв граждан на срочную действительную военную службу проводится четыре раза в год, с 1-го по 30-е в январе, апреле, июле и октябре. на основе акта соответствующего органа исполнительной власти, после вступления в силу которого призывники, не прошедшие срочную действительную военную службу, не обладающие правом отсрочки от призыва на срочную действительную военную службу или не освобожденные от призыва на срочную действительную военную службу, обязаны явиться в соответствующий орган исполнительной власти по месту жительства или пребывания, в котором состоят на учете, а призывники, не состоящие на военном учете, в соответствующий орган исполнительной власти по месту жительства. Государственные органы, органы местного самоуправления, организации и

должностные лица обязаны отозвать призывников из командировок и способствовать их своевременной явке в соответствующий орган исполнительной власти.

Перемена соответствующего органа исполнительной власти призывников, в котором они состоят на воинском учете, допускается только при представлении в соответствующий орган исполнительной власти подтверждающих документов в случаях, если призывник: переведен работодателем на работу в другую местность; сменил место жительства; принят в образовательное учреждение или, окончив образовательное учреждение, по распределению направляется на работу в другую местность.

Уважительными причинами неявки в соответствующий орган исполнительной власти в установленные сроки признаются: болезнь призывника (на основании справки о болезни медицинского учреждения); чрезвычайные или другие непреодолимые обстоятельства (когда невозможность личной явки удостоверена органом исполнительной власти по месту жительства призывника).

Граждане АЗР, проживающие за границей, призываются на срочную действительную военную службу в установленном Законом АЗР и Консульским Уставом АЗР¹ порядке. Принявшие гражданство иностранного государства, но не утратившие гражданства АЗР призывники, призываются на срочную действительную военную службу на общих началах.

Отсрочка от призыва на срочную действительную военную службу по решению районных, городских, районных в городе призывных комиссий предоставляется: по семейному положению; по состоянию здоровья; для продолжения образования; в связи с избирательной деятельностью лиц, зарегистрированных для избрания депутатами Милли Меджлиса АЗР и членами муниципалитетов (с даты регистрации кан-

дидатуры до дня официального опубликования результатов выборов); в связи с депутатской, судейской деятельностью, деятельностью Уполномоченного по правам человека АЗР (омбудсмена). Призывники, утратившие право на получение отсрочки, а также лица, не имеющие права на отсрочку или предусмотренных настоящим Законом оснований для освобождения от призыва, не призванные по различным причинам на срочную действительную военную службу в установленные сроки, должны быть призваны на нее при проведении очередного призыва до достижения ими 35-летнего возраста.

Временно не призываются на срочную действительную военную службу следующие лица: граждане, отбывающие наказание в виде общественных работ, исправительных работ, ограничение свободы, лишения свободы на определенный срок или условного лишения свободы (за исключением граждан, указанных в ст. 22.2 Закона АЗР); граждане, с которых не снята судимость или не погашена судимость за совершенное ранее преступление, осужденные к наказанию в виде лишения свободы на определенный срок за преднамеренно совершенное преступление; граждане, в отношении которых ведется уголовное дело или досудебное предварительное следствие или разбирательство по упрощенным материалам, или же уголовное дело, материалы упрощенного досудебного производства либо жалоба в порядке частного обвинения в отношении которых рассматривается в суде.

Граждане, осужденные на отбывание наказания в виде лишения свободы на определенный срок либо пожизненного лишения свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, не призываются на срочную действительную военную службу.

От призыва на срочную военную службу в мирное время освобождаются граждане: имеющие ученую степень доктора философии и доктора наук; признанные по состоянию здоровья негодными к действительной военной службе в мирное время, ограниченно годными в военное время, либо негодными к действительной

¹ Закон Азербайджанской Республики от 8 февраля 1994 г. № 782 «Об утверждении Консульского Устава Азербайджанской Республики» // Вестник Верховного Совета Азербайджанской Республики. 1994. № 17. Ст. 234.

военной службе как в мирное, так и в военное время; не прошедшие действительную срочную военную или альтернативную службу по различным причинам до исполнения 35-летнего возраста; призывники, направленные для прохождения альтернативной службы; лица, принятые в гражданство АзР и прошедшие действительную срочную военную службу или освобожденные от призыва на срочную действительную военную службу согласно законодательству страны, гражданами которой они ранее являлись.

Военная служба состоит из действительной военной службы и службы в запасе. В ст. 25 («Приоритет военной службы») Закона АзР закреплено, что «приоритет военной службы заключается в оказании государственной помощи военнослужащим и членам их семей, принятии соответствующих правовых актов в целях создания достойных условий жизни для таких лиц и принятии необходимых мер в этой связи, а также возложении на организации обязанностей, установленных законодательством».

Военнослужащие и военнообязанные подразделяются на солдатский (матросский), сержантский, прапорщичий (мичманский) состав и офицерский состав, а офицерский состав — на младший, старший и высший офицерский состав.

Исполнению обязанностей военной службы посвящена ст. 27 Закона АзР. Так, военнослужащий, а также военнообязанный, проходящий военные сборы, считаются исполняющими обязанности военной службы в случаях: участия в боевых действиях; выполнения задач в условиях военного положения, либо в условиях вооруженных конфликтов; несения боевого дежурства (боевой службы), нахождения в составе нарядов на внутреннюю службу, на посту и гарнизонном дежурстве; участия в учениях или связанных с учениями походах; выполнения должностных обязанностей либо приказа, распоряжения или указания, отданных командиром (начальником); нахождения на территории воинской части (учреждения) в течение установленного распорядком дня служебного времени или в другое время, если это вы-

звано служебной необходимостью; нахождения в командировке; нахождения на лечении, следования к месту лечения и обратно; прохождения сборов; следования к месту военной службы и обратно; нахождения в плену (за исключением случаев добровольной сдачи в плен); пропажи без вести при исполнении служебных обязанностей — до признания лица в установленном законом порядке пропавшим без вести или объявления его умершим; защиты жизни, здоровья, чести и достоинства граждан; оказания помощи сотрудникам государственных органов по защите прав и свобод человека и гражданина, охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности и общественного порядка; участия в предотвращении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий, аварий техногенного характера.

Военнослужащий или призывник, проходящий военные сборы, не признается погибшим (умершим), получившим телесное увечье (ранение, травму, контузию) при исполнении обязанностей военной службы, если это явилось следствием: нахождения вне расположения воинской части (места службы) в течение установленного распорядком дня служебного времени без ведома командира (начальника) или после окончания служебного времени, если это не вызвано выполнением приказа, распоряжения или другого указания, отданных командиром (начальником), за исключением случаев, предусмотренных в ст. 27.1 Закона АзР; нахождения в состоянии опьянения; совершения административного проступка или преступления.

Запрещается отдавать приказы, распоряжения и указания, не имеющие отношения к исполнению обязанностей военной службы или направленные на нарушение законодательства. Командиры и начальники, отдавшие указанные приказы, распоряжения и указания, несут ответственность в порядке, установленном соответствующим законодательством Азербайджанской Республики.

Устанавливаются следующие виды действительной военной службы: действительная срочная военная служба; действи-

тельная военная служба курсантов учебных заведений подготавливающих военно-служащих специального назначения; действительная сверхсрочная военная служба; действительная военная служба прапорщиков и мичманов; действительная военная служба офицеров.

Граждане АзР, призванные или поступившие добровольно на действительную военную службу, принимают военную присягу на верность Азербайджанской Республике и ее народу. Текст присяги утверждается Милли Меджлисом АзР.

Каждому военнослужащему и военнообязанному в зависимости от его служебного положения, военной или специальной подготовки, выслуги лет, состояния в запасе, принадлежности к роду войск или службе и заслугам присваивается соответствующее воинское звание. Воинские звания высших офицеров присваиваются соответствующим органом исполнительной власти.

Военнослужащим, проявившим высокие морально-боевые качества при исполнении обязанностей военной службы, добившихся отличных показателей в боевой и общественно-политической подготовке и укреплении воинской дисциплины, образцово несущим службу и выполняющим воинский долг, очередное воинское звание может быть присвоено в порядке поощрения досрочно, по истечении не менее половины установленного срока выслуги в предыдущем воинском звании (в военное время независимо от срока выслуги) или по истечении установленного срока выслуги в предыдущем звании, на одну ступень выше воинского звания, предусмотренного штатом для занимаемой ими должности по истечении не менее половины срока службы, установленного в предыдущем воинском звании. Очередное воинское звание офицерам до воинского звания полковника (капитан 1-го ранга) включительно может быть присвоено соответствующим органом исполнительной власти, досрочно или на одну ступень выше воинского звания, предусмотренного по занимаемой ими штатной должности один раз за все время службы.

Лишение воинских званий, снижение и восстановление в воинских званиях регламентировано ст. 33 Закона АзР. Так, военнослужащие и военнообязанные могут быть лишены присвоенных им воинских званий (кроме имеющих воинские звания солдата, матроса) или разжалованы в солдаты (матросы) в соответствии с Уголовным кодексом АзР при осуждении за совершенное тяжкое или особо тяжкое преступление.

Военнослужащие (за исключением офицеров) могут быть лишены воинского звания в порядке, установленном Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил АзР, восстановление их в воинских званиях производится должностными лицами, имеющими право присвоения этих воинских званий.

Установлено, что воинские звания военнослужащих и военнообязанных (кроме имеющих воинское звание солдата или матроса, младшего прапорщика или младшего мичмана, младшего лейтенанта) при отсутствии положительных результатов других мер дисциплинарного взыскания могут быть снижены на одну ступень. Снижение в воинском звании на одну ступень и восстановление в воинских званиях после снижения производится: высших офицеров — соответствующим органом исполнительной власти, других военнослужащих, а также военнообязанных и лиц, находящихся в отставке, — в порядке, определяемом Положением о прохождении военной службы и Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил АзР.

Военнослужащий проходит действительную военную службу на штатной должности, за исключением случаев, указанных в ст. 34.5 Закона АзР. Штатные должности, подлежащие замещению военнослужащими, и соответствующие этим должностям воинские звания предусматриваются в штатах воинских частей (кораблей, органов управления, учреждений, подготавливающих военнослужащих специальных учебных заведений). Перемещение военнослужащих по службе с одной воинской должности на другую воинскую должность регулируется Положением о прохождении военной службы.

Военнослужащие назначаются на подлежащие замещению высшими офицерами воинские должности соответствующим органом исполнительной власти по представлению соответствующего органа исполнительной власти, если иное не предусмотрено законодательством.

Военнослужащие могут быть прикомандированы с оставлением на действительной военной службе к государственным органам, организациям для выполнения работ оборонного характера. Офицеры могут быть прикомандированы к международным организациям для продолжения службы на основании решения соответствующего органа исполнительной власти.

Военнослужащие и военнообязанные на сборах носят военную форму одежды со знаками различия по воинскому званию и роду войск (службе). Военная форма одежды, знаки различия военнослужащих и их описания утверждаются соответствующим органом исполнительной власти. Незаконное ношение военной формы одежды со знаками различия влечет за собой ответственность в порядке, установленном соответствующим законодательством АзР.

В гл. 7 («Прохождение военной службы») Закона АзР содержатся нормы, устанавливающие порядок: поступления на действительную военную службу; начало и окончание действительной военной службы; сроки действительной военной службы и нахождения в распоряжении; предельный возраст состояния на действительной военной службе; увольнение с действительной военной службы; увольнение с действительной военной службы в запас; увольнение с действительной военной службы в отставку.

Обратим внимание на институт увольнения с военной службы. Так, высший офицерский состав увольняется с действительной военной службы в запас или в отставку, а военнослужащие срочной действительной военной службы в запас на основании акта соответствующего органа исполнительной власти.

Увольнение в запас или в отставку военнослужащих срочной действительной военной службы и курсантов подготавли-

вающих военнослужащих специальных учебных заведений, производится соответствующими органами исполнительной власти в случаях, предусмотренных в ст. 41.0.3, 41.0.5, 41.0.8, 42.0.2 и 42.0.3 Закона АзР, а курсантов подготавливающих военнослужащих специальных учебных заведений также в случаях, предусмотренных в ст. 41.0.1 Закона АзР.

Увольнение в запас или в отставку с действительной военной службы офицеров, прапорщиков и мичманов, военнослужащих сверхсрочной действительной военной службы производится соответствующими органами исполнительной власти в порядке, установленном Положением о прохождении военной службы.

Военнослужащие, не достигшие предельного возраста пребывания в запасе, увольняются в запас с действительной военной службы в следующих случаях: по выслуге срока службы (кроме кадровых офицеров); по возрасту — достигшие предельного возраста состояния на действительной военной службе; по болезни — признанные военно-врачебными комиссиями негодными к действительной военной службе; по сокращению штатов — при невозможности использования по службе в связи с сокращением штатов или организационными мероприятиями (кроме военнослужащих срочной действительной военной службы); по семейным обстоятельствам, женщинам и военнослужащим срочной действительной военной службы — на основаниях, определенных Положением о прохождении военной службы; по служебному несоответствию (кроме военнослужащих срочной действительной военной службы); при лишении воинского звания в соответствии с Уголовным кодексом АзР или в дисциплинарном порядке (за исключением военнослужащих срочной действительной военной службы и случаев, предусмотренных в подпункте «з» п. 61 Дисциплинарного Устава Вооруженных Сил АзР); в связи с лишением права на замещение воинских должностей за содеянное преступление, осуждением на наказание в виде лишения свободы на определенный срок (за исключением случаев, предусмотренных в ст. 38.5 Закона

АзР, и лиц, осужденных условно); по собственному желанию — только офицеры, при наличии у них выслуги не менее 10 лет в календарном исчислении на должностях офицерского состава; при расторжении контракта с военнослужащими, являющимися гражданами АзР.

Военнослужащие увольняются с действительной военной службы в отставку: по возрасту — достигшие предельного возраста состояния в запасе; по болезни — признанные военно-врачебными комиссиями негодными как в мирное, так и военное время; в связи с осуждением судом на отбывание наказания в виде лишения свободы на определенный срок или пожизненное лишение свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления; состоящие на действительной военной службе по контракту иностранцы и лица без гражданства при осуждении на наказание в виде принудительного выдворения за пределы АзР за совершенное преступление или при расторжении контракта с ними; при прекращении гражданства АзР.

Военнослужащие, уволенные с действительной военной службы (за исключением случаев, предусмотренных в ст. 42 Закона АзР), а также освобожденные от призыва на действительную военную службу (кроме признанных негодными к военной службе как в мирное, так и в военное время вследствие болезни), зачисляются в запас. Началом службы в запасе считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части. Предельный возраст состояния в запасе: 50 лет — для офицеров-женщин, 45 лет — для прапорщиков (мичманов) и женщин из числа военнослужащих сверхсрочной действительной военной службы. Военнообязанные, в случаях, предусмотренных ст. 42 Закона АзР, исключаются с воинской регистрации и переводятся в отставку.

Военнообязанным, прошедшим сборы и успешно сдавшим зачеты по программе обучения, присваиваются очередные воинские звания до полковника (капитана 1-го ранга) включительно в порядке, определяемом Положением о прохождении военной службы.

Оценивая в целом положения Закона АзР от 23 декабря 2011 г. № 274-IVQ «О воинской обязанности и военной службе», можно сказать, что он базируется на традиционных для законодательства о военной службе любого современного государства институтах. Эти институты лежат и в основе Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

Сравнивая эти два закона, можно сделать вывод, что Федеральный закон № 53-ФЗ более детально раскрывает содержание ряда институтов военной службы применительно к российским условиям. Нормы Закона АзР более бланкетны, однако, несмотря на это, они вместе с Положением о прохождении военной службы достаточно четко регламентируют отношения в области военной службы в Азербайджанской Республике. Об этом, в частности, свидетельствует достаточно незначительное количество изменений и дополнений, внесенных в Закон АзР за период его действия.

И Закон АзР, и Федеральный закон № 53-ФЗ, имеют и сходные недостатки. Так, в обоих законах нет упоминания об институте аттестации, являющейся важнейшим институтом прохождения военной службы. Поэтому у обоих законов есть направления для совершенствования их содержания. Азербайджанскому законодателю следовало бы подумать над уточнением определения «военная служба», так как она не сводится только к её прохождению, а российскому законодателю — о закреплении содержания основных понятий в самостоятельной статье Федерального закона № 53-ФЗ. Также результаты сравнительно-правовых исследований могут быть использованы в целях совершенствования общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации, что также является очень актуальным для повышения эффективности всех институтов военной службы.

Библиография

1. Аулов, В.К. Модернизация общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации - новый этап развития военного права / В.К. Аулов,

Ю.Н. Туганов // Военное право. — 2023. — № 4(80). — С. 52—60.

2. Виноградова, Е.В. Институционализация доктрины публичной власти в конституционном пространстве современной России / Е.В. Виноградова // Правовая политика и правовая жизнь. — 2021. — № S3-1. — С. 109—119.

3. Гришкoveц, А.А. К вопросу об административной политике в Российской Федерации / А.А. Гришкoveц // Вестник Пермского института ФСИН России. — 2020. — № 3(38). — С. 67—75.

4. Кобзарь-Фролова, М.Н. О конституционализации административных правоотношений / М.Н. Кобзарь-Фролова // Государство и право. — 2023. — № 12. — С. 66—71.

5. Корякин, В.М. Специальная военная операция диктует необходимость корректировки законодательства о военной службе и социальной защите военнослужащих / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 9(302). — С. 2—5.

6. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А.А. Прохорова» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 г.) / О.Ф. Акбашев, К.В. Алексеев, В.П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. — 2023. — № 4(48). — С. 158—191.

7. Правовое обеспечение национальной безопасности : учебное пособие / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. — 2-е изд., пер. и доп. — Москва: Изд-во «Юрайт», 2023. — 180 с. — ISBN 978-5-534-16244-8.

8. Редкоус, В.М. Конституционное развитие государств — участников СНГ в контексте обеспечения национальной безопасности / В.М. Редкоус // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : Матер. VII межд. науч.-практ. конф., Омск, 08—09 декабря 2022 г. / пред. редк. С.К. Буряков. — Омск: Омская академия МВД РФ, 2023. — С. 65—69.

9. Туганов, Ю.Н. Военная администрация : учебное пособие для вузов / Ю.Н. Туганов, С.И. Журавлев. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Изд-во «Юрайт», 2022. — 197 с. — ISBN 978-5-534-12727-0.

10. Туганов, Ю.Н. Роль юриста в современном мире // Заслуженные юристы Российской Федерации / Ю.Н. Туганов. — Москва: ИГ «Юрист», 2022. — С. 718—719.

11. Туганов, Ю.Н. Объективация национальных интересов Российской Федерации в нормах военного права: современный подход / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов // Военное право. — 2022. — № 4(74). — С. 73—81.

12. Туганов, Ю.Н. Прагматизм и рациональность: содержательный аспект совершенствования военного права / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов, О.И. Самарченко // Военно-юридический журнал. — 2022. — № 7. — С. 4—8.

13. Туганов, Ю.Н. Оперативно-разыскная, разведывательная и контрразведывательная деятельность: сравнительно-правовой анализ зарубежного и отечественного законодательства / Ю.Н. Туганов, И.В. Петров // Военное право. — 2017. — № 1(41). — С. 340—349.

О современном международно-правовом статусе незаконных комбатантов

© Шестак Виктор Анатольевич,

доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

© Рожкова Екатерина Васильевна,

член Молодежного движения Ассоциации юристов России города Москвы

Аннотация. Актуальность данного исследования вызвана тем, что по сей день в условиях нарастающей напряженности между странами и увеличения числа вооруженных конфликтов, правовое положение лиц такой группы лиц как «незаконные комбатанты», сравнительно недавно занявших свою нишу в юридической терминологии, не урегулировано. Согласно общепринятому в академической среде мнению, незаконные комбатанты — лица, непосредственно участвующие в боевых действиях, но не наделенные правом такого участия. Вышеизложенная проблема требует разработки эффективного механизма, закрепления и обеспечения реализации юридического статуса различных участников вооруженных конфликтов. Цель исследования заключается в комплексном рассмотрении и всестороннем изучении современного международного правового статуса «незаконных комбатантов», выявлении наличия или отсутствия у незаконных комбатантов прав и гарантий, обеспечивающих их безопасность. Методология исследования основана на анализе международных правовых источников, регулирующих юридический статус незаконных комбатантов, к числу которых относятся: Женевские конвенции 1949 г. и 2 Дополнительных протокола 1977 г. к ним, а также Гаагская конвенция. В ходе проведенного исследования выявлены значительные различия в статусе различных участников вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: незаконные комбатанты, вооруженные конфликты, гражданские лица, военнопленные, гарантии, правовой статус.

On the current international legal status of illegal combatants

© Shestak V.A.,

Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of Criminalistics, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

© Rozhkova E.V.

member of the Youth Movement of the Association of Lawyers of Russia in Moscow

Annotation. The relevance of this study is due to the fact that to this day, in conditions of increasing tension between countries and an increase in the number of armed conflicts, the legal status of persons (illegal combatants), who relatively recently occupied their place in legal terminology, is not regulated by law. According to the generally accepted academic opinion, illegal combatants are persons who are directly involved in hostilities, but are not entitled to such participation. The above problem requires the development of an effective mechanism aimed at the humanization of hostilities, and one of the effective means of implementing this mechanism will be a clear definition of the legal status of persons in armed conflicts and hostilities. The purpose of the study is to comprehensively consider and comprehensively study the international legal status of combatants, the characteristics of this institution, as well as to identify the presence or absence of rights and guarantees for illegal combatants ensuring their international legal security. The methodology of the study is based on the analysis of international legal sources regulating the legal status of illegal combatants, including the Geneva Conventions of 1949 and 2 Additional Protocols of 1977

to them, as well as the norms of the Hague Convention. The study revealed significant differences in the status of legitimate combatants, illegal combatants and civilians.

Keywords: illegal combatants, armed conflicts, civilians, prisoners of war, criminal prosecution, guarantees, legal status.

Развитие международного права способствует укреплению дипломатических отношений между странами, обеспечению их стабильности и безопасности. Как правило, наиболее яркие преобразования в международном праве становятся результатом переломных исторических событий или кризисных явлений. В частности, происходит доктринальное развитие международного и национального права: совершенствуется понятийно-категориальный аппарат и со временем происходит унификация последнего в разных странах. Одним из относительно новых терминов, содержание которого по сей день вызывает многочисленные дебаты, является «незаконный комбатант». Хотя термин «незаконный комбатант» применяется в юридической литературе, прецедентном праве, военных руководствах и судебной практике уже более ста лет, однозначного понимания его сущности не сложилось и по сей день.

7 февраля 2002 г. (бывший) президент США Джордж Буш в меморандуме назвал членов Талибана¹, арестованных в Афганистане и заключенных на военной базе в Гуантанамо, «незаконными комбатантами»². Впоследствии этот термин вобрал в себя и задержанных членов террористической организации Аль-Каида³, а позднее — международных террористов по всему ми-

ру, а также лиц, оказывающих им поддержку⁴.

Вместе с тем по результатам анализа действующих источников международного публичного и международного гуманитарного права нами была выявлена особенность: в Гаагской и Женевской конвенциях употребляются следующие термины: законный комбатант, гражданское лицо и военнопленный, а также определяется сущность этих понятий, но при этом в Конвенциях нет прямого указания на использование термина «незаконный комбатант» или каких-либо эквивалентных ему терминов. Однако, упоминание о незаконном комбатанте можно найти, в частности, в Разделе 47 Специального закона Конгресса США 2006 года (Приказ № 1 о военных комиссиях) где «незаконный комбатант», определен как лицо, участвующее в вооруженном конфликте и поддерживающее войну против США⁵.

Обращаясь к более подробному рассмотрению статуса «незаконных комбатантов», значительно отличающегося от статуса «законных комбатантов» и гражданских лиц, стоит отметить, что определение правового статуса незаконных комбатантов является спорным вопросом и вызывает значительный резонанс в международном сообществе. По мнению ряда исследователей, развивающаяся концепция «незаконных комбатантов» может стать угрозой балансу международно-гуманитарного права.

Полагаем, что следует начать оценку международного правового статуса рас-

¹ Движение «Талибан» признано Верховным Судом Российской Федерации террористической организацией, ее деятельность на территории России запрещена.

² Имплементация международного гуманитарного права на национальном уровне. Новая информация, поступившая в период с июля по декабрь 2007 г. относительно национального законодательства и прецедентного права // Международный журнал Красного креста. 2008. С. 41.

³ Организации «Аль-Каида в странах исламского Магриба» признана Верховным Судом Российской Федерации террористической, ее деятельность на территории России запрещена.

⁴ Dworkin, A. Excerpts from Interview with Charles Allen, Deputy General Counsel for International Affairs, US Department of Defense. 2006. URL: <http://www.crimesofwar.org/onnews/news-pentagon-trans.html> (дата обращения: 27.05.2023).

⁵ The Military Commissions Act 2006. 109th Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/109th-congress/senate-bill/3901/text> (дата обращения: 26.05.2023).

сма­три­вае­мой ка­те­го­рии лиц с во­про­са о рас­про­стране­нии дей­ствия Же­нев­ских кон­вен­ций III¹ и IV² 1949 г. на не­за­кон­ных ком­бан­тов³. Так, в слу­чае кон­флик­та или ок­ку­па­ции, в лю­бое вре­мя и лю­бым спо­со­бом, лица, на­хо­дя­щие­ся под ю­ри­дик­цией во­юю­щей или ок­ку­пи­ру­ю­щей дер­жавы, ко­то­рые не яв­ля­ют­ся гра­ж­да­на­ми этой дер­жавы, все­гда и во всех от­но­ше­ниях поль­зуют­ся за­щи­той на­сто­я­щей Кон­вен­ции. Ст. 4(2) Же­нев­ской Кон­вен­ции ис­клю­чает из сфе­ры ее дей­ствия гра­ж­дан го­су­дарств, не свя­зан­ных Кон­вен­цией, и гра­ж­дан, не на­хо­дя­щих­ся под ее за­щи­той. Но та­кое ог­ра­ни­че­ние, по­ла­га­ем, яв­ля­ет­ся из­лиш­не те­о­ре­ти­че­ским, по­сколь­ку поч­ти все стра­ны ми­ра яв­ля­ют­ся уча­ст­ни­ца­ми Кон­вен­ции 1949 г. Вто­рая ка­те­го­рия, ко­то­рая от­но­сится к чис­лу ис­клю­че­ний, — лица, на­хо­дя­щие­ся на тер­ри­то­рии во­юю­ще­го го­су­дарства и яв­ля­ю­щие­ся гра­ж­да­на­ми ней­траль­ных го­су­дарств или го­су­дарств, ве­ду­щих ак­тив­ные бое­вые дей­ствия.

Сог­лас­но нор­мам ме­ж­ду­на­род­но­го гу­ма­ни­тар­но­го пра­ва, за­кон­ный ком­бан­т — лицо, име­ю­щее пра­во не­по­сред­ствен­но уча­ство­вать в во­ен­ных дей­ствиях⁴. Сто­ит от­ме­тить, что к та­ким ли­цам предъ­яв­ля­ет­ся ряд тре­бо­ва­ний. В част­но­сти, в 1894 г. М.И. До­гель за­явил, что усло­ви­ем при­зна­ния лица во­юю­щей сто­ро­ной яв­ля­ет­ся его уча­стие в во­ен­ных дей­ствиях от имени и в ин­те­ре­сах го­су­дарства, на сто­ро­не кото­ро­

го оно на­хо­дится⁵. Фак­ти­че­ски раз­ре­ше­ние уби­вать и ранить про­тив­ни­ков, при­во­дить в де­струк­тив­ное со­сто­я­ние объ­ек­ты во­ен­ной ин­фра­струк­ту­ры про­тив­ни­ка — при­ви­ле­гия за­кон­ных ком­бан­тов перед не­за­кон­ны­ми⁶. Да­же если за­кон­ные ком­бан­ты со­вер­шают об­щес­твен­но-о­пас­ные дей­ствия, ко­то­рые бы в мир­ное вре­мя счита­лись пре­ступ­ны­ми, они не не­сут от­вет­ствен­но­сти, дру­ги­ми сло­ва­ми, не прес­ле­дуют­ся в су­деб­ном по­ря­дке. От­вет­ствен­ность они не­сут толь­ко в слу­чае на­ру­ше­ния нор­м ме­ж­ду­на­род­но­го гу­ма­ни­тар­но­го пра­ва (на­при­мер, за во­ен­ные пре­ступ­ле­ния). При по­па­да­нии ком­бан­тов в плен, они име­ют пра­во за­кре­пить за со­бой ста­тус во­ен­но­плен­ных и по­лу­чить за­щи­ту, пре­дус­мот­рен­ную Третьей Же­нев­ской Кон­вен­цией.

Сто­ит от­ме­тить, что для по­лу­че­ния ста­ту­са ком­бан­та нуж­но со­от­вет­ство­вать ря­ду усло­вий, пре­дус­мот­рен­ных ст. 4 Третьей Же­нев­ской Кон­вен­ции, а так­же ст. 43 и 44 До­пол­ни­тель­но­го по­ло­же­ния I⁷, раз­ви­ва­ю­ще­го по­ло­же­ния ст. 4 Третьей Же­нев­ской Кон­вен­ции. Среди тре­бо­ва­ний пе­ре­чис­ле­ны: под­чи­не­ние ко­ман­до­ва­нию; на­личие уз­на­ва­е­мой сим­во­ли­ки; от­кры­тое но­ше­ние ору­жия; стро­гое со­блю­де­ние за­ко­нов и нор­м по­ве­де­ния в бое­вых дей­ствиях.

Что же ка­сает­ся гра­ж­дан­ских лиц, то они на­де­лены пра­вом за­щи­ты от опас­но­стей вой­ны и не дол­жны под­вер­гаться аг­рес­сии или на­па­де­нию. Одна­ко, спон­тан­ные мас­со­вые во­ору­жен­ные на­па­де­ния яв­ля­ют­ся ис­клю­че­нием в дан­ном слу­чае. Гра­ж­дан­ские лица не мо­гут не­по­сред­ствен­но уча­ство­вать в во­ен­ных дей­ствиях, их уча­стие в во­ен­ных дей­ствиях автома­ти­

¹ Же­нев­ская кон­вен­ция от 12 ав­густа 1949 г. об обра­ще­нии с во­ен­но­плен­ны­ми (Элек­трон­ный ре­сурс). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обра­ще­ния: 26.05.2023)

² Же­нев­ская кон­вен­ция от 12 ав­густа 1949 г. о за­щите гра­ж­дан­ско­го на­се­ле­ния во вре­мя вой­ны (Элек­трон­ный ре­сурс). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (дата обра­ще­ния: 26.05.2023)

⁴ Миш­ку­ро М.А. Поня­тие «Не­за­кон­ный ком­бан­т» и его пра­во­вое по­ло­же­ние в ме­ж­ду­на­род­ном гу­ма­ни­тар­ном пра­ве // Оче­ст­вен­ная ю­ри­сп­ру­ден­ция. 2016. № 3. С. 20—25.

⁵ До­гель М.И. Ю­ри­дичес­кое по­ло­же­ние лич­но­сти во вре­мя су­хо­пут­ной вой­ны. Ка­зань: Типо­гра­фия го­су­дар­ствен­но­го уни­вер­си­тета, 1894. С. 203.

⁶ Inter-American Commission on Human Rights, Report on Terrorism and Human Rights, 22 October 2002, para 68.

⁷ До­пол­ни­тель­ный про­то­кол к Же­нев­ским кон­вен­циям от 12 ав­густа 1949 г., ка­саю­щий­ся за­щи­ты жертв ме­ж­ду­на­род­ных во­ору­жен­ных кон­флик­тов (Про­то­кол I) 1977 г. (Элек­трон­ный ре­сурс) URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843?ysclid=lrwnp9zvd6439026297> (дата обра­ще­ния: 26.05.2023)

чески относит их к категории незаконных комбатантов (unlawful combatants). При этом основной целью законных комбатантов, по мнению Теодора Мерона, является сохранение гражданских лиц¹. В этой связи, полагаем возможным упомянуть резонансное дело Тихомира Блашкича. Блашкич был привлечен к уголовной ответственности и осужден на длительный срок за действия, совершенные формированиями боснийских хорватов, которыми он командовал в период 1992—1994 гг. в Центральной Боснии. По версии обвинения, в результате этнических чисток погибли сотни человек. Первоначально срок заключения составлял 45 лет, но Апелляционной палатой срок был снижен до 9 лет². После смерти президента Хорватии Франьо Туджмана были обнародованы документы, доказывающие, что за массовые убийства Блашкич ответственности не несет.

Полагаем, что использование термина «незаконный комбатант» возможно только в рамках международных вооруженных конфликтов. Когда же речь идет о вооруженных конфликтах внутри страны, то привилегий для комбатантов не предусмотрено. Это означает, что они не имеют права участвовать в военных действиях и могут быть наказаны за свое участие в них. В случае задержания или захвата в плен лиц, которые не принимают участие в военных действиях или прекратили свое участие в них, применяются положения международного гуманитарного права (ст. 3, общая для четырех Женевских конвенций, и ст. 4—6 Дополнительного протокола II) и международного обычного права. Следовательно, во время международных вооруженных конфликтов комбатанты, которые действуют в соответствии с международным гуманитарным правом, имеют привилегии, которых не имеют комбатанты внутренних конфликтов. Однако это не

означает, что они могут делать все, что захотят, без последствий. Они все еще должны соблюдать международные нормы и законы, которые регулируют вооруженные конфликты. Так, П.Г. Зверев считает, что уже факт участия незаконных комбатантов нарушает нормы международного гуманитарного права, поэтому они могут являться законными объектами нападения. Далее им приводятся следующие примеры: лицо может быть убито или ранено и, если попадет в плен, может быть судимо как военный преступник³.

Международное гуманитарное право, являющееся составной частью международного права, регулирует характер вооруженных конфликтов и защищает жизнь, здоровье и достоинство лиц, которые не участвуют в военных действиях. Оно также устанавливает правила для защиты и помощи жертвам вооруженных конфликтов, включая защиту прав и свобод гражданского населения, военнопленных, раненых и больных. Международное гуманитарное право является одним из важнейших инструментов для предотвращения бедствий гражданского населения во время вооруженных конфликтов. При захвате в плен или задержании все лица, не принимающие или прекратившие принимать активное участие в военных действиях, подпадают под действие соответствующих положений международного гуманитарного права (ст. 3, общей для четырех Женевских конвенций, и Дополнительного протокола II, в частности, ст. 4—6), а также соответствующих положений международного обычного права.

В этой связи минимальные гарантии, которые применяются ко всем лицам, включая «незаконных комбатантов» и других лиц из числа участников международного вооруженного конфликта независимо от того, подпадают ли они под положения Четвертой Женевской конвенции или нет, закреплены в ст. 75 Дополнительного положения Женевской Конвенции 1949 г.

¹ Theodor Meron, *Some Legal Aspects of Arab Terrorists' Claims to Privileged Combatancy*, 1970. P. 62.

² Marlise Simons. *Archives Force Review Of Croat's Atrocity Case*. The New York Times. November 21, 2002, Section A, p. 14.

³ Зверев П.Г. *Некоторые вопросы международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов* // Молодой ученый. 2014. № 18 (77). С. 687.

Вместе с тем в ходе пленарных дебатов по норме, содержащейся в ст. 5 Третьей Женевской конвенции на Дипломатической Конференции (г. Женева, 21 апреля — 12 августа 1949 г.), был поднят вопрос о лицах, не отвечающих требованиям военнопленных, но принимающих участие в военных действиях (т.е. «незаконных комбатантах»). Были высказаны различные мнения в пользу судебного решения, а не решения «компетентного органа», в частности, капитаном Мутоном, представлявшим Нидерланды. Под компетентным решением органа он подразумевал следующее, приводя пример: «командир на месте ... будет решать, подпадает ли человек, который оказался в его власти, под действие 3 статьи Третьей Женевской Конвенции или нет. Если он вынесет положительное решение, лицо поставят к стенке и расстреляют на месте»¹.

Другая позиция, которой придерживаемся и мы, была представлена со стороны СССР. Были категорически опровергнуты суждения представителя Нидерландов. По мнению представителя СССР, лицо, статус которого не определяется как военнопленный, согласно положениям ст. 3 Конвенции будет считаться гражданским лицом и наделяться правом на защиту, предоставляемую Четвертой Женевской Конвенцией.

С другой стороны, немаловажным является и вопрос уголовного преследования «незаконных комбатантов». За одно лишь участие в боевых действиях их могут преследовать, даже если они соблюдают все нормы международного гуманитарного права. Однако, для этого необходимо, чтобы национальное законодательство предоставляло такую возможность². В частности, К. Дерман считает, что «незаконные комбатанты» прямо защищены положениями ст. 4 Женевской Конвенции, если они

отвечают критериям гражданства. Как бы ни было незаконно участие в военных действиях, оно не является основанием для лишения лица ряда прав согласно ст. 5 Женевской Конвенции. В том же случае, если «незаконный комбатант» лишен гражданства или не соответствует критериям гражданства, то полагаем, что на него распространяется действие ст. 75 Дополнительного протокола I и других обычных норм международного гуманитарного права. При этом с точки зрения более современной концепции, представителями которой являются Голдман и Титтемор, «незаконного комбатанта» нельзя защитить нормами Третьей Женевской Конвенции, поскольку по их мнению, любое нарушение требований ст. 8 которой, тем не менее, подпадает под действие правил, содержащихся в этой норме³.

Израильский ученый Йорам Динштейн также определил, в каких случаях незаконные комбатанты могут наказываться задерживающими государствами за участие в военных действиях. Так, меры пресечения, по его мнению, в отношении «незаконных комбатантов» могут применяться противниками только за действия, совершенные во время операции по захвату. В случае же захвата на более поздней стадии, противник не может преследовать его за преступления, совершенные в прошлом. Таким образом, Динштейн предложил распространить на «незаконных комбатантов» положения норм Гаагских правил о шпионаже. Так, согласно требованиям ст. 23 (с, d) Гаагского положения 1907 г. лица, когда-либо принимавшие участие в военных действиях, лишаются защиты от нападения не на всю жизнь. Также запрещается убивать или ранить «незаконного комбатанта», который сложил оружие, у которого больше нет средств защиты и который добровольно сдался.

В частности, в судебной практике Верховного суда США значимым являются три дела, связанные с задержанием не-

¹ Дерман К. Правовой статус незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов // Международный журнал Красного Креста. Сборник статей. 2003. С. 65.

² Y. Dinstein. The distinction between unlawful combatants and war criminals // International Law at a Time of Perplexity, 1989. P. 114.

³ Тамразян М.В. Международно-правовой статус незаконных комбатантов // Альманах современной науки и образования. Грамота. 2008. № 6. Ч. 2. С. 187.

законных комбатантов на военно-морской базе Гуантанамо. Решение суда было вынесено 28 июня 2004 г. Два из этих решений фактически положили конец содержанию под стражей без связи с внешним миром вражеских комбатантов в заливе Гуантанамо. Важность решений по делам Падильи, Расула и Хамди не следует недооценивать, поскольку Верховный Суд Соединенных Штатов впервые вынес решение о конституционности американской антитеррористической политики в отношении незаконных вражеских комбатантов.

Таким образом, полагаем, что современный международный правовой статус «незаконных комбатантов» требует детальной законодательной регламентации, которая определит их основные права и гарантии, а также разрешит вопрос разграничения правового статуса различных категорий лиц во время международных вооруженных конфликтов или вооруженных конфликтов, не носящих международного характера, и, возникающих на территории конкретного государства. На сегодняшний день «незаконные комбатанты» являются лицами, не имеющими права участвовать в военных действиях, они не имеют права на статус военнопленных при захвате в плен, но тем не менее, пользуются защитой в рамках международного гуманитарного

права, если отвечают критериям гражданства.

Библиография

1. Дерман, К. Правовой статус незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов / К. Дерман // Международный журнал Красного Креста. Сборник статей. 2003.
2. Догель, М.И. Юридическое положение личности во время сухопутной войны / М.И. Догель. — Казань: Типография государственного университета, 1894.
3. Зверев, П.Г. Некоторые вопросы международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов / П.Г. Зверев // Молодой ученый. — 2014. — № 18 (77). — С. 687—688.
4. Мишкуро, М.А. Понятие «Незаконный комбатант» и его правовое положение в международном гуманитарном праве / М.А. Мишкуро // Отечественная юриспруденция. — 2016. — № 3. — С. 20—25.
5. Тамразян, М.В. Международно-правовой статус незаконных комбатантов / М.В. Тамразян // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. — 2008. — № 6, ч. 2. — С. 185—187.
6. Dworkin A. Excerpts from Interview with Charles Allen, Deputy General Counsel for International Affairs, US Department of Defense. 2006. URL: <http://www.crimesofwar.org/onnews/news-pentagon-trans.html> (дата обращения: 27.05.2023)
7. Dworkin R. What the Court Really Said. The new York Review of Books, Vol. 15, Nr. 13. URL: <https://www.nybooks.com/articles/2004/08/12/what-the-court-really-said/> (дата обращения: 30.05.2023)
8. Dinstein Y. The distinction between unlawful combatants and war criminals // International Law at a Time of Perplexity, 1989.
9. Theodor Meron. Some Legal Aspects of Arab Terrorists' Claims to Privileged Combatancy, 1970.